

«Коран — Священная Книга мусульман»

Содержание

Предисловие

Глава 1. Композиция и характер Корана

Уважение мусульман к Корану
План, природа и форма Корана
Наиболее важные суры и стихи Корана
Суры, написанные в Мекке и Медине

Глава 2. Основные доктрины и учения Корана

Догматы исламской веры
Истории о библейских и иных пророках
Другие вероисповедания и Священные Книги в Коране
Основные коранические законы и обязанности

Глава 3. Материальное и духовное в книге Аллаха

Аллах — центральная тема Корана
Мужчины и женщины как слуги Аллаха
Мятежный дух, обуревающий человечество
Вера в сердцах правоверных

Глава 4. Происхождение и источники Корана

Иностраные элементы в тексте Корана
Предания иудейского фольклора в Коране
Христианские источники и их влияние на Коран
Зороастрийские и буддийские источники в Коране

Глава 5. Составление текста Корана

Первоначальный вид Корана
Критический пересмотр Усманом компиляции Зайда
Разночтения в других кодексах Корана
Утерянные отрывки текста Корана
Сабаат-и-Ахруф: семь способов чтения
Ранние сохранившиеся рукописи Корана

Библиография

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во второй половине 1972 года я был вовлечен в оживленную дискуссию со своим другом из Израиля о религии, земной жизни и жизни загробной. Будучи христианином по убеждению, я твердо стоял на позиции Ветхого и Нового Завета, поскольку верил, что именно Библия является источником истины. Я и сейчас не изменил своего мнения. Однако мой друг, почувствовав, что я несколько ограниченно смотрю на жизнь, спросил меня: «Ты когда-нибудь читал работы Эмерсона?» Я ответил отрицательно, потому что

даже не знал, кто такой Эмерсон. Последовал второй вопрос: «А Коран ты когда-нибудь читал?» Со всей искренностью я мог бы задать встречный вопрос: «А что это такое?», но, не желая демонстрировать всей глубины своего невежества, снова ответил: «Нет, не читал».

Спустя шесть месяцев, увлекшись мусульманским евангелизмом, я приобрел экземпляр Корана Сейла, одного из наиболее известных английских переводов оригинального арабского текста. Я прочитал его от корки до корки, делая для себя заметки по ходу чтения. Большую часть Корана я не понял, т. е. она не открыла мне никаких смыслов.

Томас Карлейль однажды сказал, что только чувство долга заставит англичанина прочитать весь Коран, но мои мотивы не дотягивали до этого великого чувства. Острые противоречия между христианством и исламом, весьма регулярно встречающиеся в тексте, в частности отрицание божественности и факта распятия Христа, довольно сильно задевали меня. Я твердо решил прочитать Коран для того, чтобы, обнаружив в нем ошибки, дискредитировать его в пользу Библии как единственного Слова Божия. Его случайная систематизация, дефицит хронологии и множество избитых фраз все равно не могли вызвать, как мне казалось, большого интереса к его содержанию.

В апреле 1976 года мне выпал удачный случай посетить Англию во время Всемирного праздника ислама, сопровождавшегося усиленной пропагандой исламской культуры, искусства и науки во многих городах страны. В Британском музее в Лондоне я обнаружил выставку приблизительно сотни прекраснейших рукописей Корана, которые аккуратно собирались в Тасмании, Турции, Иране и других мусульманских странах. Это была демонстрация исторических сокровищ, которые невозможно воспроизвести вновь. Я был поражен красотой тончайших деталей средневековых рукописей.

До сих пор я полагал, что прочитать Коран стоит лишь с целью критического анализа, теперь же я с уважением рассматривал его рукописные экземпляры, выполненные с религиозным рвением, большим почтением и благородством мусульманами-каллиграфами всего мира.

Чем больше я узнавал о Коране, тем сильнее возрастало мое уважение к нему. Четырнадцать лет назад я научился читать на арабском, но с тех пор мало что узнал об этом языке. Однако моих знаний хватило, чтобы прочитать Коран. Его острые клише, ритмический стиль, взвешенный подбор слов помогли мне понять, почему он завоевал сердца тех, кто верит, что это последнее Слово Бога человечеству.

Может быть, мои слова прозвучат резко, но все же необходимо сказать, что на сегодняшний день не существует достаточно хорошей английской версии Корана, поскольку оригинальный арабский текст временами не поддается переводу. Мусульмане правы, когда говорят, что Коран нельзя воспроизвести на другом языке.

Я верю, что Коран — это уникальная Книга. И он остается таковым во все времена, особенно если принять во внимание, что написан он был в Аравии седьмого века нашей эры.

Теперь я уже могу оценить не только его удивительную логичность, но и всепроникающий дух, которым пронизана каждая его страница. Сконцентрировав внимание на основных темах третьей суры, я понял, что они представляют собой очень интересный с образовательной точки зрения источник. Кроме того, я приобрел прекрасную рукописную копию Корана, выполненную почти с совершенством и богато иллюстрированную. Это самая ценная книга в моей библиотеке.

И тем не менее я не могу разделить убежденность мусульман в том, что эта Книга является Словом Божиим. Библия затмевает ее как в аспекте исторического взаимодействия Бога с людьми, так и в качестве откровения божественного характера. Однако в первых трех главах книги, которую вы держите в руках, я постарался сделать все для того, чтобы Коран говорил сам за себя. Моя цель — передать христианским

читателям, насколько это возможно, идею уникальности Корана, которую я осмыслял в течение многих лет.

Претензия Корана на оригинальность, по-моему, опровергается его многочисленными фрагментами, имеющими параллели с апокрифами и легендами, известными за много столетий до его появления. В четвертой главе моей книги вы прочитаете об этом. Цель же книги не в том, чтобы снабдить христиан действенным оружием для нападения на идею целостности Корана, а в том, чтобы предоставить им определенные доказательства, которые поставят под серьезное сомнение факт святости Корана. Мусульманские ученые прекрасно знают эти доказательства, но им удобнее игнорировать их. Я также никогда не слышал, чтобы хоть один мусульманский писатель попытался рассмотреть их объективно.

В последней, пятой главе книги проводится анализ истории текста Корана, в частности метода его трансформации на протяжении столетий в единый текст. Свидетельства, приведенные в этой связи, опровергают еще одну дорогую сердцу каждого мусульманина гипотезу, а именно, что Коран неизменен вплоть до последней буквы. Мне кажется, это убеждение бросает вызов существующим фактам. Данная теория используется в качестве доказательства того, что Коран — это Слово Божие, поскольку его текст чудесным образом якобы сохранен без каких-либо искажений. Это объяснение кажется мне еще более странным, так как я всегда считал, что предполагаемое божественное происхождение книги в первую очередь доказывается самим ее содержанием. И если она никогда не была Словом Божиим, то никакое, даже самое тщательное, ее сохранение не сможет сделать ее таковым.

Последняя глава этой книги, по сути, является кратким изложением моей монографии «Сжатый Коран: Кодификация текста Корана».*

* Цитаты из Корана и ссылки на него приводятся по следующему изданию: Коран: Перевод смыслов и комментарий / Пер. Валерии Пороховой. 4-е изд., доп. и перераб. М., [1998].)

В цитатах и ссылках на жизнеописательные книги о пророке Мухаммаде, а также на своды хадисов о нем приняты следующие сокращения:

Ибн Исхак. Сират расул Аллах — Ибн Исхак (Ибн Хишам). Сират саййидина Мухаммад расул Аллах = Жизнеописание посланника Аллаха.

Ибн Саад. Табакат — Ибн Саад. Табакат = Классы сподвижников Мухаммада.

Ас-Сахих ал-Бухари — Ал-Бухари. Ал-Джами ас-Сахих. Китаб ат-Тафсир = Собрание истинных хадисов. Книга толкований Корана.

Ас-Сахих Муслима — Муслим. Ал-Джами ас-Сахих = Собрание истинных хадисов.

Ал-Муватта Малика — Малик б. Анас. Ал-Муватта = [Свод юридических норм ислама].

Китаб ас-сунан Абу Дауда — Китаб ас-сунан Абу Дауда ас-Сиджистани = [Канон согласно Абу Дауду].

Ибн Аби Дауд. Китаб ал-Масахиф — Ибн Аби Дауд. Китаб ал-Масахиф = Книга Книг.

Ас-Суйути. Ал-Иткан — Ас-Суйути. Ал-Иткан фи Улум ал-Куран = [Комментарий к Корану].

Все вышеперечисленные классические арабские источники переводились на русский язык лишь фрагментарно, поэтому редакция настоящего издания вынужденно прибегает к цитированию этих трудов в переводе с английского. Ссылки при цитатах даются согласно оригинальному изданию книги Джона Гилкреста.

Глава первая
КОМПОЗИЦИЯ И ХАРАКТЕР КОРАНА
Уважение мусульман к Корану

Божественное совершенство Священной Книги ислама

Коран — это Священная Книга мусульман всего мира. Он является божественным удостоверением веры, которую последователи ислама ревностно исповедуют. Мусульмане верят, что Коран был передан миру Аллахом через его посланника Мухаммада. Но несмотря на то, что пророк ислама почитается как величайший слуга Всевышнего, к нему относятся всего лишь как к человеку — вестнику, который жил и умер подобно другим смертным.

Считается, что города Мекка и Медина, подобно Корану, священны для мусульман, но, как и все прочие земные вещи в исламском мире, они не более чем материальные части сотворенного порядка. Коран же, ниспосланный свыше, является каламом Аллаха, божественным Словом (или речью), выражающим сифу, истинное свойство его существования и личности. И если письменный или печатный текст Корана может быть воссоздан из земного материала, то его истинная первооснова представляется не чем иным, как записью божественного сообщения.

В начальные столетия существования ислама в мусульманском мире разгорелись дебаты о том, был ли Коран, являющийся Словом Аллаха, создан в определенный момент времени? В связи с этой проблемой возникла группа свободомыслящих людей, известных как мутазилиты. Их центр располагался в Багдаде — городе, где воцарилось правление аббасидов. Мутазилиты не сомневались, что Коран является Словом Аллаха, но полагали, что человеческий интеллект есть конечный источник всех знаний. Они учили, что Коран — только часть сотворенного порядка, он имеет начало и не может быть назван божественным.

Ортодоксальные мусульмане категорически выступали против этой точки зрения. Они считали, что как Слово Аллаха Коран нельзя отделять от него, Коран сосуществует с ним в вечности. Из своего божественного источника Коран был ниспослан Мухаммаду в качестве откровения в удобный момент истории человечества. Точка зрения ортодоксов победила, и с тех пор считается, что Коран извечен. Сам же Коран учит, что его письменная форма — это точное отражение того, что начертано на небе:

И это достославный, истинно, Коран! В хранимой (тщательно) скрижали!

(Сура 85:21–22)

Большинство английских переводов Корана озаглавлено «Священный Коран», и христиане могут предположить, что он является мусульманским эквивалентом Святой Библии. До известной степени обе Книги — и Коран, и Библия — являются формами Священного Писания и письменным источником всех знаний об открытой Богом истине. Книги эти очень похожи. Однако существует одно фундаментальное различие, которое необходимо полностью осознать, чтобы понять причину глубокого почитания Корана мусульманами. Библия — это свидетельства многочисленных пророков Бога и апостолов Христа (в Ветхом и Новом Завете соответственно), которые писали, побуждаемые Духом Господним и, следовательно, сохранили Слово Божие для человечества. Нередко Бог Сам говорил посредством этих писаний, и Его откровения запечатлены во множестве библейских книг. Кроме того, по стилю каждого писания всегда можно понять, что его

автором непогрешимо руководил Дух Святой. Истинные слова Бога цитируются как очень важные сообщения слушателям.

Аллах же, как полагают, сам был автором Корана (хотя и в нем можно найти множество отрывков, где говорят люди, ангелы, пророки и даже сатана или их слова косвенно цитируются). Аллах практически всегда выступает в роли говорящего, и то, что было записано Мухаммадом, считается откровением Всевышнего. На протяжении двадцати трех лет сообщения передавались пророку архангелом Джibriлом (библейский Гавриил (сура 2:97)), после того как его послали на первое небо в месяц рамадан. В Коране Аллах говорит пророку:

Мы в Истине Коран послали, и в Истине нисшел он свыше. Тебя же Мы (о Мухаммед!), лишь (благо)вестником и увещателем послали. Коран мы разделили (на айаты), чтоб людям ты читал его (не сразу), а делал промежутки (в чтенье), — (и потому) ниспосылали Мы его ниспосланием, (что временем разнилось).

(Сура 17:105–106)

Очень часто Коран сам ссылается на свою уникальность, утверждая, что заключает в себе «прекраснейшее Слово» (сура 39:23) и никакая ложь не может находиться рядом с ним (сура 41:42). Далее Коран ведет речь о том, что он был ниспослан «на языке арабском, ясном» (сура 16:103), и обвиняет клеветников, ставящих под сомнение божественное происхождение Книги, предлагая им самим сочинить что-либо подобное:

А если вы в сомнении о том, что Нашему слуге Мы ниспослали, составьте хоть одну подобную главу и призовите (всех, кого хотите) в свидетели себе, помимо Бога, коль вы (в своих словах) правдивы.

(Сура 2:23)

Книга в буквальном смысле требует от своих приверженцев глубочайшего уважения и почитания, и, надо сказать, мусульмане очень преданны ей. Им предписано искать у Аллаха защиты от лукавого, прежде чем начинать чтение Корана (сура 16:98), и правоверные делают это такими словами: Аузу биллахи мин аш-шайтани-р-раджим, что значит «Прошу защиты у Аллаха от сатаны, гонимого камнями». Эти слова сопровождаются словом бисмиллахи — вступительным словом к каждой главе Корана, за исключением девятой суры, которая не начинается со слов Бисмиллахи-р-Рахмани-р-Рахим — «Во имя Аллаха Всемилостивого и Милосердного!». И только затем следует чтение Корана.

Чтобы внушить мусульманам, что Коран является собственным Словом Аллаха, им предписывается при чтении постоянно держать текст в памяти, чтобы не было чтения ради чтения. Более того, очень важно, чтобы текст читался должным образом, поэтому мусульмане не останавливаются ни перед чем, чтобы выучить наизусть огромные отрывки с целью достижения совершенства в чтении. Дело в том, что от мусульманина требуется зафиксировать внимание на Аллахе. Однако в отличие от христиан, которые читают Библию преимущественно на своем родном языке, мусульмане ставят себе в заслугу умение читать Коран на языке оригинала, т. е. на арабском, даже в том случае, если они не совсем понимают, о чем идет речь:

Когда читается Коран, вы слушайте его безмолвно, чтобы могли Господню милость получить. С благоговением, смиренно и без громких слов ты вспоминай о Господе твоём в час утренней зари, и в час вечерний, и здесь небрежным быть не должно.

(Сура 7:204–205)

Кроме того, читать Коран надо медленно (сура 73:4), так как при чтении всегда может присутствовать дух благоговейной осведомленности самого Аллаха, и мусульмане-суфии (последователи суфизма, мистико-аскетического направления в исламе) выработали для этой цели особые церемонии. «Упоминание» Аллаха в исламе известно как ал-зикр. Это слово часто встречается в Коране, по определению которого основная функция зикра заключается в упоминании Аллаха с целью прославления его имени (например, сура 15:6, 9).

Историческая святость письменного текста

На протяжении жизни Мухаммада фрагменты Корана записывались во множестве копий и спустя некоторое время после его смерти были систематизированы в единый текст. В течение многих столетий Коран переписывался от руки. Старинные рукописи всегда обладают большой ценностью, и надо полагать, что рукописные копии Корана почитаются более всех других книг. Лишь недавно его начали печатать и продавать во всем мире.

Средневековые рукописи Корана переписывались с величайшей осторожностью и исключительно тщательно — не только с целью избежания ошибок, но и для наиболее выразительной передачи текста. Раннеарабское куфическое письмо (а письмом профессионалы называют почерк) было ценно как произведение искусства каллиграфии, и переписчики следовали тексту со всей возможной педантичностью. Если им не удавалось в точности воспроизвести какую-либо букву или даже отдельный штрих, страница выбрасывалась и работа начиналась заново.

Спустя несколько столетий переписывания Корана его текст стали украшать цветными заголовками, а первая глава, известная под названием Сура тул-Фатиха («Открывающая глава»), наряду с несколькими стихами следующей главы, обрамлялась орнаментом в восточном стиле. Поля из золотой фольги и красивая обводка объединялись с темно-синим фоном. Для придания тексту изобразительной пышности и благородства использовались различные цвета и орнаментальные мотивы (обычно из растительного мира), часто заключенные в причудливые медальоны. Подобными украшениями типа унван сопровождалась практически все рукописные тексты. Заголовки других глав украшались в той же цветовой гамме.

В течение столетий менялся шрифт текста. Самые старые рукописные копии дошедших до нас отрывков Корана, датированные вторым веком от зарождения ислама, написаны наклонным шрифтом ал-Маил. Впоследствии наиболее популярным стал шрифт Насх, и большая часть сохранившихся древних рукописей выполнена именно им. С одиннадцатого века некоторые рукописные и практически все печатные версии Корана используют именно этот шрифт. Затем какое-то время применялся похожий шрифт Сулуси (или Сулси), а в наши дни в некоторых странах, как, например, Алжире, Марокко и Тунисе, используется курсивный шрифт Магриби (т. е. «западный»). Более подробную информацию на эту тему вы найдете в последней главе книги.

Убеждение, что Коран является нерукотворным каламом Аллаха, повлекло за собой некоторые требования, которые сопровождают чтение переписанных от руки или отпечатанных копий текста. Особо яростные ортодоксы полагают, что Коран не позволено

не только открывать, но даже трогать никому, кроме правоверных мусульман, да и те должны совершить специальное омовение, прежде чем сделают это. В Коране по этому поводу сказано: «...прикоснуться могут лишь те, кто (телом и душой) чист...» (сура 56:79), а предание так говорит о необходимости омовения:

Абд Аллах б. Абу Бакр б. Хазм рассказывал: «То, что Коран написан посланником Аллаха (да пребудет он с миром), для Амра б. Хазма означает, что никто не должен трогать Книгу без омовения».

(Ал-Муватта Малика, с. 94)

Более того, существует обычай прикреплять небольшую полочку, на которой хранится Коран в то время, когда его никто не читает, как можно ближе к крыше дома, поскольку он должен находиться на самом высоком месте в доме. Мусульмане никогда не оставляют Коран на стуле, на скамье или кровати, так как считается, что имущество, принадлежащее людям, на котором они сидят или лежат, совершенно непригодно для этой Книги. По этой же причине Коран никогда не кладут на землю, потому что по ней люди ходят. В мечети Коран кладут на специальную деревянную подставку, а читающий его человек сидит на земле. Прежде чем открыть Книгу, ее нужно поцеловать, и после того как чтение закончено, ее необходимо закрыть, поскольку поверье, бытующее среди мусульман, гласит, что сатана может прийти и прочесть открытый Коран, если никто его в этот момент не читает.

В заключение следует отметить, что грамматические особенности Корана стали стандартом, с которым сверяют всю арабскую грамматику. Испокон веку считалось, что текст Корана безупречен и, следовательно, его стиль также является нормой, с позиции которой оцениваются любые арабские письменные работы. Всякое отклонение от его стиля и грамматики считается дефектом. Многие западные историки полагают, что стиль некоторых произведений арабской литературы, цитируемых в книге ал-Бакиллани Иджаз ал-Куран, намного лучшего качества, чем однообразный тон Корана. Однако подобные работы вынужденно ставят на второе место, потому что Коран считается стандартом, в соответствии с которым оцениваются все прочие литературные произведения (котирующиеся, естественно, ниже!). Этот принцип незыблем также в области научных сочинений и литературной критики. Если кто-нибудь попытается создать «такую же суру», то по крайней мере он должен знать о том, что пресловутый принцип сравнения немедленно вступит в силу, а результат предугадать несложно — никакой перспективы на успех.

ПЛАН, ПРИРОДА И ФОРМА КОРАНА

Структура текста

По объему Коран приблизительно равен Новому Завету, хотя его структура и форма совершенно иные. Он включает в себя сто четырнадцать сур, которые разнятся по длине и содержанию которых игнорирует идею хронологического порядка. Сура — это отрывок Писания. Так называется каждая глава Корана.

Самые длинные суры находятся в начале Книги, и по мере чтения Корана они становятся все короче. Например, если вторая сура состоит из двухсот восьмидесяти шести стихов (по-арабски — аятов), то в последних десяти сурах вы найдете только по несколько строк.

Каждая сура имеет заголовок, образованный от главного слова в тексте или имени, как правило, стоящего в начале текста. Некоторые заголовки представляют основную тему суры. Например, двенадцатая глава известна как Сурату-Юсуф («Глава Иосиф»), поскольку фигура Юсуфа является центральной темой главы. Читателю интересно будет узнать, что и другие библейские пророки не раз упоминаются в тексте Корана, но имя Иосиф не встречается больше нигде. Произошло это потому, что Мухаммад услышал об Иосифе только в конце своей жизни, поскольку, как говорит предание, эта глава была передана ему одной из последних. Приведенный ниже стих, взятый из вступительной части главы, совершенно очевидно показывает, что Мухаммад был очень взволнован этим откровением:

Тебе Мы повествуем лучшим сказом Коран сей, что открыли Мы тебе, хотя ты прежде был из тех, кто пребывал в беспечности (не ведая об этом).

(Сура 12:3)

Девятнадцатая сура озаглавлена Сурату-Марьям («Глава Мария»), поскольку главной ее героиней является мать Иисуса.

Так же в Коране используется и другое достаточно определенное деление текста — на тридцать отрезков практически равной длины. Каждый из них называется джузом, а в популярной персидской терминологии — сипарахом (где си — это тридцать и парах — части). Между джузами и сурами отсутствует взаимосвязь, и в рукописном Коране вы не найдете достаточно явного разграничения джузов. Лишь в некоторых местах по ходу текста их границы отмечены медальонами. Во многих печатных копиях Корана первый стих каждого джуза выделен шрифтом другого начертания или украшен орнаментом. Цель этого деления заключается в том, чтобы предоставить возможность мусульманам читать Коран в каждую из тридцати ночей священного месяца рамадан — месяца, в течение которого все мусульмане должны соблюдать пост от восхода до заката солнца.

В начале двадцать девятой суры Корана, сразу после слова бисмиллахи, вы найдете несколько арабских букв, которые не образуют слов. Никто не знает, что они означают. Было предложено много интересных толкований и гипотез при попытке разгадать их значение. Некоторые ученые предполагают, что эти буквы несут определенный смысл, известный только самому Мухаммаду, и никто, кроме него, ничего не может сказать по этому поводу. По крайней мере шесть сур начинаются этими буквами — алиф, лам, мим. Для мусульман эта загадка лишена особого значения, поскольку самым важным считается чтение Корана, чему и учит ислам.

Само слово ал-Куран означает «чтение (вслух, наизусть)», и этот ритуал настолько серьезно воспринимается мусульманами, что они тщательно выучивают правильное произношение каждого слова. Исполнение этого ритуала сегодня переросло в искусство — илму-т-таджвид, искусство чтения (Корана) нараспев (фактическое чтение Корана носит название тилава). В предании говорится, что сам Мухаммад очень серьезно подходил к вопросу правильного чтения:

Джибрил обычно читал Коран перед нашим посланником, да благословит его Аллах, каждый год в месяц рамадан. В тот год, когда посланник вздохнул в последний раз, архангел читал его дважды. Мухаммад сказал: «Надеюсь, что наш стиль чтения соответствует последнему чтению Джибрила».

(Ибн Саад, Табакат, том 2, с. 243)

Каждая сура Корана разбита на короткие разделы, которые называются рукуа. Мусульмане считают необходимым совершать поклоны, символизирующие глубокое почитание (руку), после завершения чтения каждого такого раздела. Разделы эти обозначены на полях Корана арабской буквой аин, рядом с которой ставят номер раздела и номера стихов. Очень часто эти обозначения украшены розетками, выполненными с использованием растительного орнамента, или иными декоративными рисунками.

У самого Корана имеется множество названий. В суре 85:21 его называют Куран Маджид («Достославный Коран»), в суре 56:77 — Куран Карим («Благородный Коран»). В суре 36:2 ему присвоен титул Ал-Куранул-Хаким («Исполненный мудрости Коран»). Многие современные печатные копии Корана используют одно или несколько подобных названий на титульном листе Книги. Одно из таких изданий озаглавлено Куран Карим ва Фуркан Азым («Благородный Коран и Высокое Мерило»). Заглавие Ал-Фуркан применено к Корану в суре 25:1; оно предполагает, что Священная Книга является «мерилом», с позиции которого истина может быть отделена от лжи и правота от заблуждения.

Уникальные особенности формы и стиля Книги

Коран отличается от Библии тем, что он составлялся одним человеком на протяжении двадцати трех лет его жизни. Только это обстоятельство и повлияло на длину и структуру Книги. До тех пор пока Мухаммад был жив, существовала возможность притока нового материала.

В Книге, как говорилось ранее, отсутствует хронологическая последовательность. Охватывая значительную часть библейской истории с обширными высказываниями пророков, она не только не пытается продемонстрировать какую-либо историческую последовательность описываемых событий, но даже не упоминает время или место действия. Единственное название места, встречающееся в Коране, — это Мекка (Бакка (сура 3:96)), но вы не найдете ни одной даты происходящих в ней событий, и если читатель Корана не узнал о них из другого источника, скажем из Библии, у него нет никакой надежды воссоздать для себя картину пророческой истории.

История Ионы не датирована Библией, и краткое повествование о нем не дает ясной картины того, что именно с ним происходило. История эта, лишь частично описанная в суре 37:139–148, испытывает явный дефицит жизненно важных деталей. Ссылки на города Фарсис и Ниневию опущены, ничего не говорится о шторме, из-за которого Иону бросили за борт корабля, в море, хотя эпизод со жребием описан полностью. Видимо, предполагается, что читатель должен быть знаком с основными деталями истории.

Позитивное качество Корана состоит в том, что его можно рассматривать как Священное Писание, созданное для назидания и поучения, и поэтому у него нет необходимости отягощать себя фактическими или хронологическими деталями, уводящими в глубины истории. Он словно не заинтересован в описанных на его страницах событиях с точки зрения их исторического развития, географического положения или личностного участия персонажей истории. По отношению к истинному содержанию все это вторично и несущественно, подлинная тема Корана заключается в опыте общения Аллаха с людьми в прошлые времена как образце для настоящего и будущих поколений.

И все-таки временами читатель не может освободиться от ощущения, что недостаток подробностей является результатом отсутствия необходимой информации у автора Книги. Коран описывает историю, похожую на притчу, рассказанную пророком Нафаном царю Давиду во Второй книге Царств 12:1–6. Однако в Коране говорится, что этот случай имел место в реальной жизни. К тому же здесь, в отличие от библейского содержания, два

человека, вступившие в конфликт, явились к Давиду, и один из них обвинил другого в том, что тот, имея девяносто девять овец, забрал его единственную овцу (сура 38:22–23). Давид, гневно обрушившийся на обидчика, неожиданно понял, что в ходе разбираемой им тяжбы приговор выносится ему самому, и пал ниц, моля о прощении. Ничего не говорится о том, в чем состояла ошибка Давида, а также какое отношение к нему имеет это дело. В суре 38:25, где говорится, что Аллах простил его за «это», нет ни тени намека, что же «это» такое. Не обратившись за спасительными разъяснениями к Библии, читатель никогда не поймет, о чем рассказывает Коран.

Неплохим примером произвольности структуры Корана может послужить отрывок, который следует за историей об Ионе в суре 37:149–157. В нем содержится напоминание о вере арабов-язычников в то, что некоторые идолы были дочерьми Аллаха. Как же у него могли быть дочери, рассуждает Коран, если сами арабы положительно воспринимали только рождение сыновей (согласно арабским обычаям, рождение сына — благословение, а рождение дочери — несчастье)? Этот отрывок не имеет никакой связи с предыдущим. Фактически весь Коран составлен подобным образом, однако этот последний отрывок символизирует одну из уникальных особенностей Корана. В Книге постоянно приводятся доказательства, которые должны убедить слушателей в истинности ее содержания. Призывая арабов-язычников не упорствовать в идолопоклонстве, в качестве аргументов Коран повсеместно обращается к свидетельствам о едином источнике всего созданного (подобно тому, как Павел приводил доводы в Послании к Римлянам 1:20):

Кто постелил ковром вам землю, покровом небеса возвел, и из небес излил (обильно) воду, чтобы взрастить плоды для вашей пищи, — а потому, когда вам (истина) уже известна, вы в равные Ему других божеств не измышляйте.

(Сура 2:22)

Подобная аргументация используется и в суре 6:32, где приводятся доказательства того, что в этом мире удовольствия жизни, безусловно, легкомысленны и преходящи и гораздо мудрее стремиться к постоянному дому в жизни потусторонней. Несколько стихами далее язычники спрашивают, к кому они смогут обратиться, если гнев Аллаха падет на них или неожиданно пробьет Последний час (сура 6:40).

В полемике с христианской концепцией непорочного зачатия Коран задает риторический вопрос: «Как может Он иметь ребенка, коль не было супруги у Него?» (сура 6:101). Положение довольно двусмысленное, так как Мария задала подобный же вопрос, но не в форме оскорбления, а просто желая знать, как же она сможет родить сына, если у нее нет мужа (сура 3:47). А в следующих стихах Коран заявляет, что Аллах может делать то, что пожелает, и только он может сказать слово кун («будь») и фйкун («будет»). Сура 19:21 добавляет, что Аллаху ничего не стоит делать подобные вещи. Приводя такие аргументы, Коран должен был сам ответить на собственный вопрос в суре 6:101. Этот отрывок является типичным среди множества подобных, где используется дух спора и соперничества.

В более ранних отрывках Корана, концентрирующихся на острых пророческих высказываниях, используется заразительная ритмичная проза и поэтические приемы. Этот стиль, садж, пропадает в более поздних отрывках, имеющих дело в большей степени с практическими проблемами, но в любом случае его использование является одной из ярких особенностей Корана (важно не забывать, что более ранние отрывки находятся в конце Книги, а более поздние, как это ни парадоксально, в начале).

Хотя Коран, как гласит легенда, является вечной Священной Книгой, а пророк ислама был призван с единственной целью — передать ее содержание, ничего не добавляя от

себя, Коран находится в диалоге со своим вестником и бесконечное количество раз обращается непосредственно к нему:

Ему приказали: «Скажи: „Всего лишь человек я, вам подобный. Пришло мне Откровение, что бог ваш — Бог Единый“».

(Сура 18:110)

«Зови на путь Господний мудростью и добрым наставленьем и с ними спор добрейшим образом веди».

(Сура 16:125)

«О пророк! Веди суровую борьбу ты с лицемерами и с теми, кто не верит, и против них непримиримым будь. И их жилищем Ад предстанет — приют злоеущий для неверных».

(Сура 66:9)

«(Пророк) нахмурился и отвернулся оттого, что подошел к нему слепой (и речь прервал). Как знать тебе, быть может, душу он свою очистить хочет? И он воспримет увещания твои и пользу извлечет из них. Тому же, кто богат (и знатен), ты обращаешь все свое вниманье. Хотя твоей вины не будет, коль не очистится (его душа). А тем же, кто со тщанием к тебе приходит, испытывая (в сердце) страх, пренебрегаешь ты».

(Сура 80:1–10)

Коран — уникальная по своему характеру, стилю и форме Книга. Даже немусульманам стоит потратить время на ознакомление с ее особенностями, но гораздо важнее понять ее.

НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫЕ СУРЫ И СТИХИ КОРАНА

Открывающая глава и другие важные суры

Мусульмане верят, что некоторые суры Корана обладают особой святостью, и считают их чтение обязательным и достойным поощрения. Наиболее важная из них — Сура тул-Фатиха — занимает особое место в Коране и находится во вступительной его части. Она состоит только из семи стихов, в отличие от других поздних сур — самых длинных в тексте Корана. Звучит она как молитва, обращенная к Аллаху:

Во имя Аллаха Всемилостивого и Милосердного! Хвала Аллаху, Господу миров; Всемилостив и Милосерден Он один, дня судного один Он Властелин. Лишь пред Тобой колени преклоняем и лишь к Тебе о помощи взываем: «Направь прямой стезею нас, чтоб Ты избрал для тех, кто милостью Твоею одарен, удержи нас от пути разгневавших Тебя и тех, которые в неверии блуждают».

(Сура 1:1–7)

Это один из немногих отрывков Корана, в которых Аллах не говорит непосредственно сам, а текст вложен в уста мусульман, поклоняющихся ему. Каждый раз, когда

мусульмане начинают молиться дома или приходят для моления в мечеть, эта молитва Аллаху произносится ими на арабском языке. Она звучит на праздниках и при исполнении особых обрядов, а также во многих иных случаях. Каждого ребенка, родившегося в мусульманской семье, обучают этой молитве, как только он в состоянии ее выучить. Обычно молитва заканчивается словом амин — эквивалентом христианского «аминь». В старинных рукописных текстах Корана этим словом, символизирующим конец определенной части текста, завершается каждая глава. Особый статус Суратул-Фатихи становится очевидным в следующей цитате, в которой она выделена как наиболее важный отрывок Корана:

Тебе Мы дали семь (часто) читаемых аятов и чтение Великого Корана.

(Сура 15:87)

Традиционные предания о пророке, хадисы, очень часто ссылаются на эту суру. Согласно одному из них, Мухаммад говорил, что «семь (часто) читаемых аятов» (сабаул-масани) — это семь стихов Открывающей главы, а «Великий Коран» (Ал-Куранул-Азым) — заглавие одной из сур (Ал-Муватта Малика, с. 37). Другое распространенное заглавие этой суры — Уммул-Куран («Мать Корана»). Впрочем, во многих классических переводах Корана название этой второй суры звучит как «Корова». Уникальность ее состоит в том, что она — единственная в Коране, где человек обращается к Богу. По другому преданию, Мухаммад утверждал, что ее чтение является ключевым моментом любой молитвы:

Тот, кто не читает Фатихат ал-Китаб, не может считаться человеком, следующим молитве.

(Ас-Сахих Муслима, том 1, с. 214)

Два других предания гласят, что пророк лично определил эту главу как наиболее значимую во всем Коране:

Разве я не учил вас наиболее важной суре Корана? Он сказал это: «Да будет прославлен Аллах, Господь вселенной».

(Ас-Сахих ал-Бухари, том 6, с. 490)

«Да будет прославлен Аллах, Господь вселенной» — это итог или основа Корана, итог или основа Книги и семи часто читаемых стихов.

(Китаб ас-сунан Абу Дауда, том 1, с. 382)

Во время официальных молитв, произносимых пять раз в день, только имам, глава общины, среди других молитв читает и эту суру. Но в предании говорится, что все мусульмане должны сознательно произносить слово амин в конце этой главы. Мухаммад рассказывал, что ангелы небесные делают то же самое, и если слово амин, произнесенное каждым мусульманином, совпадет с теми, которые произносят ангелы, то все его грехи будут прощены (Ас-Сахих ал-Бухари, том 1, с. 416). Вряд ли можно переоценить важность Открывающей главы для мусульман всего мира.

Существует еще одна короткая, но очень важная глава Суратул-Ихлас («Глава Непорочность»), которая звучит так:

Во имя Аллаха Всемилостивого и Милосердного! Скажи: «Он — Аллах — един; извечен Аллах один; не рожден Он, и не был рожден, и с Ним никто не сравним».

(Сура 112:1–4)

Единоличие Аллаха — основная тема Корана, и идея его исключительной и абсолютной власти во вселенной постоянно повторяется в тексте. Это утверждение направлено против языческого идолопоклонства соотечественников Мухаммада и против христианской веры в Иисуса как Сына, рожденного от Бога. В апологетической литературе современные мусульмане регулярно используют эту концепцию против христианства, и, вероятно, она является основным аргументом ислама в полемике с иными вероисповеданиями.

Как гласит предание, Мухаммад говорил, что «эта сура равнозначна одной трети всего Корана» (Ас-Сахих ал-Бухари, том 6, с. 494), поэтому мусульмане ее регулярно читают, поскольку верят, что, прочитав ее, они прочитали треть всей Книги. Однажды пророк спросил своих последователей, смог бы хоть один из них прочесть треть Книги за ночь, и после того, как они выразили удивление наивностью его вопроса, он еще раз повторил, что эта сура «равнозначна одной трети всего Корана» (Ас-Сахих Муслима, том 2, с. 387).

По другому преданию, пророк однажды услышал, как один человек читал эту главу, и сказал, что рай ему обеспечен (Ал-Муватта Малика, с. 99). Один из сподвижников Мухаммада тоже однажды слышал, как некий мусульманин непрерывно читал эту суру на протяжении ночи. Не находя для себя возможным читать эту очень короткую главу непрерывно, он обратился к Мухаммаду с опровержением ее заявленной эквивалентности, но, как и все, получил ответ, что Аллах сам указал на равнозначность этой суры трети Корана (Китаб ас-сунан Абу Дауда, том 1, с. 383).

Есть еще одна сура, вызывающая подобный благоговейный трепет наряду с предыдущими двумя, — это 36-я глава Корана Суратул-Йа-Син. Она названа так по двум буквам (йа и син) из разряда уже упоминавшихся необъяснимых букв, с которых она начинается. Мусульманские каллиграфы выделяют первые несколько стихов этой главы с особым высокопрофессиональным мастерством. Ислам учит, что эта сура является сердцем Корана. Предполагается, что все читающие ее прочитали Коран десять раз. Она регулярно включается в мусульманские молитвенники, и зачастую ее печатают как отдельную молитву.

Клише и знаменательные стихи

Вдобавок к своему ритмическому характеру Коран полон острых клише. Вероятно, наиболее яркие из них — это имена, которыми называют Аллаха (обычно двумя) после стихов, обращенных к нему или к его действиям. Это, например, обращение Аллаху-Таввабун-Рахимун («Аллах приемлет обращение, милостив» (сура 4:64)). В конце отрывка неверующим заявляют, что они найдут Аллаха именно таким, если придут к нему после своего непослушания и попросят прощения у него, а также помолятся за свое прощение.

Другой отрывок повествует, что Аллах взял Иисуса к себе, когда иудеи собирались убить его, и делает заключение: Ва кана Аллаху Азизан Хакиман («И Аллах Могущественный, Мудр» (сура 4:158)). Постепенно эти имена Аллаха были собраны вместе и образовали список из девяти имен.

В Коране есть несколько стихов исключительного характера. Один из них — Айатул-Курси («Стихи о троне») — наиболее известен. Вероятно, это одно из самых ярких высказываний о вселенском владычестве Аллаха над всем, что он создал, — и над

началом, и над завершением, — с двумя типичными именами Аллаха, свидетельствующими о его абсолютной власти и славе. Они находятся в самой длинной главе и звучат следующим образом:

Аллах — нет божества, кроме Него, живущего и самосущего извечно, — не склоняет Его ни сон, ни дремота, землю и небом один Он владеет. Кто может вступить перед Ним без Его изволения? Он ведает все, что творенья Его испытали, и то, что за ними наступит вослед, и им из мудрости Его назначено послать лишь то, что Он дозволит. Возвысит Он трон Свой на землю и небо — не в тягость Ему их охрана. В Своем могуществе велик Он и (в высшей степени) возвышен.

(Сура 2:255)

И хотя Суратул-Фатиха считается наиболее важной главой Корана, именно этот стих, как говорил Мухаммад, стоит в книге на первом месте:

Убайй б. Кааб сказал: «Посланник Аллаха (да пребудет он с миром) сказал: „Абу-л-Мунзир, какой стих из книги Аллаха ты считаешь самым великим?“ Я ответил: „Аллах и Его посланник знают лучше“. Он сказал: „Абу-л-Мунзир, какой стих из книги Аллаха ты считаешь самым великим?“ Я сказал: „Аллах — нет божества, кроме Него, живущего и самосущего извечно“. Затем он ударил меня в грудь и сказал: „Пусть знания будут для тебя радостны, Абу-л-Мунзир“».

(Китаб ас-сунан Абу Дауда, том 1. с. 383)

Из мединского периода пророческой миссии Мухаммада можно выделить еще один поразительный стих. Хотя его центральной темой, как всегда, является Аллах, текст уводит нас в царство мистики, описывая славу Господа. Этот стих очень высоко ценят суфии. Вот он:

Аллах есть Свет земли и неба, и Свет Его подобен нише, а в ней — светильник, что в стекле, стекло же — точно яркая звезда, (роняющая) свет жемчужный. (Светильник) зажигается от древа смоковницы благословенной ни на востоке, ни на западе (земли), чье масло может вспыхнуть (светом), хотя огонь его и не коснулся. (Кладется) Свет на Свет (все выше к небесам), — и к Свету Своему ведет Аллах лишь тех, кого (Своей угодой) пожелает. Так для людей Аллах приводит притчи: Ему известна всякой вещи (суть).

(Сура 24:35)

Необходимо упомянуть две последние суры Корана. Как и Открывающая глава, они коротки, но на этот раз мусульмане не адресуют свои прославления Аллаху, а читают заклинания, ища спасения в первую очередь у Господа Рассвета от темноты, от тех, кто практикует тайные знания (магию), и тех, кто насыляет порчу, такую, как хорошо известный дурной глаз (сура 113:1–5). Эта глава известна как Суратул-Фаляк («Рассвет»). Другая глава именуется Сурату-н-Нас («Люди»), поскольку здесь Аллах изображается Господом Людей, у которого ищут защиты от шептунов — как из числа бесов, так и из числа людей (сура 114:1–6).

Айша, одна из жен Мухаммада, рассказывала, что пророк постоянно читал эти две суры. Каждую ночь он складывал руки в форме чаши и дул над ними после прочтения обеих сур, так же, как и после чтения главы Суратул-Ихлас. Затем он растирал руками все части тела, до которых мог дотянуться, начиная с головы, лица и передней части тела. Обычно он проделывал это три раза. Если он был болен, то читал эти суры еще раз и дул

на свое тело. В такие моменты Айша обычно тоже читала их над ним и растирала руками его тело, надеясь на благословение (Ас-Сахих ал-Бухари, том 6, с. 495). Один из последователей Мухаммада записал следующее происшествие, после которого пророк специально рекомендовал читать эти две суры в качестве защиты:

Укба б. Амир сказал: «Когда я путешествовал с посланником Аллаха (да пребудет он с миром), между ал-Джуфой и ал-Абвой нас настиг сильный ветер и непроглядная темнота окутали нас. Тогда посланник Аллаха (да пребудет он с миром) начал искать спасения у Аллаха, читая: „Я ищу спасения у Господа Рассвета“ и „Я ищу спасения у Господа Людей“. Затем он сказал: „Укба, всегда говори так, когда ищешь защиты у Аллаха, так как для этой цели ничто не может сравниться с (этими сурами)“. Он сказал: „Я слышал, как он декламировал их, ведя людей на молитву“».

(Китаб ас-сунан Абу Дауда, том 1. с. 383)

Нет большей чести для мусульман, чем читать Коран, но эти суры и стихи обладают в их глазах исключительной ценностью, а личное одобрение каждой из них самим пророком обеспечивает им особое положение в Коране и непрерывное чтение мусульманами при любом удобном случае.

СУРЫ, НАПИСАННЫЕ В МЕККЕ И МЕДИНЕ

Стиль и характер двух периодов жизни Мухаммада

Одной из проблем, с которой сталкиваются изучающие Коран, является не только полное отсутствие в нем хронологической последовательности описываемых событий, но и то, что сами суры зачастую составлены из отрывков, принадлежащих различным — мекканскому и мединскому — периодам пророческой миссии Мухаммада. Однако между этими отрывками существует отчетливая разница, которую можно распознать по природе этих двух этапов жизни пророка. Живя в Мекке, Мухаммад рассматривал себя, в первую очередь, как человека, призванного открыть своему народу истину и увести его от идолопоклонства. Суры того времени в основном пророческие и поучительные по своему характеру. В Медине же Мухаммад становится лидером сообщества, и суры этого периода, в противоположность мекканским, громоздки и являются правовыми по содержанию и стилю.

Мекканские суры концентрируются на проблемах, занимающих прежде всего самого Мухаммада, в частности на непокорности его собственного народа, грядущем правосудии и участии каждого человека попасть в рай или ад. Возможно, самой поразительной темой этого периода можно назвать Ал-Йаум («День») — Великий день Страшного суда. Коран полон предупреждений об этом ужасном событии, для его изображения используется очень выразительный язык. Оно описывается как «покрывающий исход» (сура 88:1): ад предстанет перед людьми (сура 89:23), и ни единая душа не сможет помочь другой, поскольку приказывать в этот день дано одному Аллаху (сура 82:19). Участь неверующих будет ужасна:

В тот День униженными будут лица у одних, на них и (тяжкий) труд и утомленье, когда в пылающий Огонь они вступают, когда кипящую струей дают им жажду утолить, и никакой еды у них не будет, помимо горького дари, которое дородства не дает, как и от голода не избавляет.

(Сура 88:2–7)

Но правоверные будут благословлены в этот День. Окружающие их предметы, озаренные светом красоты и радостью, будут такими удобными, какими они только пожелают их видеть (сура 76:11), а одежды будут щедро украшены. Праведники будут пить чистое и святое вино (сура 76:21) и смеяться над неверными (сура 83:34). Большинство коранических концепций небес следует библейским, но, по всей видимости, упор в них делается в большей степени на удовольствия спасенных от адских мук людей, чем на познании ими совершенного характера Бога. В качестве контраста ужасам ада в отрывке рассказывается о легкости положения обитателей рая:

Другие ж лица в этот День исполнятся блаженства, довольствием в стремлении своем, в саду возвышенном, лишенном пустословья, с источником проточных вод. В нем высятся седалища для них, поставлены пред ними чаши, подушки сложены рядами, (у ног) разостланы ковры.

(Сура 88:8–16)

Среди всего сказанного пророк напоминает, что он — только вестник для тех, кто с благоговейным страхом ожидает этого Дня (сура 79:45). Но как только Мухаммад утвердился в Медине, тон стихов начал меняться. Если в Мекке Коран обращался непосредственно к посланнику или его соотечественникам, то в Медине большинство отрывков адресуется к коммуне верующих и начинаются с фразы *Йа айухаллазина аману* («О те, которые уверовали»). Текст, что следует за этими словами, зачастую имеет законодательную природу и составляет большую часть мусульманских законов, из них составлен шариат. Упор в этих стихах делается в основном на социальную этику мусульманской уммы (религиозной общины), проведение кампаний и сражений, общие обычаи и эталоны поведения, а также религиозную совесть. Обсуждаются также брак и смерть.

Мединские суры рассматривают отмену ростовщичества и взимание процентов (сура 2:278), законы наследования (сура 4:11–12), запреты, связанные со степенями родства (сура 4:23), имущество сирот (сура 4:6–10), запреты на вино и азартные игры (сура 5:93–94) и тому подобные вещи.

Одной из главных тем этих сур является фигура пророка ислама Мухаммада. Несмотря на то, что в мекканских сурах к нему часто обращаются лично, его позиция остается не более чем позицией человека, передающего откровения Аллаха. Однако в Медине он выдвигается чуть ли не на первую роль, и в более поздних отрывках Корана людям предписывается подчиняться Аллаху и его посланнику (сура 48:17), так как верность одному становится неотделимой от преданности другому.

В мединских сурах о Дне Страшного суда и судьбе человечества Коран преподносит новые откровения, имеющие отношение к личности пророка и его частной жизни. Например, ему предоставлено особое разрешение брать в жены любую верующую женщину, согласную посвятить себя пророку (разрешение было дано исключительно пророку и не распространялось на остальных верующих, «чтобы не было стеснения тебе» (сура 33:50)). В другом стихе приводится высказывание о том, что якобы на особой табличке, хранящейся на небесах, записано, что Мухаммад может оставаться с любой из своих жен по своему выбору и что он не совершит ничего предосудительного, если отдаст предпочтение одной из них, игнорируя других. Верующим предписывается призывать на него свои благословения и приветствовать его с большим уважением, так как Аллах и его ангелы делают это (сура 33:56). Более того, все те, кто надоедает пророку или раздражает его (и волей-неволей самого Аллаха), будут прокляты Аллахом как в этой жизни, так и в последующей (сура 33:57). Сподвижники пророка получают четкие предписания этикета, которые должны неукоснительно соблюдаться ими при приближении к его апартаментам:

О вы, кто верует! В дома пророка не входите, пока вам не позволят к трапезе прийти, но и тогда (не приходите раньше), чтоб вам не дожидаться (и не стеснять хозяев). Когда вас позовут, входите. Откушав же сполна, (старайтесь поскорее) разойтись, бесцеремонно не входя в беседу (с теми, кто вас в нее не приглашает). Подобный (ход вещей) пророка удручает, и он стыдится отказать (в общении вам), Аллах же не стыдится правды.

(Сура 33:53)

Расположение глав Корана, когда ранние мекканские суры оказались в конце книги, а поздние мединские — в начале, таково, что случайный читатель перестает улавливать смысл происходящих событий, теряя связь между ними, но именно в этом, как полагают, и проявляется четкая осведомленность Корана в вечных вопросах бытия, дающих дорогу делам более практичной, земной природы.

Теория отмены в Коране

Одной из уникальных особенностей Корана является его учение о том, что Аллах может отменить или аннулировать ранее изложенные догмы Священного Писания, просто заменив их какими-то другими. Эта тенденция имеет отношение не только к Священным Писаниям, существовавшим до возникновения ислама, но и к самому Корану. В Коране можно найти совершенно четкое заявление о том, что некоторые из ранних стихов были заменены более поздними откровениями. Мухаммад всегда рассматривал Аллаха как полновластного повелителя вселенной, и то, что он может отменять свои указания, вносить в них изменения или заменять их другими, в полной мере гармонирует с характером его верховного правления. Пророк не видел причин подвергать это право сомнению. Ниже приведен один из наиболее известных стихов Корана, подтверждающих это:

Мы не отменим ни одного айата и вам не повелим забыть его, пока на смену лучший или схожий не дадим. Ужель не знаешь ты, что Всемогущ Аллах над всем!

(Сура 2:106)

На заре ислама этот стих не вызывал споров. Все просто восприняли смысл данного высказывания, который заключается в том, что определенные стихи и отрывки Корана могут быть заменены более поздними. В связи с этим был составлен список отрывков текста, замещенных более поздними откровениями. Например, в одном из отрывков Коран учит, что употребление вина может иметь как положительный, так и отрицательный эффект (сура 2:219), а когда Мухаммад возглавил в Медине коммуны верующих, его последователям было сказано не приступать к молитве в нетрезвом состоянии (сура 4:43). Позже употребление алкоголя было полностью запрещено (сура 5:93–94).

Два великих толкователя Корана Байдави и Замахшари пытались раскрыть смысл подобных откровений Корана в контексте замещений одного отрывка другим. Замахшари говорил, что сура 2:106 была открыта с целью противодействия несогласию арабов-язычников с тем, что Мухаммад мог приказывать своим последователям делать какие-то определенные вещи, а затем запрещал их, давая совершенно противоположные поручения. В отличие от других толкователей, придерживающихся мнения, что отмененные стихи остались в Коране, он считал, что Аллах намеренно убирал (азала) один отрывок, чтобы вставить на его место другой, приказывая архангелу Джibriлу,

ведающему передачей откровений, объявлять, что тот или иной отрывок удален с целью замены его другим.

Байдави также полагал, что стих мансух («отмененный») больше не имеет никакой силы. Он потерял свои религиозные качества, соответственно нет никакого смысла читать его, и никакой закон, основанный на этом отрывке, больше не действует. Байдави утверждал, что стихи насх, т. е. стихи, замещающие удаленные, включались в текст тогда, когда этого требовали обстоятельства. Законы, сформулированные Аллахом для того, чтобы нести человечеству добро, а также для принятия людьми решений в определенных ситуациях, с течением времени менялись, и человек должен принимать их, поскольку в новых обстоятельствах они становятся более необходимыми и важными. То, что было выгодно в одно время, может принести вред в другое. Поэтому Аллах оставляет за собою право изменять свои откровения так, как считает это нужным.

Совершенно невозможно определить, какие отрывки были удалены из текста Корана в результате их аннулирования и заменены другими для чтения их во время молитвы по ночам. В Мекке обычно чтение и молитва совершались в предутренние часы — первые мусульмане не были тогда обременены житейскими проблемами. В самых ранних отрывках им предписывалось молиться приблизительно половину ночи и в это же время читать Коран (сура 73:2–4). После того как новообращенные утвердились в Медине, ежедневные дела, связанные с удовлетворением потребностей растущей мусульманской общины, чрезвычайно усложняли их долгие ночные бдения, и в результате распорядок было смягчено. В той же самой суре, но в более позднем отрывке говорится, что Аллах осведомлен о том, что его последователи встают во второй половине ночи для молитвы, он знает, что они не могут вести учет своей занятости, поэтому он ожидает от них чтения Корана и молитв в удобное для них время. Он знает, что некоторые из них больны, другие утомлены путешествием, а третьи принимают участие в кампаниях и сражаются (сура 73:20). Поэтому распорядки, данные в ранних отрывках насчет четко установленного времени чтения и молитвы, аннулируются.

В Коране можно найти еще несколько стихов, недвусмысленно заявляющих, что Аллах может изменить свои откровения, заменив одно другим:

Когда одно знамение Корана другим Мы заменить (изволим) — ведь, истинно, Аллаху лучше знать, что Он ниспосылает — то говорят они: «Ты — выдумщик, и только!» Нет! Большинство из них не знает.

(Сура 16:101)

Аллах Своим желанием стирает (заветы прошлого, изжившие себя), и утверждает (мудростью Своей те из Своих установлений, что надлежит по строгости блюсти). Ведь у Него — Мать Вечной Книги.

(Сура 13:39)

Существовало совершенно четкое учение об отмене некоторых стихов Корана, которое даже было закреплено первыми правоведами ислама. И несмотря на это современные мусульманские ученые, которые говорят, что Коран не может считаться совершенным Священным Писанием, если какие-то части его текста были заменены другими или совсем удалены из Книги, пытаются доказать, что на самом деле Аллах отменял некоторые из предшествующих Корану писаний (каждое из которых в Коране называют китаб (книга)), а не отрывки самого Корана.

Этот логический вывод не может быть принят, так как в Коране никогда не говорилось об удалении из его структуры каких-либо книг — наоборот, Аллах замещал одни аяты другими (сура 16:101). Слово аят часто используют в значении «свидетельство» (как одно

из чудес Иисуса), но в тексте Корана оно также относится к стихам самой Книги. Аллах посылал Мухаммаду свои откровения (или стихи — аяты), которые были всем чем угодно, только не порочным, подлежащим уничтожению текстом (сура 2:99). Просто было принято решение отменять стихи или переписывать их содержание на более поздние откровения, что, впрочем, давало повод оппонентам пророка обвинять его в фальсификации текста.

Сура 2:106 повествует не только об отмене откровений Аллаха, но и о том, что они были им забыты. Вряд ли это можно отнести на счет предыдущих писаний, которые были хорошо известны и сохранены наряду со знаменитыми на весь мир тысячами других рукописей. Это, скорее, имеет отношение к стихам самого Корана, которые с течением времени должны были забыться или проигнорироваться Мухаммадом и его сподвижниками.

Глава вторая **ОСНОВНЫЕ ДОКТРИНЫ И УЧЕНИЯ КОРАНА** **Догматы исламской веры**

Кораническая концепция греха и спасения

При отсутствии хронологической последовательности событий, описываемых в Коране, весьма существенным может показаться обнаружение в начале Книги Адама и Евы, а также истории их падения. Повествование о них очень схоже с рассказом в Книге Бытия о том, как Бог дал Адаму власть над землей.

По Корану, первый человек был халифом (представителем) Аллаха. Более того, Аллах поселил Адама в чудесном саду и приказал ему не есть плодов с одного дерева. Однако сатана убедил Адама и его жену (ее имя в Коране не сообщается) послушаться Аллаха. За это послушание они и были изгнаны из сада. Им было сказано, что с этого момента их домом станет ал-ард (земля) и что их потомки будут враждовать друг с другом. Однако Коран добавляет, что Господь повернулся к Адаму в сострадании (сура 2:30–39). Поскольку в Коране дважды используется слово хабата (посылать вниз) в описании божественного наказания, мусульмане верят, что изначально сад находился на небесах и людей сослали на землю за совершенный грех. Вера мусульман в то, что все описываемые события происходили на небесах, в раю, подтверждается словами фи Джаннати Адн в суре 9:72 (джанна по-арабски означает «сад»; это одно из названийрая в исламе). Мусульмане верят, что речь идет об Эдемском саде, где жили Адам и Ева. Однако в корректном переводе это выражение означает просто Сады блаженства. Но в Коране в начале повествования Аллах совершенно однозначно говорит ангелам, что создаст своего представителя фи-л-ард, на земле (сура 2:30). Это приводит к мысли о том, что изгнание первых людей произошло, скорее всего, не с небес, а из состояния блаженства.

В одном из отрывков Корана сообщается, что сатана обольстил Адама и Еву и обманом подвел их к падению. Они испытали чувство стыда и признались Аллаху в том, что обесчестили свои души, сказав при этом, что если он не простит их и не проявит к ним сострадания, то они, несомненно, погибнут (сура 7:20–23). Аллах не менее трех раз обращается непосредственно к человеческому роду по поводу случившегося, например в стихах Бани Адам («Дети Адама»). В них говорится, что люди не должны стыдиться того, что смогли позволить сатане соблазнить себя.

Мусульмане верят, что Адам был пророком (хотя он никогда не удостоивался такой чести в Коране), поскольку имел калам (слово) от Господа (сура 2:37) и ему было ниспослано наитие, как другим пророкам. По той причине, что пророки в учении ислама были безгрешны, мусульмане стремились свести к нулю Адамово непослушание, называя

его «ошибкой» и аргументируя это тем, что он просто «забыл» о приказе не есть плодов с запретного древа. Достаточно сложно усмотреть здесь простую забывчивость, если иметь в виду, что сатана напомнил Адаму о приказе, когда убеждал съесть запретный плод (сура 7:20). Интересно было бы узнать, каким иным образом грех мог проникнуть в мир, если не через это изначальное неподчинение, и кто иной, если не Адам, мог принести его людям.

Коран следует Библии в утверждении, что люди совершали дурные поступки со времени своего появления на свет, и рассматривает проступок Адама и Евы как первородный грех. Тем не менее, в отличие от Библии, Коран не считает, что люди склонны ко греху и их греховная сущность должна быть изменена. При этом он рассматривает грех как огромную проблему во взаимоотношениях человека с Богом. Поэтому Коран, как и Библия, считает поиски спасения души высшей целью человеческой жизни. Однако этот груз лежит на плечах каждого человека, который лично, своими действиями, должен заслужить одобрение Аллаха. О чем-либо заступничестве не может быть и речи:

И бойтесь Дня, в который ни одна душа грехи другой души не понесет — заступничества за нее (Господь) не примет, и возмещения (в оплату за грехи) Он не возьмет, и ни одной (из грешных душ) оказана не будет помощь.

(Сура 2:48)

Для обозначения греха в Коране используются три различных слова. Нарушение церемониальных законов и установленных образцов поведения обычно определяется словами исм и замб. Акты серьезного неповиновения Аллаху и нежелание следовать установленным им стандартам жизни — словом хатиа. Все, кто упорствует в своих грехах, будут наказаны как в этой, так и в последующей жизни. Все, кто верит в торжество тщеславия и обмана, будут также осуждены (сура 47:3).

И тем не менее самой излюбленной темой Корана остается Аллаху Гафурун Рахимун («Аллах — Прощающ, Милосерд») (сура 9:5). Эти два титула появляются в тексте Корана не менее шестидесяти шести раз.

Единственный непростительный грех в исламе — это ширк, т. е. уподобление кого-либо или чего-либо Аллаху:

И никогда Аллах вам не простит, коль в равные Ему другие (божества) вы придаете. И кроме этого (греха) простит Он все и всем, кому желает. Но тот, кто в сотоварищи Аллаху другие измышляет (божества), творит наивысший грех (и никогда прощен не будет).

(Сура 4:48)

Нет никакого прощения тому, кто умер в неверии, не стоит ожидать никакой помощи тому, кто творил зло, пока смерть не пришла за ним и он не раскаялся (сура 4:18); но все те, кто грешил по неведению, кто покаялся перед Аллахом, получают прощение, поскольку Аллах повернется к ним в сострадании (сура 4:17). Тема спасения в Коране, пожалуй, лучше всего отражена в приведенном ниже стихе:

Помимо тех, которые раскаются и (в Господа) уверят, и будут доброе творить. Они войдут в Сады Эдема и им обид не причинят ни в чем...

(Сура 19:60)

Люди склонны ко греху, и это главная причина, по которой они не увидят рая. Однако в Коране человек не обладает греховной природой и не отстраняется от Аллаха полностью.

Он будет прощен и обретет рай при условии, что покается в прегрешениях, поверит в Аллаха и будет совершать добрые дела. Из приведенного отрывка суры 19 совершенно очевидно, что истинно верующими могут быть только те мусульмане, которые подчиняются Аллаху. Причем не те, кто только верует и творит добрые дела, но именно те, «кто... верит в то, что Мухаммаду в откровении дано» (сура 47:2).

Слово «спасение» (наджат) дважды встречается в Коране (сура 40:41) в контексте избавления от адского пламени (ан-Нар). Однако тема спасения в тексте Книги трактуется как цель всего человечества. Верующий, который исповедует свою веру на практике, оставляет свой дом, чтобы сражаться на пути, указанном Аллахом, и помогать своему пророку (сура 8:75). Он не причиняет вреда другим и делает все возможное, чтобы придерживаться заповедей Аллаха, а посему имеет хорошие шансы на признание своих заслуг и милость. Аллах простит ему все самые страшные грехи и вознаградит его за добрые дела, и верующий будет принят им. Прощение остается прерогативой исключительно Аллаха, и он пожалует его всем, кто действительно стремится к нему.

День Страшного суда и вечные вопросы в Коране

Подобно Библии, Коран смотрит на историю человечества как на неумолимое движение к наивысшей точке развития, когда весь человеческий род будет призван держать ответ. Человечество разделится на две группы: первая последует в рай, другая — в ад. В этот День воскреснут мертвые, дабы пройти через судилище на равных с живыми. Он носит два названия: Йаум ал-Кийама (День Воскресения из мертвых (сура 2:85)) и Йаум ал-Баас (День Пробуждения (сура 30:56)). Все события произойдут неожиданно и непременно будут сопровождаться особыми знаменами. Для неверующих этот День станет временем Страшного суда Аллаха, который будет вершить абсолютное правосудие. Каждый человек представит о себе полный отчет, и все его добрые и злые дела будут взвешены на мизане (весах). Тот, кто отрицает этот День и отвергает свидетельства Аллаха, найдет записи о себе в Сиджжиле, книге, регистрирующей все дела грешника и отправляющей его в ад. Верующие, прожившие праведную жизнь с Аллахом в сердце, обнаружат записи о себе в Иллийуне, книге, направляющей праведника в райские Сады наслаждения (сура 83:7–28).

Хотя в названии этого события присутствует слово «день», к такому понятию, как время, оно не имеет никакого отношения. В одном местописании говорится, что День Страшного суда будет продолжаться, в соответствии с человеческим летосчислением, «тысячу лет» (сура 32:5). Другой отрывок называет цифру «пятьдесят тысяч лет» (сура 70:4). Мусульманские толкователи предлагают в качестве объяснения данного несоответствия три варианта. Первый вариант: это противоречие является показателем того, что никто в действительности не знает, каким временем руководствовался Аллах, определяя продолжительность Дня. Второй: это не реальные значения, а фигуральные, и их нельзя воспринимать буквально. И, наконец, третий: использование временных величин служит выразительным средством для демонстрации длительности ужаса, которым наполнен День Страшного суда.

Большинство людей не проживет достаточно долго в этот День, он попросту прервет их жизни. Высшим проявлением ужаса для них станет лик смерти, Ал-Маут. В Коране момент встречи с ним носит название Ал-Йакин («Неизбежность») (сура 15:99). Каждой душе предназначено быть испытанной им, и от него нет спасения (сура 2:185). Что бы ни предпринимали неверующие, желая избежать встречи с ликом смерти или спрятаться от расплаты, они непременно будут обнаружены в должное время (сура 4:78). Правоверным же не стоит бояться этого Дня.

Кораническая концепция рая заключается в великом блаженстве. Обитатели Сада вечности будут утолять жажду чистым вином из сосудов, опечатанных мускусом, смешанным с таснимом — нектаром с тончайшим вкусом (сура 83:25–27). Их жилища будут окружены садами, в супруги будут даны «черноокие, большеглазые, подобные жемчугу хранимому» гурии, которых не коснулся «ни человек, ни джинн». Они будут вечными девственницами — верхом желаний (суры 56, 22:36–37), и когда праведники возлягут на ложа, гурии и слуги, обладающие вечной юностью, будут исполнять все их желания.

В Коране ничего не сказано о вознаграждении в раю добродетельных женщин, и, похоже, эта Книга концентрируется исключительно на мужских удовольствиях. В любом из описаний рая акцент делается на поистине райских условиях существования правоверного на небесах, а не на совершенствовании его характера и познании им Бога. Очевидно, по учению Корана, одна из ключевых потребностей человека в будущей жизни — это потребность в плотских наслаждениях. И, следовательно, все прелести рая, описанные в Коране, — восхитительные напитки, красивая обстановка и прекрасные женщины — заключаются в удовлетворении прихотей. Коран проецирует существующее на земле различие между мужчинами и женщинами на небеса.

С другой стороны, ад в Коране — это кипящая жидкость и всепоглощающее дьявольское пламя, в котором грешники, закованные в цепи, будут мучиться вечно. Еще никогда и никому не было позволено покинуть ад или избежать его ужаса (сура 74:28–29). Некоторое время несчастные жертвы будут утолять жажду кипящей водой, затем — густой ледяной жидкостью темного цвета (сура 38:57). И хотя они никогда больше не вернуться к жизни, в смерти им тоже будет отказано. Они будут умолять охраняющего их ангела прекратить их страдания:

«О Малик!», воззовут они, «(уж лучше б) твой Господь послал нам (быструю) кончину!» Но тот ответит: «Нет! Вам оставаться здесь навечно!»

(Сура 43:77)

Грешники захотят вернуться на землю, чтобы исправить свои ошибки, искупить свои грехи, но и в этом им будет отказано. Огонь обожжет их лица, и они будут гримасничать обожженными губами, взывая к Аллаху с просьбой вывести их из ада, обещая никогда больше не творить зла (сура 23:103–108). Неутолимое желание огня — поглощать все больше и больше — очень образно представлено в следующем стихе:

В тот День Мы Ад спросим: «Сполна ль наполнен ты?» Ответит он: «А есть ли кто-нибудь еще? (Готов всегда принять я)».

(Сура 50:30)

Во многом догматы коранического учения о взаимоотношениях человечества с Богом, поисках спасения души и определении правоверных и неверных в рай и ад имеют аналогию с библейскими. Но в Коране ничего не говорится об Искупителе людей, некогда являвшихся врагами Господа по природе своей, от кабалы греха и духовной смерти. И поэтому в конечном счете ислам и христианство являются двумя совершенно различными по своей сути религиями. Одна стоит на позиции спасения, основанного на благих делах и соблюдении обрядов, другая учит о спасении по благодати.

ИСТОРИИ О БИБЛЕЙСКИХ И ИНЫХ ПРОРОКАХ

Пророки Ветхого Завета и другие пророки

Значительной темой Корана является пророческая деятельность назначенных Аллахом посланников. Пророк на арабском языке называется наби, хотя в книге обычно используется множественное число этого существительного — анбийа или набийун. Также пророка называют расул (вестник, посланник). Иисус и Мухаммад оба имеют этот титул.

Пророки — это представители Аллаха, призванные привести человечество к познанию Бога и истине: (Ведь некогда) одной общиной жили люди, и посылал Господь пророков к ним, чтобы, неся благую весть, могли предостеречь они людей, и с ними Книгу истины послал, чтоб рассудили меж собою то, в чем разошлись...

(Сура 2:213)

Мусульманам было заповедано верить во всех истинных пророков Аллаха, не делая между ними различия. Ислам воспринял весь ряд пророков иудео-христианского наследия. Коран перечисляет Авраама, Измаила, Исаака, Иакова, Моисея и Иисуса как пророков, которых Аллах посылал в прежние времена (сура 3:84). Он признает, что Ал-Китаб (Священное Писание), Ал-Хукм (Божественный приговор) и Ал-Нубувва (Пророчество) были посланы исключительно детям Израилевым (сура 45:16). Многие коранические истории об этих пророках до известной степени следуют библейским сказаниям с добавлением еврейского фольклора. В целом записи в Коране весьма отрывочны, и, как уже говорилось, читатели, не знакомые с Библией, вряд ли получат точное представление о том, что говорится в нем о пророках.

На фоне многочисленных рассказов о великих патриархах ранней израильской истории в Коране ни слова не говорится о не менее великих пророках, таких как Исаия, Иезекииль и Иеремия. Единственная фигура, заимствованная из более поздней истории, о которой упоминает Коран, — это Иона, чей краткий биографический очерк имеет место в Библии.

Другим значительным упущением Корана в изложении истории пророков Ветхого Завета является отсутствие упоминаний о жертвоприношениях как неотъемлемой части израильской религии. Исчерпывающие указания, данные Моисею по поводу жертвоприношений всесожжения, жертвоприношений за грех и других, приукрашены в Коране. Ничего конкретного не говорится о древнем иерусалимском храме — он упоминается лишь как центр ритуала жертвоприношений (сура 17:7). Хотя Коран и признает, что Иисус Христос был пророком, он даже отдаленно не упоминает о Его великой искупительной миссии — единственной огромной жертве за примирение человечества с Богом.

Похоже, знания Мухаммада о библейских пророках росли по мере его общения с иудеями и просвещенными людьми своей нации. Однако без доступа к непосредственным источникам знания он был не в состоянии вполне овладеть данным предметом. Точность его сообщений возрастала с увеличением объема получаемой им информации. Хорошим примером этому может послужить история Лута (пророка Лота), описываемая в Коране. Простой факт внесения его в список истинных пророков указывает на христианское влияние, которому подвергся Мухаммад, поскольку упоминание о пророке можно найти только в более поздних иудаистских документах. В Библии Лот описывается во Втором послании Петра 2:7–8 как «праведная» фигура одного уровня с Ноем, Авраамом и другими великими патриархами.

В ранних записях Корана нет ни слова о бегстве Лота из Содома, не упоминается и разрушение города. В них рассказывается только о том, как Лот вместе со своей семьей был спасен, а его народ из-за противодействия, оказываемого Лоту, был уничтожен. Дальше речь идет о том, как некая «старуха», повременившая с бегством из города, тоже была уничтожена (суры 26:171, 37:135). Лишь в более поздних отрывках впервые появляется сообщение об ангельских посланниках в человеческом облике. Здесь же «старуха» обрела образ Лотовой жены, отставшей во время бегства (сура 27:57).

В другом, более позднем фрагменте Корана перед Авраамом предстали ангелы, известив его о цели своей миссии — спасении его племянника. На этот раз упоминается город, в котором жил Лот со своими недругами, но не упоминается его название. По прибытии в город ангелы делятся с Лотом своими намерениями, приказывая ему быть полностью готовым к ночному бегству. Они повелевают ему во время бегства ни в коем случае не оглядываться назад, что бы ни случилось. Также они открывают Лоту решение Аллаха об уничтожении города утром (сура 15:51–66).

Только после этого горожане потребовали от Лота вывести из города пришедших к нему молодых людей (ангелов). Лот отказал им в этом, ссылаясь на то, что они его гости. Утром ярость Аллаха излилась на горожан и уничтожила их. Эта история в целом повторяет библейскую, за исключением одного момента. В Библии ангелы рассказали Лоту о своей цели и о себе уже после его ссоры с жителями города. То, что в Коране события следуют в обратном порядке, привносит в историю загадочность и неясность. Наверняка Лот реагировал бы более решительно на требования о выдаче молодых людей, знай он заранее, что его гостями в действительности были два небесных ангела, облеченных властью разрушить город и уничтожить его население.

В Коране, однако, существует еще один отрывок, в котором эта история более приближена к библейской. В нем упоминается молитва Авраама о спасении родных Лота. После того как жители города потребовали от Лота выдачи пришедших к нему гостей, те открылись ему и сказали, что являются посланниками Господа и что Лот будет спасен и ночью должен будет бежать из города (сура 11:74–81).

Эти противоречия не являются в тексте Корана исключением. Если бы в Книге была лишь пара подобных примеров, вероятно, их можно было бы легко объяснить. Однако их так много, что сам собою напрашивается вывод: точность описания в Коране библейских событий непосредственно зависела от роста познания Библии Мухаммадом. И еще: он черпал информацию не из откровений, ниспосланных свыше, а от различных окружавших его источников.

Иисус и Мария в Коране

Четыре персонажа Нового Завета имеют в Коране следующие имена: Иса (Иисус), Марйам (его мать Мария), Яхья (Иоанн Креститель) и Закарийа (Захария, отец Иоанна). Как уже говорилось ранее, Мария — единственная женщина, которую в Коране называют по имени и которая пользуется в нем значительным уважением. Почтение к ней в первую очередь исходит из ее статуса — дева, мать Иисуса. Повествование о зачатии и рождении Иисуса широко раскрывается в сурах 3:42–47 и 19:16–34. О целомудрии Марии сказано в следующем отрывке:

И ту, что сохранила девственную (плоть), и Мы от духа Нашего в нее вдохнули, и сделали ее и ее сына знамением для всех миров.

(Сура 21:91)

Иисусу в Коране как одному из величайших пророков Бога выражается глубокое уважение. Ему присвоены уникальные титулы, такие как Ал-Масих (Мессия), Калиматуху (Его слово) и Рухун Минху (Дух от Него). Все эти титулы принадлежат Ему одному (сура 4:171), хотя в Книге не предпринимается никаких попыток объяснить их происхождение. И не только Его чудесное рождение описывается с использованием терминов, подобных библейским, — Коран приемлет Его вознесение на небеса после смерти (сура 4:158) и упоминает о его возвращении на землю в качестве знаменья Часа (сура 43:61). Коран также признает Его способность с позволения Аллаха творить чудеса: оживлять глиняные фигурки птиц, лечить прокаженных, давать зрение слепым от рождения и возвращать к жизни умерших (сура 5:113). И еще: хотя Коран и следует библейским писаниям, он часто меняет их разнообразными способами, что еще раз подтверждает то, что Мухаммад не был полностью осведомлен в данной области и черпал знания извне.

По свидетельству Корана, учеников Иисуса однажды попросили узнать у Учителя, сможет ли Господь послать с небес на землю стол, наполненный яствами. Тогда ученики обратились к Иисусу, заверив его в том, что в этом чуде они хотят увидеть лишь подтверждение истинности всего того, что Он говорил им. Иисус начал молиться, чтобы Бог послал на землю этот стол, и хотя Бог согласился выполнить просьбу, при этом Он выразил свое разочарование в недостаточности их веры (сура 5:115–118). В этом повествовании перепутаны две библейские истории — требовательный вопрос израильтян в пустыне во времена Моисея: «Может ли Бог приготовить трапезу в пустыне?» (Пс. 77:19) и Тайная вечеря из Нового Завета, когда Иисус сидел за столом со своими учениками и давал им есть хлеб как символ Своего тела, которое должно быть распято, и пить вино как символ Своей крови, которая будет пролита.

Несмотря на то, что Коран во многом соглашается с Библией относительно личности Иисуса и Его жизни, он категорически отрицает две наиболее важные особенности мессианской роли Христа. Во-первых, Коран отрицает факт распятия:

За то, что говорили: «Убит был нами сын Марйам — Мессия Иисус, посланник Божий». Но ими не был он убит, и не распят. Им лишь представилось все это, и кто заводит спор о нем, в сомнениях об этом пребывает. У них нет никакого знания (об этом), и следуют они своим предположеньям, — ведь, истинно, убит он не был. Нет, (не был он убит)! Господь вознес его к Себе. Ведь Он велик и мудр!

(Сура 4:157–158)

Это единственное местописание, в котором Коран, отрицая Христово распятие, полагает этот факт клеветой иудеев, причем без каких-либо ссылок на христианский взгляд на искупительную цель этого события. Кораническое отрицание факта смерти Иисуса на кресте является одним из главных поводов для непрекращающихся споров между христианами и мусульманами. Объяснение типа «это было сделано, чтобы им показалось, будто они распяли Христа» истолковывается мусульманами следующим образом: Аллах допустил, чтобы кто-то другой, очень похожий на Иисуса, был распят вместо Него. Иисуса взяли на небеса живым, Он не умирал вообще, потому что Ему предстоит вернуться в положенное время.

С еще большим энтузиазмом отрицается в Коране божественность Иисуса, а участие Аллаха в его рождении рассматривается как серьезное богохульство. Из приведенного ниже отрывка видно, с какой страстностью Коран отрицает веру христиан в то, что Иисус был Сыном Господним:

И иудеи говорят: «Узайир — сын Господен». А христиане говорят: «Мессия — Божий сын». Эти слова звучат в устах их — так говоря, они уподобляются неверным, которые

до них (грешили тем же). Да поразит их Бог (за это)! Как же они отвращены от (Истины) Его!

(Сура 9:30)

В другом месте Коран восклицает, что иметь сына отнюдь не является предметом гордости для Аллаха (сура 4:171). Принимать Иисуса как Бога — значит клеветать на Всевышнего, ведь признание факта существования Сына эквивалентно признанию того, что у Аллаха есть «напарник», а это невозможно, потому что Аллах — единственный Бог (сура 9:31). Коран называет богохульством и то утверждение, что Иисус, сын Марии, — Мессия. Это также исключено, поскольку Аллах, если захочет, может уничтожить своей всемогущей волей и Иисуса, и Марию (сура 5:19). Иисус просто находится в поле зрения Аллаха, как и Адам. Аллах создал их одним словом «Будь!» и они «стали быть» (сура 3:59).

Иисус Христос рассматривается в Коране исключительно как пророк, подобный многим, жившим до него, ничем не отличающийся от Мухаммада — последнего пророка, чей приход Он сам же предсказал (сура 61:6). Скорее всего, Мухаммад, осудивший в свое время арабов-язычников за их поклонение идолам как дочерям Аллаха, которые якобы будут ходатайствовать перед Всевышним за арабов, не видел теперь большой разницы между язычниками и христианами, верующими в Иисуса, Сына Божия, роль Которого состоит в том, чтобы просить за свой народ. Оба верования были отвергнуты им как куфр (неверие, непризнание Аллаха). Еще один аргумент в пользу исламских представлений о небожественности Христа таков: Иисус Сам призывал Свой народ поклоняться Аллаху, Своему и их Господу, единственному Богу, с которым нельзя равнять ни одного бога (сура 5:75).

В то время как христиане открыто свидетельствуют: «Господь наш и Спаситель Иисус Христос» (выражение это можно найти во Втором послании Петра 3:18), Коран заявляет: несмотря на то, что практически все стороны жизни и характера Иисуса могут быть приняты, Он не Господь и не Спаситель. Такое отрицание является основной причиной противостояния между исламом и христианством.

ДРУГИЕ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ И СВЯЩЕННЫЕ КНИГИ В КОРАНЕ

Таура и Инджил: откровения Священных Книг прошлого

Мухаммад знал, что задолго до начала его миссии рассеянные по всей Аравии иудеи и христиане имели Священные Писания, которые ревностно сохранялись на языке оригинала. Когда Мухаммад начал получать откровения на своем родном языке, арабском, то он верил, что на него также ниспослано наитие — вести свой народ по праведному пути, и его Писание скоро станет известным как Ал-Куран (Изложение). Священную Книгу иудеев он называл Ат-Таура (Тора, Закон), а Священное Писание христиан — Ал-Инджил (Евангелие). В Коране эти Книги именно так и именуются — без каких-либо разъяснений по поводу значения или смысла их названий. На протяжении всего текста Корана последователи обоих вероисповеданий именуются Ахл ал-Китаб (Люди Книги), и хотя о них отзываются здесь вполне уважительно и всегда отделяют их от языческих идолопоклонников, отношение к ним, как правило, не лишено укоризны. Коран считает, что они уклоняются от своих Писаний и выходят за рамки своих религий (суры 4:171, 5:80). Если бы они истинно верили и были добродетельны, Аллах простил бы их грехи и ввел в Сады блаженства (сура 5:68). Если бы только Ахл ал-Китаб твердо придерживались Тауры и Инджила, они бы наслаждались бесконечным счастьем (сура 5:69). Их смело обвиняли:

Скажи: «О люди Книги! Ничто (на сей земле) не станет вам опорой, пока вы твердо не последуете Торе, Евангелию и тому, что вам ниспослано (сейчас) от вашего Владыки!...»

(Сура 5:68)

По всей видимости, Мухаммад полагал, что эти две Книги были точным подобием его Корана и что каждая из них была Священным Писанием, в котором Аллах единолично выступал в роли автора и которое было передано его получателям. Коран и сейчас считается арабским эквивалентом этих двух Книг. Евангелие, как говорится в Коране, было передано Иисусу (сура 57:27), а Тора была передана иудеям, чтобы пророки и раввины могли основываться на ней (сура 5:47). Каждому дан Закон (шариат) и дорога к свету (сура 5:51). Коран был передан Мухаммаду, дабы подтвердить прошлые откровения и сохранить их целостность и чистоту.

В Коране говорится и о других Священных Писаниях, переданных пророкам, в частности о Забуре (Псалмах), которые получил Давид (суры 4:163, 7:55). Также утверждается, что Иисус лично засвидетельствовал Тауру, посланную для того, чтобы узаконить для Израиля некоторые ограничения, изложенные в ней (сура 3:50). Единственная истинная цитата из Забура в Коране:

«...землю в наследие возьмут лишь праведные слуги...»

(Сура 21:105)

А кроткие наследуют землю и наслаются множеством мира.

(Пс. 36:11)

И хотя в Коране больше нет подобных цитат ни из Тауры, ни из Инджила, многие их учения появляются в нем в разнообразных формах. Несомненно, эти две Книги рассматриваются как основные Священные Писания, предшествующие Корану, и обе часто упоминаются (например, сура 48:29). Появление самого Мухаммада как пророка из народа, до тех пор не имевшего своей Священной Книги, было предсказано:

Кто следует посланнику сему, необразованному, неученому пророку, которого они находят записанным у них и в Торе, и в Инджил; кто им добро велит и запрещает злое, кто разрешает им благую снедь и запрещает всяку мерзость; кто с них снимает бремя и оковы, которые (предписаны) им были...

(Сура 7:157)

Два первых столетия существования ислама мусульманские ученые сталкивались со многими трудностями в толковании Кораном Тауры и Инджила. Они обнаружили, что Священные Писания иудеев и христиан — Ветхий и Новый Завет — даже отдаленно не напоминают Коран и были посланы Моисею и Иисусу самим Аллахом. Их ужас возрос еще более, когда они узнали, что Новый Завет является абсолютно и истинно христианским по содержанию, что Иисус — это Сын Бога, который умер на кресте во имя прощения грехов человеческих. Сначала они пытались давать новое истолкование обеим Священным Книгам, тщась привести их в соответствие с Кораном, но такие мусульманские богословы, как Ибн Хазм, обнародовали учение о том, что настоящие Таура и Инджил были искажены и потому не заслуживают доверия. Для поддержания этой точки зрения были предприняты поиски указаний на этот факт в самом Коране, но ничего из этого не вышло. Несмотря на то, что Коран часто осуждал иудеев и христиан за

отступление от своих учений, он никогда не обвинял их в искажении их Священных Писаний.

Некоторых иудеев и христиан обвиняли в том, что после прихода к ним Мухаммада они отбросили Китабаллах (Священное Писание Аллаха) (сура 2:101), некоторых — в том, что они искажают слова Писания (суры 4:46, 5:44), других — в том, что они преднамеренно исказили смысл Слова Аллаха, после того как прочитали и поняли его (сура 2:75). В связи с этим возникло учение тахриф маанахи об искажении посланий Священных Книг. Такое обвинение было самым распространенным — его выдвигали против иудеев и христиан в ранний период развития ислама и им пользовались на протяжении долгого времени.

Более поздние богословы создали учение тахриф лафзи об искажении самого текста посланий. По всей видимости, для них это был единственный способ объяснить очевидные несоответствия между настоящими Священными Писаниями, которыми владели иудеи и христиане, и их изображением в Коране. Самый популярный текст, приводимый в поддержку этой теории, звучит так:

Средь них есть и такие, кто весть Писания своими языками искажают, стараясь убедить вас в том, что таковы слова Господни. «Сие — от Бога», — говорят они. Но это вовсе не от Бога! Они возводят против Бога эту ложь и сами ведают в душе об этом.

(Сура 3:78)

Тем не менее на страницах Корана вы не найдете прямых обвинений в адрес иудеев и христиан в искажении текстов Священных Писаний, только в ином их истолковании. В качестве поддержки этого учения часто цитируют стих, который обвиняет иноверцев в том, что они сами написали Священную Книгу, утверждая, что «от Господа сие», только лишь затем, чтобы выдать ее за истинное Писание (сура 2:79). Но все же никаких обвинений по поводу искажений текста не выдвигается.

С другой стороны, Коран недвусмысленно утверждает, что Таура и Инджил были настоящими Священными Писаниями, которыми владели иудеи и христиане при жизни Мухаммада. Ахлул Инджил (Людем Евангелия) было сказано поступать так, как Аллах заповедовал в нем (сура 5:50). Иудеям, в свою очередь, адресован вопрос, зачем они пришли к Мухаммаду за правосудием, когда у них есть Таура, в которой содержатся четкие правовые указания Аллаха (сура 5:46). Вряд ли бы иудеи были отправлены к Тауре, если бы существовала уверенность в том, что ее текст действительно «испорчен». Ведь совершенно однозначно сказано, что Таура была у них (индахум), т. е. у иудеев. Подобное выражение, касающееся как Тауры, так и Инджила, можно найти в суре 7:157. В Коране нет ни намека на то, что Мухаммад когда-либо полагал, что Священные Писания, которыми владели иудеи и христиане, могли быть чем-то иным, кроме оригинальных Книг, которые были открыты им самим Аллахом.

Ветхий и Новый Завет никак не может считаться испорченным или искаженным редакциями оригинального текста. В нем содержатся разнообразные писания различных пророков и апостолов, включая поэзию, предания, письма, биографические и пророческие тексты. Ветхий Завет собирался веками и совершенно не похож на писание, переданное непосредственно одному Моисею. То же самое и с Новым Заветом — он никак не напоминает откровение, ниспосланное Иисусу. Это собрание записей его ближайших последователей о Нем и завет, который Он провел в жизнь.

Можно еще предположить, что, будучи невежественным в отношении истинного содержания Писаний, принадлежащих Людям Книги, Мухаммад неверно истолковал

Ветхий и Новый Завет как Тауру и Инджил, переданные лично Моисею и Иисусу. Но Коран не отрицает их божественности и подлинности.

Отношение Корана к иудеям и христианам

Несмотря на высокое уважение к Священным Книгам, общий тон Корана в отношении иудеев и христиан остается негативным, особенно это касается иудеев. Правда, временами можно встретить положительную оценку некоторых личностей из числа тех, кто, судя по всему, следует по пути добродетели и для кого сохраняется место на небесах:

Среди людей Писания (святого) поистине есть те, кто в Господа уверил, и верит в то, что вам ниспослано и им, в смиреннии склонившись перед Богом...

(Сура 3:199)

Существуют и иные отрывки на эту тему, но во всех неизменным остается то, что только небольшая группа Людей Книги будет принята в День Страшного суда. Считается, что остальные отвернулись от пути Аллаха, они же противостояли его пророку. Их следует подвергнуть осмеянию за притязания на монополизацию истины и даже более того — монополизацию ее в отрыве друг от друга:

И иудеи говорят: «У христиан основы нет». И говорят христиане: «Основа иудеи не имеют», хотя читают ту же Книгу. Подобно этим же словам звучат и речи тех, которые (пока) не понимают. Но в Судный день поистине Господь все споры между ними разрешит.

(Сура 2:113)

Подобным же образом каждая сторона упрекает другую в утверждении, что никто не попадет в рай, если не является иудеем или христианином соответственно (сура 2:111), а также в том, что каждая сторона провозглашает Авраама последователем своей веры, тогда как Таура и Инджил были переданы им гораздо позже (сура 3:65). Достаточно трудно проследить логику Корана в этом вопросе, поскольку он утверждает, что Авраам не был ни иудеем, ни христианином, а был он правоверным мусульманином (сура 3:67). Вряд ли это возможно, если вспомнить, что Коран был написан после Тауры и Инджила.

Коран постоянно придирается к иудеям. Последние обвиняются в том, что охотно выслушивали всякую ложь (сура 5:44, 67), рассматриваются как заклятые враги мусульман, полные решимости увести их с праведного пути. Коран называет их самыми жадными людьми на земле наряду с идолопоклонниками, уверяет, что каждый из них так цепляется за жизнь, как будто собирается прожить тысячу лет (сура 2:96), именует «неисправимыми грешниками» (сура 5:84) и самыми упрямыми из всех оппонентов Мухаммада:

И ты увидишь, что из всех людей сильнее всех вражда к уверовавшим (в Бога) язычников и иудеев...

(Сура 5:82)

О христианах Коран временами высказывается с большей благосклонностью. В противовес своей враждебности к иудеям Коран говорит о них:

И, несомненно, ты найдешь, что ближе всех в любви к уверовавшим те, кто говорит: «Мы — назореи». И это потому, что среди них есть иереи и монахи, которые гордыни лишены (и не возносятся перед другими).

(Сура 5:82)

Однако и их он часто осуждает — в особенности за их склонность замыкаться в монашестве, которого Аллах никому не предписывал (сура 57:27), а также за предание забвению соглашения, которое Аллах заключил с ними (сура 5:15). Их упрекают и в том, что они относятся к монахам, священникам и Мессии, сыну Марии, как к своим повелителям, тогда как им прямо было приказано поклоняться только Аллаху (сура 9:31). Основное обвинение — за преувеличения в своей религии.

Время шло, и практически на закате жизненного пути Мухаммада его армии столкнулись на севере Аравии с христианскими армиями. С тех пор отношение мусульман к христианам стало более враждебным. В первое время их обвиняли в том, что они не лучше идолопоклонников, богохульствующих против Аллаха, что они говорят, будто он — одна часть троицы, две другие — Мария и Иисус (сура 5:76). Как и иудеев, их жестко критиковали, называя неисправимыми грешниками, выступающими против законов Аллаха. Хотя Коран и засвидетельствовал им свое почтение как ближайшим соседям, по-доброму относящимся к мусульманам, все же последним он запретил тесно общаться с ними или помогать им:

О вы, кто верует! Себе в друзья и покровители вы не берите ни иудеев, ни христиан, они — друзья один другому. А тот из вас, кто их берет в друзья, тот сам — из их числа...

(Сура 5:51)

В результате многочисленных перебранок с иудеями и военных баталий с христианами Мухаммад на склоне жизни призвал свой народ сражаться с теми и другими как с идолопоклонниками:

Сражайтесь с теми из людей Писания (святого), кто в Господа и в Судный день не верит, и не считает запрещенным то, что не дозволено Аллахом и Его пророком, не признавая Истины религии Аллаха, — до тех пор, пока они вам дань платить не станут, своею собственной рукой, в смирении покорном.

(Сура 9:29)

И хотя временами Коран терпимо относится к иудеям и христианам и даже заявляет, что истинно добродетельные люди из их числа будут вознаграждены в раю и удостоятся милости Аллаха, в целом отношение к ним враждебное. Мусульмане расценивают иудеев и христиан как серьезных оппонентов пророка, а их присутствие в качестве соседей рассматривается как угроза процветанию мусульман, которых они могут увести с праведного пути.

ОСНОВНЫЕ КОРАНИЧЕСКИЕ ЗАКОНЫ И ОБЯЗАННОСТИ

Шариат — предписанные законы ислама

Несмотря на то, что ислам является религией четких законов и норм и мусульмане часто критикуются за педантичное следование всем предписаниям Корана, сам по себе он не является сборником правил и указов. Тем не менее он глубоко проникает в

человеческие взаимоотношения, предписывает множество ритуалов и устанавливает правила поведения, наказания и тому подобные вещи. Закон в исламе известен как шариат, путь или образ жизни, которому необходимо следовать, дабы стать правоверным мусульманином, подчиненным истине и воле Аллаха. Само слово «шариат» почти не используется в Коране, но появление его в данном тексте определяет его генеральное положение в мусульманском вероисповедании:

Потом Мы (повелением Своим) тебя наставили на путь Закона (шариата), — так следуй же ему, а не страстям людей, которые не знают.

(Сура 45:18)

Декалог в христианской Библии, более известный как десять заповедей, является прототипом основных законов Аллаха, и хотя они (заповеди) не изложены в Коране так же категорично, как в Исходе 20:1–17 и Второзаконии 5:6–21, они в той или иной форме появляются в различных отрывках его текста.

Коран подтверждает, что законы Бога были переданы Моисею на двух каменных скрижалях:

И начертали для него Мы на скрижалях суть всякой вещи и разъяснение понятий всех вещей...

(Сура 7:145)

Один из отрывков Корана (сура 17:23–40) звучит так же, как отрывок из Левита. Многие из десяти заповедей четко воспроизведены в нем. Заповедь Бога о том, что поклоняться следует только Ему одному, объединена с предписанием относиться по-доброму и с почтением к родителям (сура 17:23). Прелюбодеяние запрещено, поскольку постыдные и греховные деяния открывают путь другим грехам. Покушение на чужую жизнь, за исключением случаев, имеющих полное основание для него, также запрещено, поскольку Аллах сделал жизнь священной (сура 17:32–33). Отрубание конечностей предписано в качестве наказания за воровство (сура 5:41). Ничто на свете не может служить предметом поклонения наряду с Аллахом, это совершенно справедливо приведет идолопоклонника в ад (сура 17:39). В Коране мы найдем и третью заповедь, в которой говорится, что поскольку имена Аллаха являются самыми прекрасными из всего существующего, то тот, кто посмеет осквернить их, будет наказан (сура 7:180). В Коране также упоминается и установление священного дня отдохновения для иудеев, дня, который необходимо строго соблюдать и который они склонны нарушать (сура 7:163). Говорить ложь — безнравственно (сура 51:10). А десятая заповедь звучит так:

И не желайте вы тех благ, которыми Господь одних из вас перед другими наделил. Мужчине надлежит все то, что он заслужит, и женщина получит то, что должно ей. Себе ж щедрот вы испросить должны у Бога. Господь, поистине, о всякой вещи знающ!

(Сура 4:32)

В современном мусульманском обществе шариат относится в основном к предписанным ритуалам, охватывающим каждый аспект поведения мусульман. Он означает гораздо больше, чем простое послушание ниспосланным законам, он содержит в себе стандарты этики и детально регламентирует религиозную, социальную, политическую и бытовую жизнь последователей ислама. И тем не менее в первую очередь он занимается внешними формами и предписаниями. Например, слово адаб наиболее

часто используется для определения более тонких деталей поведения и знаков внимания между мусульманами и их единоверцами. Так, необходимо всегда приветствовать своего собрата по вере словами ас-саламу алайкум — «да будет с Вами мир». Ответ должен звучать так же. Шариат включает в себя и этикет, которому необходимо следовать при общении или ведении дел с немусульманами.

Очень важное разграничение делается в исламе между противозаконными, или запрещенными, и общепринятыми, то есть законными, вещами. Первое понятие из этого ряда известно как харам и означает «запретное, неприкосновенное». Слово это может быть использовано как в священном, так и в обыденном смысле. Например, Священная Мечеть в Мекке названа Масджид ал-Харам. В данном случае слово используется в позитивном смысле. Свиное мясо, с другой стороны, является запретным как харам, поскольку оно нечисто. Мясо остальных животных считается разрешенным в пищу и определяется как халал, т. е. законное, над ним произнесли бисмиллахи, это относится и к остальным продуктам, например к молочным, — они тоже подпадают под статус халал, поскольку в них отсутствуют запрещенные жиры или иные вещества.

Большинству читателей хорошо известны описанные в литературе жестокие наказания, практикуемые в исламе. Однако многие исламские страны лишь в недавнем прошлом начали применять эти наказания, в то время как Саудовская Аравия со всей строгостью налагала их на протяжении многих столетий. Эти наказания, известные как худуд (ограничения), фактически являются составляющими уголовных законов ислама. Так, наказание за воровство, сирка, предполагает отрубание кисти руки:

И вору и воровке отсекайте руки, как воздаяние за то, что (души их) усвоили себе — как наказание от Бога, ведь Он, поистине велик и мудр!

(Сура 5:38)

Однако в хадисах говорится, что этот приговор должен выноситься только в экстремальных случаях, когда вор украл действительно что-то ценное:

Айша рассказывала, что посланник Аллаха (да пребудет он с миром) говорил: «Рука вора должна быть отрублена только за четверть динара или большую сумму».

(Ас-Сахих Муслима, том 3, с. 907)

В другом предании говорится, что не следует отрубать руку в случае кражи растений или фруктов, когда раб покусился на собственность своего хозяина (поскольку и сам раб, и все, что он имеет, является собственностью хозяина) или когда украденная вещь не представляет коммерческой ценности. И тем не менее непреклонное исполнение данного предписания при жизни самого Мухаммада и безжалостный характер наказания можно увидеть в следующем описании характерного инцидента:

К посланнику Аллаха (да пребудет он с миром) привели вора и отрубили ему руку. Затем он приказал повесить ее вору на шею.

(Китаб ас-сунан Абу Дауда, том 3, с. 1230)

За супружескую измену в мусульманских странах забивают камнями насмерть, а в Аравии отрубает голову, несмотря на то, что Коран предписывает за это преступление наказание в сто ударов плетью (сура 24:2). Мусульманские правоведы учат, что это наказание применяется только к неженатым мужчинам или незамужним женщинам, сожительствующим с замужними женщинами или женатыми мужчинами, и что тех и

других необходимо казнить самыми разнообразными способами, описанными в хадисах и применяемыми уже при жизни самого Мухаммада.

Особые законы, относящиеся ко взаимоотношениям людей

В Коране описываются законы и рекомендации, охватывающие бесконечное количество аспектов взаимоотношений между мусульманами как в мусульманских обществах, так и там, где мусульмане находятся в меньшинстве. Умма (община) — превалирующий фактор благосостояния любого общества в целом. Мусульманин прежде всего несет ответственность за выполнение обязательств перед своим собратом по вере, и только затем — в общепринятом порядке. Этим объясняется тенденция мусульман, находящихся в меньшинстве, собираться вместе и формировать собственные группы и организации, даже несмотря на то, что подобные сообщества или организации уже существуют в их непосредственном окружении. Последний шах Ирана в период своего царствования делал все возможное, чтобы убедить своих подданных в первую очередь рассматривать себя как персов, а уже во вторую — как мусульман. Аятолла Хомейни с приходом к власти расставил все точки над *i*, заявив, что в первую очередь они — мусульмане и ни о чем другом речи быть не может. И хотя многие мусульмане на Западе принимают участие в делах государства и вносят вклад в благосостояние всего общества, они, как правило, формируют собственные тесные сообщества с целью защиты своей мусульманской самобытности.

Человеческие взаимоотношения рассматриваются в Коране по большей части с практической точки зрения, нежели с идеалистической. Поэтому брак, никах, в исламе не является таинством, это, скорее, договор между сторонами, который в соответствующих случаях может быть расторгнут посредством развода. Но все-таки развод считается необходимым злом, или бедствием, а не свободным выбором, доступным мусульманам.

Коран называет брак еще одним словом — мисак (договор) (сура 4:21). Так же, как и Библия, он запрещает браки между находящимися в близком родстве людьми (сура 4:23), и так же, как и Библия, он определяет мужа главой семьи, требуя, чтобы жена подчинялась ему и заботилась о домашнем хозяйстве. Женщинам мусульманкам разрешено выходить замуж только за мужчин мусульман, в то время как мужчины мусульмане могут брать в жены женщин и иудеек, и христианок:

...Дозволена вам также пища тех, кому было ниспослано Писанье и ваша пища им разрешена. Разрешено вам в жены брать не только целомудренных, уверовавших в Бога, но также целомудренных из тех, кому ниспослано Писание до вас...

(Сура 5:5)

И хотя таких жен нельзя принуждать отказываться от своей веры в пользу ислама, его неписанные законы с презрением относятся к идее, что мусульманин может взять в жены, например, христианку, которая отказывается отречься от своей веры:

Нафи рассказывал: «Когда бы Ибн Умара ни спросили о браке с христианской или иудейской женщиной, он отвечал: „Аллах сделал незаконным для правоверного брак с женщинами, которые отвращают спутников от поклонения Аллаху, и я не знаю большего зла, чем отвращение спутников от поклонения Аллаху женщиной, говорящей, что Иисус — ее Господь, в то время как он — просто один из слуг Аллаха“».

(Ас-Сахих ал-Бухари, том 7, с. 155)

Известно, что Коран разрешает полигамию, но ни одной женщине в исламе не разрешено иметь более одного мужа. Мужьям разрешено иметь до четырех жен, но если они опасаются, что не смогут справедливо и беспристрастно относиться ко всем своим женам, им должно остановиться на одной супруге (сура 4:3). По случаю женитьбы муж должен дать жене приданое в качестве добровольного дара, но если жена по собственной инициативе откажется от него или решит вернуть часть приданого назад, он должен реагировать на это положительно и с готовностью (сура 4:4).

Хотя ислам зачастую требует от женщин покорности и подчинения мужчинам, Коран постоянно оказывает им особое внимание. Женщины считаются слабым полом и должны подчиняться своим мужьям, но последним постоянно и настоятельно рекомендуется заботиться о своих женах. Если жена опасается жестокости или невыполнения обязательств со стороны мужа и склоняется к разводу, а муж согласен на развод, никто не будет их осуждать или порицать, если они решат вопрос между собой мирным путем. В Коране существует пример, где жене отведено право выступить инициатором развода (сура 4:128).

Мужчин предупреждают, что они никогда не смогут быть полностью справедливыми и честными с женщинами, как бы ни старались, но они никогда не должны бросать женщину на произвол судьбы.

Дружеское понимание вкупе со сдержанностью — таким должно быть отношение мусульманина к жене (сура 4:129). Мужчины являются защитой и поддержкой женщинам, независимо от того, боятся ли они, что их жены неверны им. Если мужья подозревают своих жен в супружеской неверности, им дано право убеждать и наставлять их. В случае, если женщины не раскаиваются, следует отказаться делить с ними супружеское ложе и в качестве последнего средства разрешается побить их (сура 46:34).

Это всего лишь небольшой перечень типичных законов и постановлений Корана, охватывающих один аспект человеческих взаимоотношений — брак. Шариат регулирует такие вопросы, как развод, чистоплотность и тому подобные вещи.

Осведомленность всевидящего ока Аллаха является основным регулировщиком во всех областях человеческого поведения. Хотя особые постановления и законы затрагивают даже ежедневные дела мусульман, большая часть учений Корана преподносится в форме советов, призывающих их жить праведно. Коран более нацелен мудро руководить, нежели принудительно регулировать каждую сторону человеческой жизни. Он никогда не стремится сделать из человека раба традиций — скорее, желает помочь познать себя существом, обладающим правом жить собственной жизнью, позволяя выбирать определенные ограничения и принципы поведения. (Множество описанных в хадисах обычаев, устанавливающих соблюдение правил и ритуалов, регулирующих практически каждый шаг в жизни человека, в действительности не соблюдается.)

Глава третья **МАТЕРИАЛЬНОЕ И ДУХОВНОЕ В КНИГЕ АЛЛАХА** **Аллах - центральная тема Корана**

Основной догмат ислама: «Нет Бога, кроме Аллаха»

Если мы зададимся вопросом: что убедило Мухаммада в том, что он призван в качестве последнего пророка Бога, то в ответ, скорее всего, услышим, что его первоначального видения на горе Хира было для этого вполне достаточно. Этого видения пророку хватило, чтобы убедить себя в том, что все, что снисходило на него впоследствии, — либо в качестве экзотерического опыта, либо как внутреннее вдохновение — являлось сверхъестественным, а следовательно — божественным. Можно было бы сказать и то, что

его совесть была удовлетворена одной непревзойденной доминирующей истиной — истиной об абсолютном единстве Аллаха, Вседержителя вселенной. Совершенно очевидно, что Мухаммад был убежден в том, что, обладая этой истиной как основным положением, сущностью своих сообщений, он облечен божественными полномочиями вести за собой своих заблудших земляков.

Можно с большой долей уверенности сказать, что утверждение Ла илаха иллаллахи («Нет Бога, кроме Аллаха») является основной мыслью Корана, вокруг которой вращаются все другие его идеи. Это выражение в различных вариантах встречается в Коране не менее двадцати семи раз (сура 73:9 и др.), оно формирует первую часть фундаментального исламского учения: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — посланник Аллаха». Большая часть Корана выделяет этот факт в противоположность идолопоклонству языческой Аравии и «заблуждениям» Людей Книги, которые были склонны ассоциировать с Аллахом кого-то еще.

Имя Аллах встречается в Книге около трех тысяч раз. Само по себе оно не имеет рода, но об Аллахе всегда говорят в мужском роде: Хуваллахуллази ла илаха илла хува («Кроме него другого божества не существует!») (сура 59:22). Обе части выражения начинаются и заканчиваются местоимением в мужском роде хува. Точно так же, как мужчина главенствует над женщиной, так и Бог главенствует над человечеством. Являясь личностью, а не нейтральным духом, он описывается в мужском роде как в Библии, так и в Коране. Часто об Аллахе говорят во множественном числе «Мы» (местоимение нахну используется в суре 56:73). Это грамматическая форма является своеобразным способом показать его неограниченное господство над всей вселенной. Точно так же английские монархи, подчеркивая свою власть, используют королевское «Мы» (вспомним знаменитое клише королевы Виктории «Мы недовольны»).

Многие ученые отрицательно относятся к тому, что в Коране есть высказывания об Аллахе в третьем лице. Некоторые из них находят непонятным, что о нем часто говорят независимо от него самого, если принять во внимание факт, что Аллах является единоличным автором Корана. С другой стороны, если Книга была вестью миру, переданной через ангельского посланника, было бы довольно странно воспринимать ее текст в форме частной, интимной беседы между пророком и его Господом.

Тем не менее Коран постоянно побуждает Мухаммада крепко держаться за Аллаха как за единственный источник жизни и надежду на будущее. Что именно провозглашать окружающим пророка языческим безбожникам, ему совершенно точно было указано в стихах, которые символизируют огромный смысл господства Аллаха и являются лейтмотивом всего Корана:

Скажи: «Взываю я лишь к своему Владыке, и в поклонении Ему других богов не измышляю». Скажи: «Не властен я ни злом (вас наказать), (и ни добром) на путь вас праведный наставить». Скажи: «Никто меня от Господа не защитит, и не найди убежища нигде мне, кроме как у Бога, коль я не передам (того, что Он вещает), Его посланий (вам не изъясню). А тем, кто будет непослушен Аллаху и посланнику Его, назначен Ад, где пребывать им вечно».

(Сура 72:20–23)

«Господь запада и востока! Нет Бога, кроме Него!» — настойчивое утверждение и центральная тема Корана. Существование Аллаха считается само собой разумеющимся и не требующим доказательств. Коран призывает к осознанию господства Аллаха и к поклонению его славе. Разумеется, в те времена атеизм был совершенно неизвестен. Неверующих упрекали не в том, что они вообще не верят в Бога (Аллаха), а в том, что они отворачиваются от него в сторону других богов или отождествляют его с кем-либо еще.

Отсюда и проистекает утверждение, что нет другого Бога, кроме Аллаха. Интересно отметить, что Коран не отрицает существование иных богов — его утверждение относится только к возможным конкурентам, а также политеизму:

Если б на небе и земле были другие божества, кроме Аллаха, на них бы не было порядка никогда!..

(Сура 21:22)

Поскольку Аллах невидим, то доказательство его существования не является проблемой. Никто не может увидеть его или получить личные знания о его реальности: от людей требуется верить в то, что им открыто. Очень важно вступить с ним в правильные взаимоотношения. Для этого предписано подчиняться его законам и вести достойный истинного мусульманина образ жизни. Вера в Аллаха является в Коране основной темой. Участь же тех, кто отказывается принять его, слишком ужасна, чтобы можно было даже подумать о неверии.

Исключительные по значимости и часто повторяющиеся слова, которые демонстрируют безрассудное пренебрежение Аллахом, — мин дуниллахи («кроме Аллаха» или «без Аллаха»). Мысль, вызывающая отвращение! Ведь она так легко может поселиться в умах и сердцах людей, не только преднамеренно отказывающихся от его власти, но даже случайно не оказавших ему должного внимания. Мысли или действия без достаточной осведомленности об Аллахе уводят человека с истинного пути. Отсюда берут начало многочисленные предписания Корана все время поминать или прославлять (зикр) имя Бога (сура 57:16).

Вали и насир — слова, с помощью которых в Коране чаще всего делается акцент на необходимости постоянно помнить Аллаха. Эти два слова, имеющие одинаковое значение, усиливают осознание того факта, что он — единственный защитник людей и покровитель вселенной. Их и переводят как «защитник», «опекун», «заступник», «помощник», «избавитель». Они встречаются совместно с выражением мин дуниллахи в следующем стихе:

И не найдет он, кроме Бога, ни покровителя, и ни помощника себе.

(Сура 4:123)

Несмотря на кажущееся порой благополучие жизни, было бы наивным для кого бы то ни было полагать, что можно по-настоящему процветать или надеяться попасть в рай после смерти, живя «без Аллаха». Языческий идолопоклонник сам подвергает себя опасности лишиться благосклонности Аллаха, отвернувшись от него в сторону других божеств, неверующий — полагаясь на свою гордость и самодостаточность.

Природа и характер Аллаха в Коране

Неумолимо и постоянно утверждая, что Аллах уникален и совершенен, Коран удивительно мало говорит о его личности или характере. Не в пример Библии, где чувства и настроения Бога ярко раскрываются через его отношения с людьми, при прочтении Корана создается впечатление, что Аллах вовсе лишен личностных качеств. Сопереживание и другие чувства даже отдаленно не свойственны ему. Акцент делается на его высшем руководстве всем сущим, его неограниченном управлении человечеством, власти благословлять или проклинать, судить или прощать, давать благосостояние или погружать в бедность — все как он пожелает. Он является Господом всех миров и не нуждается в получении энергии извне, в чем-либо содействии или защите. Он никому не

подотчетен. Обязательства лежат непосредственно на плечах тех, кого он создал, дабы они искали его милости. Они не могут апеллировать к чему-то свидетельствующему против него (что с успехом делали многие библейские пророки, как, например, Моисей, напомнивший Богу об обещаниях, данных Им Аврааму, а также об обещании отвратить свой гнев от еврейского народа, когда Он задумал уничтожить его).

В результате многие мусульманские ученые более поздних столетий, пытаясь определить характер Аллаха, неизменно концентрировали свое внимание на том, чего у него нет. Абул Хасан Али ал-Ашари, известный теолог, родившийся в Басре спустя три столетия после смерти Мухаммада, в своем произведении Макалат ал-Исламийин нарисовал весьма несимпатичный образ Аллаха. Он говорил, что у Аллаха нет тела, он нематериален, и у него нет объема. Ни одно место не в состоянии заключать его в себе, и время не касается его. Ничего из того, что можно сказать о его созданиях, не может быть использовано в качестве исходного материала для его описания. Ничего из того, что можно представить рассудком или вообразить, призвав на помощь фантазию, не имеет с ним сходства. Его невозможно увидеть глазами, нельзя испытать удовольствие или радость, постигнув его. Его ничто не волнует.

Другой ранний мусульманский ученый резюмировал отношение мусульман к образу Аллаха, сказав: что бы ни придумал человек, пытаясь представить его себе, он не является этим!

Что же в таком случае можно сказать определенного о том, каков Аллах? В Коране перечислено множество аспектов его сущности. Мусульмане говорят, что всего их девяносто девять. Они определяют его характер и то, что человек может ожидать от него. Тринадцать из них перечислены в приведенном ниже отрывке. В списке или каталоге девяноста девяти имен Аллаха они занимают первые места в порядке их перечисления:

И Он — Аллах! Кроме него другого божества не существует. Он ведает о всем, что скрыто или открыто (вам). <...> Он — царь, Он — свят, источник совершенства, Он мир дарит, заповедает веру и блюдет сохранность; Верховный судья, что власти безграничной преисполнен. Хвала же Господу! Он выше всех божеств, что люди измышляют в равные Ему! И Он — Аллах, Творец (Вселенной), создатель (совершенного порядка в ней), образователь (высших форм и видов), — к Нему — прекраснейшие имена восходят, и все, что в небесах и на земле, хвалу и славу воздает Аллаху, (кто безгранично) мудр и велик!

(Сура 59:22–24)

Однако ни одно из этих имен не раскрывается по ходу повествования, все они как бы бездоказательны. Более того, некоторые мусульманские ученые полагают, что эти имена являются исключительно атрибутами и что Аллах, если пожелает, может просто отменить или аннулировать их все. Говорят, что они являются характерными особенностями, которые определяют его поведение и взаимоотношения со своими созданиями и ни в коем случае не выражают каких-либо особых качеств его существования или характера.

Известный богослов Абу Хамид Мухаммад ал-Газали, живший спустя пять веков после Мухаммада, написал книгу, в которой перечислены все девяносто девять имен Аллаха и которую он назвал Ал-Максад ал-Асна. Говоря о кораническом имени Ал-Вадуд (Любящий), которое дважды встречается в книге (суры 11:90, 85:14), он утверждал, что поскольку в намерения Аллаха входит делать добро человечеству и быть сострадательным, то его любовь должна определяться исключительно как цель утверждать и показывать свою благосклонность по отношению к тому, кто ищет ее. Он выше сопереживания, ассоциируемого с простым человеческим сочувствием. Его любовь и милосердие мотивируются только собственной выгодой, а не сопереживаниями.

В конечном итоге Аллах в исламе воплощает до некоторой степени статичную концепцию Бога. Для него было бы честью сказать, что он может погрузиться в глубину своего духа с чувствами и искренними эмоциями, но при этом быть выше всего этого, демонстрируя свою непоколебимость. Аллах в Коране неизменный просто по той причине, что у него нет такого характера. Он то, что он есть. Правильность отношения к нему людей обусловлена лишь тем, что люди принимают его, а не познают лично. Его абсолютная уникальность ставит его в обособленное положение от всего созданного им — это образ одинокого Бога, не нуждающегося в чьем-либо обществе. Из данной концепции проистекает реакция мусульманина на личность Аллаха и отношение к своей личности и миссии: рожден быть слугой, который связан обязательством подчиняться кодексу поведения и образцам религиозного поклонения, предписанным Создателем, который имеет право поступать так, как считает нужным, чьи действия не могут быть подвергнуты сомнению и кому должно предоставить отчет о своей жизни.

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ КАК СЛУГИ АЛЛАХА

Создание всего сущего исключительно в услужение Аллаху

Власть Аллаха над всем сущим волей-неволей приводит к мысли, что вселенная и все, что в ней, были созданы с единственной целью — служить ему. В отличие от христианской веры, где любовь Бога к человечеству выразилась через личность Иисуса Христа, Который выступил в роли Божьего слуги, чтобы спасти мир и убедить людей в том, что они могут стать детьми Бога и сонаследниками вечной жизни, ислам отводит людям роль в качестве слуг Бога без какой-либо надежды, что они когда-нибудь разделят его славу. Аллаху принадлежит прерогатива поступать так, как он считает нужным, и избегать всякой личной связи с людьми, дабы не быть вынужденным выполнять какие-нибудь обязательства по отношению к ним. Самодостаточность Аллаха, зависимость от него людей и их обязательство служить ему суммированы в приведенном ниже отрывке:

Я создал джиннов и людей лишь для того, чтоб Мне они служили.

(Сура 51:56)

Ангелов в Коране называют ибаду-р-Рахман (слуги Сострадательного). Между Аллахом и всем его творением существует непреодолимая пропасть. Назначение всего созданного им во вселенной отобразено в этом выразительном высказывании:

И всяк, кто на земле и в небе пребывает, приходит к Милосердному как раб.

(Сура 19:93)

Отсюда происходит и само название мусульманской веры: Ислам — это Подчинение. Все истинные правоверные подчиняются своему Господину, властвующему над небесами.

Нельзя сказать, что Аллах совершенно безразличен к людям. Внимание, оказываемое им в Коране, равнозначно вниманию, оказываемому самому Аллаху. Коран в равной степени рассматривает природу человека с его поведением, психологией, обязанностями, предназначением и высшую власть самого Аллаха. Спасение рода человеческого является одной из наиважнейших тем Корана. Коран вновь и вновь заостряет внимание, что он не был бы послан людям, будь у Аллаха иные намерения. Судьбу человечества, высветленную в Коране, не определяют капризы или прихоти Аллаха. Спасение является высшей целью решений Аллаха, которые он не отменяет.

Тем не менее поскольку Аллах — господин своих слуг, а не отец, как библейский Бог, его роль во взаимоотношениях с человеком заключается в утверждении своего величия и власти. Истинный абд (слуга) Аллаха должен быть заинтересован, в первую очередь, в преимуществах несения покорной службы. Смирение, скромность, абсолютное послушание и подчинение предписанным формам поклонения кажутся в этой связи наиболее выдающимися свойствами божьего человека. В христианстве же отдают предпочтение таким качествам, как любовь, радость, самоотверженность, долготерпение и прощение. Истинный мусульманин обращает самое пристальное внимание на волю Аллаха, стремясь безропотно подчиниться его приказам. В приведенном ниже отрывке показана полнота власти Аллаха и призыв к служению ему:

Господь небес, земли, а также и того, что между ними. Так поклоняйся же Ему и в этом поклонении терпение и стойкость сохраняй. Неужто знаешь ты того, кто именем Его (способен) называться?

(Сура 19:65)

Поэтому совершенно неудивительно, что в Коране огромное значение придается таким терминам, как таа (повиновение (Аллаху)), кунут (набожность), хушу (покорность) и тадарру (смирение). Все они — полная противоположность упорному отказу подчиняться откровениям Аллаха. Отказ от послушания — логическое основание жестокосердия и бездуховности. Коран по-особенному относится к этой концепции и рассматривает ее как распространенные настроения времен Джахилии (Времени невежества) в доисламский период, а также как причину для отвержения коранических откровений неверующими времен Мухаммада.

Уверенность в человеческих силах, способностях и изобретательности считается типичным качеством, препятствующим человеку стать абд Аллаха, так же, как и непризнание его власти над собой или отстаивание своей независимости. Действительно, эти качества были отличительными особенностями характера арабов, живших в доисламский период. Коран описывает случай, когда неверующие, неистово противостоявшие Мухаммаду, впоследствии становились вспыльчивыми. Слово, используемое в тексте Корана для описания этого состояния, хамийа, означает горячую решимость в отстаивании и защите своего мнения. Коран особо выделяет это понятие — хамийатулджахилия — горячее противостояние, характеризующее доисламские времена невежества до возникновения ислама. И вот в противоположность этим качествам Аллах ниспослал умиротворенность и уравновешенность своему посланнику и всем верующим. Слово, используемое для противопоставления двух настроений, душевных состояний, звучит как сакина и близко по значению древнееврейскому шехина (сура 48:26). Величие Аллаха состоит в его здравомыслии относительно мирного сосуществования с ним, и именно это качество должно характеризовать тех, кто действительно является его слугами.

Арабы доисламской Аравии гордились принадлежностью к своему роду и жестоко мстили любому члену другого рода или племени, нанесшему обиду или ранение их сородичам или соплеменникам, независимо от причины инцидента (была ли она оправдана или нет). Они никогда не принимали ничего, что разрушало их чувство собственного достоинства, и яростно давали отпор любому, кто унижал их тем или иным способом. Это было сущностью высокомерия арабов до прихода ислама. Абид ибн ал-Абрас, поэт, живший в те далекие времена, писал в своей книге Диван (том 40, стих 20): «Мы решительно отказываемся подчиняться чьему бы то ни было руководству, кем бы он ни был! Более того, мы заставим всех подчиняться нашим указаниям, причем никого при этом не принуждая». Именно этот заносчивый дух Мухаммад считал причиной

противостояния его учению смиренно подчиниться и стать слугой — в данном случае самого Аллаха.

Иудеев и христиан не обвиняли в тщеславии неверия, но их упрекали в том, что они считали себя детьми Аллаха и, более того, любимыми его детьми. Если это так, то тогда почему Аллах наказывает их за грехи? В действительности они всего лишь люди, которых создал Аллах себе в услужение. Одному Аллаху принадлежит власть на небесах и на земле (сура 5:20). Эта тема постоянно связывается в Коране с Иисусом Христом:

И никогда Мессия не презреет служением и поклоненьем Богу, как то и ангелы, приближенные к Богу...

(Сура 4:172)

В другом стихе, говоря об Иисусе, Коран резко заявляет: *Ин хува илла абдун* — «Он был всего лишь раб (Господен)» (сура 43:59). Интересно обнаружить повествование в Коране, где говорится, что Сам Иисус заявил: *Инни абдуллахи* — «Я — раб Аллаха» (сура 19:30). В отрывке говорится, что когда Он появился на свет, родственники Марии обвинили ее в том, что она родила ребенка вне законного брака. Когда же она указала на Иисуса, лежащего в колыбели, Он произнес речь, которая начиналась с приведенного выше высказывания. Данное событие не имеет параллелей с Библией, но оно соотносится с апокрифическим «Арабским евангелием детства», автор которого неизвестен. История об Иисусе, произносящем речь в колыбели, приводится и в начале Корана. Но только здесь говорится о том, что Он обратился к Своей матери Марии со словами: *Инни хува Иса ибнулла* — «Я Иисус, сын Бога» и затем продолжил, что Он и есть то самое Слово, которое послал Бог и о котором архангел Гавриил объявил ей, и что Бог Отец послал его как благословение народам мира. В целом эта история сильно напоминает буддийскую, в которой повествуется о том, как Будда разговаривал со своей матерью, будучи еще в младенческом возрасте. Показательно, что Коран, дабы сохранить последовательность своего учения о том, что Мессия является не кем иным, как слугой Аллаха, изменил первоначальное заявление, сделанное Иисусом о том, что Он сын Бога.

Неограниченная власть Аллаха над своими слугами

Мухаммад, как и все, также является слугой Аллаха, почетным слугой («Наш слуга» (сура 2:23)). Он находится в гармонии с целями и намерениями Аллаха и послушен его воле. Все истинно правоверные тоже рассматриваются как уважаемые и благородные слуги. В главе, повторяющей основные события из жизни некоторых пророков, их называют *ибадудлахилмухлисин* («посвященные слуги Аллаха» (суры 37, 160, 169 и др.)) — в пяти случаях и *ибадуналмуминин* («наши верующие слуги») — в четырех случаях. В Коране нет представления о рабском служении — наоборот, говорится о гармоничных и мирных отношениях с Аллахом, где Аллах и верующие, смиренно исполняющие заповеди, понимают друг друга. Поэтому постоянно утверждается, что Аллах мягок со своими слугами (сура 2:207), всегда следит за ними и их действиями и постоянно испытывает их (сура 3:15). Он никогда не бывает несправедлив по отношению к ним (сура 3:182), но при этом всегда остается всесильным (сура 6:18). Однако существует последний аспект взаимоотношений, который сводится к тому, что в конце концов Аллах не несет никакой ответственности ни перед кем, и никто не может потребовать от него отчета. Люди просто остаются его слугами и не более.

Аллах награждает верующих и дарует им свое расположение, руководствуясь исключительно своим выбором, и никто не может задать вопрос, почему он предпочел одного другому. Никто не может спросить, почему он выбрал иудеев, дабы явить им свои

милости, когда послал им пророчествование и Священную Книгу, и почему не делает этого более. Все происходило исключительно по его желанию и благодаря его власти.

Над всеми Он ступенями возвышен, Властитель трона! Своим велением Он дух низводит тому из Своих слуг, к кому благоволит, чтоб тот напоминал о Дне свиданья (всем людям), — о Дне, когда они предстанут (перед Ним).

(Сура 40:5–16)

Власть Аллаха над своими слугами дает ему право помочь любому, сообразуясь со своей волей (сура 7:128), а также даровать, по своему выбору, особое управление тем, к кому он питает расположение (сура 6:88). Никто не может спросить, принесут ли его действия боль или наслаждение — все будет так, как он пожелает (сура 10:107). Он может расширить или сконцентрировать круг счастливых в соответствии со своим правом выбирать (сура 28:82). Это тотальное господство над народом в свое время породило среди мусульман фаталистическое отношение к жизни. Что бы ни случилось, неважно — приведет ли это к добру или ко злу, все в его воле. Если все равно никто не может противостоять этому, зачем вообще бороться за свой успех? Просто прими то, что тебе дают, поскольку то, что тебе дают, — именно то, что он намеревается тебе дать. Подобное отношение к жизни повлияло на образ мышления многих мусульман.

Поэтому нет ничего удивительного, что в преданиях (в сводах хадисов) описываются события, происходившие в самом начале созидательного процесса, когда Аллах предопределял все действия и участь людей в соответствии со своими целями еще до того, как они были созданы. Одно из таких повествований гласит:

Умар б. ал-Хаттаб рассказывал: «Я слышал, как посланника Аллаха (да пребудет он с миром) спросили, и он ответил: „Бог создал Адама, затем положил Свою правую руку ему на спину и сказал: ‘Мы создали их для небес: эти будут совершать действия, подходящие обитателям Рая’. Затем положил левую руку ему на спину и сказал: ‘Мы создали их для ада, и эти будут совершать действия, подходящие аду’“»

(Ал-Муватта Малика, с. 374)

Сам Коран поддерживает концепцию, что те, кого направляют по праведному пути, останутся только на нем, из-за предначертанного указа Аллаха. Те же, кто сбился с пути, поступают так именно потому, что Аллах преднамеренно поставил их в такое положение. Для последних не будет иного заступника, кроме Аллаха, и они будут брошены в страшное адское пламя, потому что они отвергли его знаки и не поверили в возрождение, что было для них предначертано (сура 17:97–98). Нет ничего странного в том, что мусульмане фаталистически смотрят на жизнь и на свою судьбу. Другое предание описывает очень интересную историю о самом начале создания, в которой Адам оправдан за свой проступок. Объясняется это тем, что он сделал лишь то, что ему было предначертано:

Абу Хурайра рассказывал, как посланник Аллаха (да пребудет он с миром) говорил: «Однажды между Адамом и Моисеем возник спор. Моисей говорил: „Это ты тот Адам, чья ошибка явилась причиной изгнания тебя из Рая?“ Адам ответил ему: „А это ты тот Моисей, которого Аллах выбрал своим вестником к людям, и ты обвиняешь меня в деле, которое было предопределено для меня еще до моего создания?“ Вот таким образом Адам превзошел Моисея».

(Ас-Сахих Муслима, том 4, с. 1396)

Коран заявляет, что он действительно является посланием всему миру и всем тем, кто желает идти прямым, праведным путем, но никто не может сделать этого до тех пор, пока сего не пожелает Господин всех миров (сура 81:27–29). Поэтому хотя между Аллахом и его слугами и могут иметь место приятные взаимоотношения, они поддерживаются только потому, что он решил вывести слуг на свой путь. При этом он оставляет за собой право сохранять всеобъемлющий контроль над ними и поступать с ними так, как сочтет нужным. Эта доктрина заполняет разум и души мусульман. Она очень сильно отличается от христианской концепции познания Бога Отца, Который из любви к тем, кого называет Своими детьми, никогда не станет обращаться с ними своенравно, а в полной безопасности приведет их в Свое Царство, на небеса.

МЯТЕЖНЫЙ ДУХ, ОБУРЕВАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Человечество создано для горестей и страха

Коран избегает учения о первородном грехе, но он говорит о том, что большая часть человечества живет с неприязнью по отношению к Богу. Он предъявляет откровенные обвинения человеческому роду:

Мы человека создали на тяготы (земные), — так неужели он воображает, что здесь над ним никто не властен? Он может говорить: «Я заплатил за все сполна!» Ужель он думает, никто его не видит? И разве не дано ему двух глаз? И языка, и пары губ? И не указаны два главных направленья (добра и зла)? Но не спешит избрать стезю крутую человек!

(Сура 90:411)

В то же самое время Коран учит, что Аллах милосерден к людям, передавая им аяты (знаки) и посылая своих пророков и вестников. Он будет находить людей, подавленных страданиями и несчастьями, и будет воодушевлять их, дабы они познали смиренность. Их страдания превратятся в процветание, и все блага небес и земли прольются на них, если они верят в него и боятся. Но, несмотря на это, они продолжают отвергать его истины, поэтому ему придется призвать их к ответу за их злодеяния (сура 7:94–96).

Единственно верным откликом на благосклонность Аллаха, говорит Коран, должен быть дух шукр (благодарности или признательности) по отношению к нему. В тексте Корана слова иман (вера) и шукр зачастую синонимичны. Противоположный им термин — куфр (неверие или неблагодарность). Чаще всего именно этот дух неблагодарности наполняет мысли людей, и Коран говорит:

Поистине, и Богу своему неблагодарен человек, и сам свидетельствует это (своими грешными делами), и неотступен в алчности своей к земным богатствам человек.

(Сура 100:68)

Единственное, на что могут надеяться непокорные, — это раскаяние и просьба о прощении. И пусть они являются ближайшими родственниками истинно верующих, но если они продолжают упорствовать в своей неблагодарности и неверии, им не будет даровано прощение (сура 9:113). Даже если сам Мухаммад просил бы за них прощение целых семьдесят раз, Аллах никогда бы не простил их, поскольку они отвергают его, — Аллах не руководит и не направляет тех, кто упорствует в своей непокорности (сура 9:80).

Хуже всего, конечно, придется неверующим, чьим принципом является истигна, самодостаточность, т. е. жизнь без Аллаха в сердце. Истигна является пределом непокорности (сура 96:6–7).

Коран уделяет огромное внимание духу неверия, а также жестокосердию по отношению к Аллаху в сердцах большинства людей. Только те, кто обладает истинной верой и совершает добродетельные поступки, твердо придерживаясь истины, исключаются из числа тех, о ком говорят: «человек всегда убыток терпит» (сура 103:2). И хотя в отличие от Библии Коран не считает, что люди по своей природе пребывают в рабстве греха и слабостей и не могут спасти собственные души без милосердия Бога, он подтверждает вселенскую склонность человечества к безбожию и греху. Приведенный ниже стих тесно соотносится с библейской темой:

И я себя оправдывать не стану — ведь (всякая) душа склоняется ко злу, если Господь мой милостью ее не осеняет. Господь мой, истинно, прощающ, милосерд!

(Сура 12:53)

В другом отрывке Коран разоблачает склонность людей к раздражительности и капризам. Это когда зависимость от Аллаха ими полностью игнорируется, и они всецело предоставлены самим себе:

Поистине, был беспокойным создан человек. Когда его коснется зло, он полон (бесконечных) жалоб; когда же к нему добро приходит, становится он скуп (и недоступен).

(Сура 70:19–21)

Одним из самых распространенных слов в Коране для обозначения сущности всех грехов по отношению к Аллаху является зулм, что значит «беззаконие». Многобожие считается самым большим зулмом, т. е. прегрешением (сура 31:14). Это слово используется в основном для определения вреда, причиненного человеком своему ближнему. Это может быть несправедливость, обман, мошенничество и тому подобное. Во многих случаях, говорит Коран, люди, поступающие подобным образом, совершают зулм ан-нафс, т. е. причиняют вред собственным душам (сура 2:57). С другой стороны, никто не может обвинить Аллаха в совершении зулма в его делах с людьми. Аллах руководствуется исключительной справедливостью в отношении своих созданий. Прегрешения, которые совершают люди, приносят им несчастья. То, что они страдают из-за собственного безрассудства, происходит лишь из-за деяний, которые они сотворили своими руками (сура 22:10). Иногда Коран возлагает этот дух прегрешений не только индивидуально на какого-то человека или группу людей, но и на целый народ и даже на общественный строй. И тем не менее подобные прегрешения не рассматриваются как оскорбление славы Аллаха, скорее, это ошибочное действие, которое причиняет большой вред и травмирует тех, кто совершает его. Тема в данном случае остается прежней, а именно: тенденция к прегрешениям преобладает среди людей и является тем курсом, которому большинство из них будет следовать.

Болезнь в сердцах лицемеров

Среди порочных неверных Коран выделяет группу людей, виновных в большем, чем просто прегрешения. Это мунафикун (лицемеры), которые симулируют веру в Аллаха или преданность общине верующих, в то время как их сердца далеки от них. О людях такого склада Мухаммад отзывался как о чем-то мерзком, внушающем отвращение. Группа таких

людей в Медине, внешне проявлявших глубокую преданность его делу, когда он впервые стал лидером, на деле много раз доказывала свою ненадежность и, что гораздо хуже, в тайне оставалась враждебно настроенной к истинно верующим. Их руководителем был некто Абдаллах ибн Убайй, который в то время принял сторону Мухаммада, а затем бросил его и увел за собой своих последователей. События эти произошли незадолго до битвы при Ухуде, и поражение мусульман было отчасти вызвано опустошением в их душах в результате ухода Абдаллаха и других. Почти треть армии Мухаммада ушла с поле боя и вернулась в Медину. Последователи Абдаллаха предпочли защищать свои дома вблизи городских стен.

И все же Коран рассматривает склонность к двоедушию как нечто более серьезное, нежели нелояльность к мусульманской общине. Это душевная болезнь. Не менее тринадцати раз Книга связывает мунафикунов с «теми, у кого в сердце поселилась болезнь». Эта марад (болезнь) заставляет их обманывать правоверных (сура 8:49). Постоянное употребление вместе этих двух выражений предполагает, что они рассматриваются как синонимы. Было бы уместно предположить, что лицемеры и их непостоянство вызывали у Мухаммада отвращение. Совершенно очевидно, что он рассматривал больных лицемерием как опасную группу людей, чья преданность в любое время может обернуться враждебностью.

Если зулм охватывает все виды прегрешений, будь они из области социальной, моральной или религиозной, нифак (лицемерие) имеет исключительно религиозную почву. Поскольку Мухаммад считал себя не только политическим лидером Медины, но также и пророком Аллаха, посланным своему народу, нет ничего удивительного в том, что он видел в их непостоянстве вызов искренности своих пророческих убеждений. Эта точка зрения объясняет и то, почему он считал, что их души одержимы болезнью. Коран относится к ним хуже, чем к неверующим, — примерно так же, как Иисус относился к фарисеям:

И лицемерам видится, что (хитростью своей) они проводят Бога, тогда как Он проводит их. Когда они становятся к молитве, то делают сие небрежно, лишь напоказ перед людьми, а к Богу обращаются так мало!

(Сура 4:142)

Их непреднамеренное равнодушие считается причиной их гибели. Библейский упрек «...ты ни холоден, ни горяч...» (Откр. 3:15) в данном случае имеет прямую параллель с процитированной сурой. Таких людей считают не равнодушными верующими, а худшими врагами Аллаха, чья судьба уже определена и опечатана:

(Все) лицемеры — и мужи и девы — все одной породы: они к преступному друг друга подстрекают, и отвлекают от благого, и скупы руки их (и души). Они забыли Бога, и их забыл Господь. Поистине, распутны лицемеры и беззаконие (творят).

(Сура 9:67–68)

Лицемеров не только откровенно осуждают, но также прочат им быть брошенными в самые глубины адского огня (сура 4:145). Краткий анализ некоторых особых случаев их противостояния Мухаммаду за последние десять лет его жизни в Медине показывает, почему пророк так сильно ненавидел лицемеров и считал, что они хуже неверующих:

А тем, которые уверовали в Бога, потом же отреклись, потом уверовали вновь, потом же отреклись опять, и тем неверие усилили свое, — тех не простит Господь, прямой стезею не направит. Ты весть благовую лицемерам сообщи: их ждут мучительные кары.

(Сура 4:137–138)

В свое время лицемеры публично признают, что Мухаммад был послан как вестник Аллаха, хотя в сердцах своих они желали бы обратного. Они могут поклясться, дабы убедить мусульман в том, что они были искренни, но это будет только возможность для них заслонить от других путь Аллаха (сура 63:1–2). В следующем отрывке Мухаммада предупреждают о таких людях:

Когда ты видишь их, тебя их вид прельщает, и когда речь они ведут, с охотой внимаешь их словам, — они подобны приставным столбам, (их совесть нечиста), и каждый вскрик им кажется враждебным. Они — враги, и опасайся их. На них лежит проклятие Аллаха. О, как обмануты они (в своих надеждах)!

(Сура 63:4)

В этой же главе дается краткая ссылка на случай, который произошел во время их выступления с Мухаммадом в поход против племени бану мусталик. Абдаллах ибн Убайй предложил, что если бы он и его сподвижники вернулись в город (Медину), то они, «самая могущественная» группа, изгнали бы оттуда «презренную» группу, а именно пророка и его последователей, группу, которая пришла из Мекки. Однако Коран утверждает, что истинное могущество принадлежит одному Аллаху, даже если кто-то этого не знает (сура 63:8).

В другом отрывке «те, у кого в сердце поселилась болезнь», упрекаются в намеренном подстрекательстве к восстанию жителей города (сура 33:60). В другом случае их упрекают в том, что они вероломно пообещали иудеям, жившим в окрестностях города, поддержать их в случае нападения или изгнания из города (сура 59:11). Известно, что они доказали свою абсолютную ненадежность именно тогда, когда их помощь была действительно необходима.

В целом Коран очень невысокого мнения о человечестве. Дух строптивости и непокорности пропитывает человеческое племя, и только искреннее раскаяние, покорность, обращение к Аллаху дают надежду на то, что Аллах его простит и примет.

ВЕРА В СЕРДЦАХ ПРАВОВЕРНЫХ

Характер верующих в Коране

Одно из самых распространенных слов в Коране, амана, означает «верить». Важнейшая добродетель, больше, чем что-либо иное, характеризующая истинных мусульман, представляет собой веру в Аллаха и его волю. Откровения об этом можно найти в Коране. Одно из имен Аллаха в Коране, Ал-Мумин (Верный), происходит от того же корня, что и амана. Нередко в среде мусульман можно услышать обращение к последователям ислама: Йа айюхаллазина аману («О вы, кто верует!»). Типичный стих, содержащий это предписание, наряду с призывом жить праведной жизнью, звучит так:

О вы, кто верует! В смирении колена преклоните, падите ниц пред Господом своим в благоговейном поклонении Ему! Творите доброе, чтобы познать блаженство!

(Сура 22:77)

Распространенность идолопоклонства по всему Аравийскому полуострову в период жизни Мухаммада дала пророку возможность разглядеть проблему, существовавшую

между истинной верой и ложью, и сводилась она к одному простому принципу. Вера в Аллаха как в единственного Бога, вылившаяся в фундаментальное утверждение «Нет Бога, кроме Аллаха», рассматривалась как разделяющая черта между истинным мусульманином и неверующим. В последние годы жизни у Мухаммада возникли вопросы к христианской и иудейской вере в Бога, также монотеистической. Обозначились же они тогда, когда иудеи и христиане отвергали его как апостола Аллаха. Вся деятельность Мухаммада в Мекке была выстроена на том основании, что он являлся знаменосцем истины Аллаха, направленной против лжи арабских язычников-идолопоклонников. Но в конце концов он разрешил затруднения, обвинив иудеев и христиан в уподоблении себя Аллаху (сура 9:30). Следуя учению Мухаммада, правоверные мусульмане призваны исповедовать веру только в одного Аллаха. Нижеследующий стих кратко резюмирует ситуацию:

Скажи: «Он — милосердный Бог. В Него уверовали мы и возложили на Него свои надежды. И в скором времени познаете и вы, которые из нас в глубоком заблужденье!»
(Сура 67:29)

Настоящая вера заключается не только в признании реальности Аллаха, она требует искреннего подчинения его воле. Только через подлинное раскаяние, учит Коран, верующие могут надеяться в конце концов на получение прощения, которое откроет перед ними вход в рай (сура 66:8). В другом отрывке Коран заявляет, что они переполнены любовью к Аллаху (сура 2:165). Следовательно, истинно верующий с энтузиазмом посвящает себя вере в Аллаха, в этом заключается смысл всего его существования. С помощью веры человек может увидеть реальность Аллаха во всем, даже когда он обращается к таким неприметным и мелким созданиям земли, как москиты (сура 2:26).

Верующим внушается быть последовательными в преданности Аллаху, слушаться его и его пророка, немедленно откликаться на их призыв следовать дорогой, ведущей к жизни. От них требуется не изменять вере Аллаха и его апостола, а также тому, что они получают. Их имущество и потомки — не что иное, как испытание, данное им, дабы проверить, действительно ли их сердца преданны Аллаху, который выдает высшие награды. До тех пор пока они боятся Аллаха, он будет давать им критерий, или мерило (фуркан), дабы они могли отделить добро от зла (сура 8:20–29). В постоянстве настоящей веры они будут находить истинный мир и покой:

Тех, кто уверовал и чьи сердца при призывании Аллаха исполняются покоя — ведь призывание Аллаха покоем сердце наполняет.
(Сура 13:28)

От верующих требуется безраздельная преданность Аллаху. Вера правоверных никоим образом не должна сбиваться с толку их привязанностью к чему-либо еще, например к богатству или детям. Все, что уводит человека от служения Аллаху, выразится через ту или иную потерю в конце пути (сура 63:9). В Коране существует и более суровое предупреждение о том, что чья-либо жена и дети могут быть врагами верующих, поэтому последние должны остерегаться всего, что может увести их от веры (сура 64:14). Хорошая же новость, которую Аллах посылает верующим, поскольку они преданны ему, заключается в заверении, что они являются освобожденными людьми и стоят перед ним в первых рядах (сура 10:2).

Путь веры рассматривается как дорога, усеянная испытаниями, которые посылаются правоверным с целью их проверки. Они не должны терять мужества и падать духом, поскольку они должны учиться преодолевать себя и посланные им испытания, если они

искренни в своей вере. Если они пострадают тем или иным образом, то должны помнить, что другие верующие, шедшие этим путем перед ними, тоже были ранены, но сохранили свою веру. Время перемены судеб посылается для испытания тех, кто верит, для того, чтобы Аллах мог сам отобрать достойнейших и мучеников для ислама (сура 3:139–140). Трудный путь ниспослан им, дабы испытать и проверить тех, кто истинно верит в Аллаха и его посланника:

Чтоб испытанием очистить верных и нечестивых сокрушать. Иль вы надеялись, что в Рай войдете, когда Господь еще не распознал, кто, на Его пути сражаясь, устоял?
(Сура 3:141–142)

В другом месте Корана говорится о том, что верующие — это те, кто совершает добродетельные поступки, кто регулярно молится и проявляет милосердие и сострадание. Истинный мусульманин отмечен верой в единобожие Аллаха и ревностно следует по пути веры, расстилающемуся перед ним.

Однако истинная вера — это гораздо больше. Правоверные организуют умму покорных Аллаху (сура 2:128). Коран называет их лучшими из людей (сура 3:110). Изначально человечество было создано как единый народ (сура 10:19), и только упрямое неверие большинства из них привело к тому, что род человеческий разделился на множество народов, враждебно относящихся к Богу. Однако умма тех, кто истинно верит, хотя и составляет меньшинство, должна оставаться самой прогрессивной группой мусульман, чья корпоративная преданность выражена исключительно одному Аллаху (сура 21:92).

Стремление увидеть лик Аллаха, великого и невидимого

Разумеется, Коран вкладывает в сущность истинной веры в Аллаха гораздо больше смысла. Истинную веру видно не только по благочестивым поступкам и подчинению воле Аллаха в целом, как написано в его Священной Книге. Элемент веры присутствует и в том, чего не видно. Надежда в конце концов удостоит верующего чести лицезреть его лик. Она должна вдохновить правоверного твердо придерживаться пути веры.

Согласно Корану, существуют два царства, или мира, — мир невидимого и скрытого (алам ал-гайб) и мир видимого и осязаемого, мир очевидный (алам аш-шахада). В распоряжении человека находится только очевидный мир, но Аллах властвует над обоими. Невидимый же мир принадлежит ему одному. С его точки зрения, нет ничего невидимого, поскольку он видит и знает все, но существуют некоторые вещи, которые он сокрыл от своих слуг. Символ истинной веры заключается в признании его права как Создателя всего сущего укрывать некоторые вещи, хотя сам он осведомлен обо всем:

Скажи же: «О Аллах! Творец земли и неба! Сокрытого и явно свидетел!»

(Сура 39:46)

Это очень распространенная тема в Коране. Самого Аллаха называют Ал-Гайб (Незримый) (сура 2:3), и оставаться невидимым для своих созданий является частью его величия. Мухаммад был сильно обеспокоен, когда неверующие не поверили в существование Аллаха после прочтения им проповеди, а требовали предоставления различных доказательств. Он был предупрежден, что от него потребуют назвать время прихода Дня Страшного суда:

Они тебя о Часе вопрошают. Скажи (им): «Знание сего лишь у Аллаха!» И кто тебе даст знать: не на пороге ль он?

(Сура 33:63)

В другой раз неверующие захотели знать, когда же придет наказание за неверие, которым пророк угрожал им в своих проповедях. Он предупреждал их, что Аллах разрушит их город. Ему было сказано ответить неверующим так:

Скажи: «Не знаю я, близка ли вам обещанная (кара), или Аллах назначил более далекий срок? Ему лишь Одному незримое известно, и в сокровенное Свое Он не допустит никого.

(Сура 72:25–26)

В другом отрывке эта тема выражена более конкретно. Как могут неверующие говорить о том, что существуют еще боги, кроме Аллаха? Он породил все сущее и дал средства для существования всем людям как на небесах, так и на земле. Никто — ни на небесах, ни на земле — не знает невидимого, за исключением Аллаха, и никто не постигнет того, когда его призовут на суд. И еще меньше их разум может постичь грядущее (сура 27:64–66).

Когда бы от Мухаммада ни требовали привести какие-либо доказательства в защиту истинности своей миссии, он обращался к вышеизложенным аргументам. Невидимое принадлежит только одному Аллаху, и сам он скрыт в своем мире. Требовать от него доказательств его существования — значит самонадеянно ожидать, что он откажется от порядка видимого и невидимого, который он сам же и определил.

И говорят они: «Что же ему от Господа его не снизошло какое-либо чудо (тогда бы мы поверили ему)» Скажи: «Все тайное — во власти Бога. Вы ждите! С вами подожду и я».

(Сура 10:20)

Даже верующие не могут надеяться, что Аллах раскроет то, что скрыто по его повелению. Он обещал, что как только добро будет отделено от зла, он высвободит верующих из их состояния, но никогда не раскроет им секретов невидимого (сура 3:179). Те, кто верят, не видя, — благословенны. Если они осознают существование Господа так, как будто они видели его, — значит, они люди истинной веры. Им нужно только очиститься и молиться, дабы исполнить волю своего Господа, хотя он и остается невидимым (сура 35:18).

Цель каждого верующего заключается в стремлении в конце концов лицезреть лик Аллаха (ваджхуллах). Хотя Аллах и невидим, он стоит лицом к лицу со своими созданиями, и их духовное процветание увеличивается по мере того, как они следуют его воле, хотя они не видят его. Этот принцип утверждается в приведенном ниже стихе:

...Лишь Бог ведет прямым путем того, кого сочтет Себе угодным, и чтобы из благ своих ни издержали, сполна воздастся вашим душам — ведь вы даете только потому, что ищете Господнего благодаренья; и что бы вы из своего добра ни издержали, сполна вам будет воздано и вам не нанесут обид несправедливых.

(Сура 2:272)

Эта тема повторяется и в другом похожем отрывке, где сущность истинной веры предполагает отвержение всего в стремлении увидеть лик Аллаха. Оно воспринимается как обязательное качество искренне верующего:

А кто расходует свое добро на самоочищение и не для почестей благодает, а из желанья заслужить признание Бога, сполна познает Его щедрость.

(Сура 92:18–21)

И хотя Аллах сейчас невидим, а вселенная видима, в конце времен все, что видимо, окажется временным, и только его лик останется неизменным (сура 28:88). Все истинно верующие будут удовлетворены видом его славы, а все остальные будут забыты и брошены. Реальность Аллаха, единственного Бога, опять выходит на передний план и становится центральной темой всего учения Корана.

Исчезнет все, что суще на земле. Навек останется лишь Божий лик — благочестив, и щедр, и величен!

(Сура 55:26–27)

Если спросить, что означает понятие «лик Аллаха», Коран даст следующее определение: это величие его добродетельной щедрости при встрече с нуждами всех созданий на небесах и на земле (сура 55:29). Оно также трактуется как его целостное восприятие: куда бы человек ни повернулся, существует лик Аллаха, поскольку Аллах вседущ, всезнающ (сура 2:115).

Каждый, кто стремится получить вознаграждение от своего Господа, должен выполнить основную обязанность мусульманина — подчиниться лику Аллаха и всегда совершать праведные и добродетельные поступки (сура 2:112). Выражение это очень распространено в Коране (сура 30:38 и др.) и формулируется как важнейшая цель всех тех, кто не видит в данный момент Аллаха, но надеется встретиться с ним лицом к лицу и быть принятым им.

Характер истинного верующего очень четко формулируется в Коране. Истинный мусульманин — тот, кто верит только в Аллаха, кто стремится исполнить его волю, кто присоединяется к группе верующих и поворачивается лицом к тому, кто в настоящий момент невидим, но обращен ликом к своим слугам. Это единственный путь, который ведет к вознаграждению и наслаждениям рая.

Глава четвертая **ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ИСТОЧНИКИ КОРАНА** **Иностраные элементы в тексте Корана**

Примеры неарабских слов в Коране

Много раз Коран объявлял, что ниспослан как арабское Писание (суры 12:2, 13:37, 42:7), поэтому его учения будут понятны тем, кто слышал их на родном языке. Во всех мусульманских странах арабский язык глубоко почитается как язык Книги Аллаха, и все переводы Корана на другие языки считаются по качеству ниже арабского оригинала. Одна из исламских легенд заходит настолько далеко, что объявляет арабский языком небес. Поскольку считается, что эта Книга является откровением Аллаха, ниспосланным Мухаммаду, то предполагают, что она — совершенное Священное Писание, основанное на всеведущей воле и знании. В ней нет ничего от человека и ничего, что было почерпнуто пророком из иных источников.

Однако существуют серьезные свидетельства в пользу того, что огромная часть Корана происходит из иудейских, христианских, зороастрийских и буддийских источников. Для начала было бы уместным упомянуть тот факт, что огромное количество слов в Книге

(некоторые из них стали для мусульман по-настоящему священными) берет свое начало в других языках. В любом случае, Коран, текст которого, как предполагают, связан с иудео-христианским пророческим достоянием, а не с наследием языческого идолопоклонства Аравии седьмого столетия, вероятно, содержит множество слов, понятных больше иностранцам, чем арабам.

Само слово Куран, встречающееся в Книге семьдесят раз и означающее «Чтение (вслух, наизусть)», по происхождению не арабское. И действительно, важно заметить, что четыре раза форма глагола караа использована не для передачи откровения Мухаммада: один раз она имеет отношение к чтению Священной Книги, существовавшей до Корана (сура 10:94), другой раз — к книге, которую его оппоненты требовали послать им и которую они могли бы читать (сура 17:93), и два последних — к «Книгам Судеб», читать которые заставят как верующих, так и неверующих в Судный день (суры 17:71, 69:19). Совершенно ясно, что каждый раз слово использовалось в религиозном контексте, а именно для обозначения чтения небесных книг.

Глагол караа не является арабским по происхождению, и отглагольное существительное коран не найдено в арабских письменных работах, предшествовавших Корану. Следовательно, если оно не является оригинальным в самой Книге, то, по крайней мере, оно современно ей. Вероятнее всего, слово Куран происходит от слова керяна, употребляемого сирийскими христианами и означающего «чтение (священного текста, назидание)». В таком случае слово приобретает гораздо больше смысла при использовании в Коране, и не остается практически никаких сомнений в его происхождении из христианских источников.

Множество других слов и имен в Коране также берет свое начало из иностранных источников. Три раза в Книге упоминается пророк Илия — как Ильяс (суры 6:85, 37:123) и как Ильясин (сура 37:130). Вероятно, вторая форма — Ильясин — использовалась для поддержания рифмы стиха с последним словом следующего стиха — ал-муслимин. Интересно заметить, что это имя не имеет связи с оригинальным иудейским именем пророка; оно в точности повторяет греческий и сирийский переводы этого имени и, вероятнее всего, из них и заимствовано. То же самое можно сказать и о пророке Ионе, который в Коране четырежды именуется Йунусом (сура 4:163 и др.). Оригинальное иудейское слово в греческой церкви и в Новом Завете звучит и как Йона, и как Йунас. Кораническая форма имени, вероятнее всего, произошла от сирийского слова, которое звучит точно так же, а в сирийский язык перекочевало из греческого. Хотя древнееврейский и арабский языки очень похожи (оба они принадлежат к семитской группе языков), интересно обнаружить коранические имена иудейских пророков, пришедшие из греческих и сирийских источников, а не из иудейского оригинала.

Существует бесчисленное количество подобных примеров присутствия иностранных слов и имен в «чисто арабском» Коране.

Аллах, весы и равнины в Коране

Мусульмане могут чрезвычайно удивиться, узнав, что имя Аллах тоже имеет иностранное происхождение. Арабское слово «Бог» звучит как Илах, а Аллах — это уникальный термин, используемый для определения Господа вселенной. Предполагается, что слово ал-Илах (Бог) встречается в некоторых раннеарабских текстах, однако нет достаточных доказательств того, что этот термин был трансформирован в имя собственное. Достоверно известно лишь то, что оно появляется в других арабских письменных работах, таких, как семь знаменитых поэм Муаллакат, объединенных в одну незадолго до рождения Мухаммада. Имя Аллах имеет непосредственную параллель с сирийским именем Алаха, из которого наиболее вероятно и произошла (в транскрипции

сирийского языка) арабская форма этого имени, изначально принадлежащего христианскому Богу. Концепция единобожия начала проникать в арабскую веру незадолго до того, как Мухаммад стал настаивать на нем. Имя было арабизировано.

В Коране для обозначения понятия «весы» существуют два слова — мизан и кистас. Оба они употребляются достаточно редко. Слово кистас используется для определения верной, точной, справедливой и беспристрастной меры, которой должен руководствоваться купец, взвешивая товар (сура 17:35). Мусульманские толкователи очень рано осознали, что это слово заимствованное и что оно не имеет арабских корней. Ученые ас-Суйути, ас-Саалиби и ас-Сиджистани полагали, что оно заимствовано из греческого языка, хотя достаточно непросто определить его непосредственное происхождение. Возможно, оно образовано от арамейского или сирийского слова, но нет никаких сомнений в том, что оно иностранного происхождения.

Слово мизан в Коране обозначает истинную меру весов. Это весы, на которые будут положены деяния людей с целью определить их окончательную судьбу в День Страшного суда. Они посланы с небес точно так же, как Коран был послан Мухаммаду:

И это — Бог, кто Книгу в истине тебе послал, и с ней — весы (для измерения добра и зла), что может вразумить тебя, что Час (Суда), возможно, близок!

(Сура 42:17)

Те, чьи весы «окажутся тяжелы», преуспели и будут отправлены в рай, но те, чьи весы «будут легки», лишатся своих душ в самых глубинах ада (сура 7:8–9). В данном случае слово мизан подлинно арабское, но концепция огромных весов Судного дня, несомненно, заимствована из иностранных источников. Старинная персидская книга, написанная на языке пехлеви, предшествовавшая Корану и известная как Рашну, учит, что Ангел правосудия и один из трех Судей мертвых держат весы, на которых взвешиваются дела людей после их смерти. Никому не будет оказано предпочтение или даровано прощение при решении их окончательной судьбы.

Похожая тема рассматривается в ранней апокрифической книге «Завет Авраама», известной Оригену, знаменитому первоотцу и теологу. Она, вероятно, была написана в Египте иудеем, обращенным в христианство спустя два века после распятия Христа. Книга эта сохранилась в двух греческих изданиях и в ранней арабской версии. Существует совершенно очевидная параллель между концепцией весов в этой книге и в Коране. Предание гласит, что Авраам видел ангела с весами в руках, по обе стороны от него стояли ангелы, которые вели запись добрых и злых дел каждого человека. Предание добавляет, что Авраам видел группу людей, чьи добрые и злые дела находились в абсолютном равновесии, и они стояли между праведниками и грешниками, не относясь ни к кому из них. И в Коране упоминается подобная группа людей, не принадлежащая ни к добродетельным людям, ни к нечестивцам. Люди эти не смогут войти в Райский сад, но их пребывание на распутье будет им гарантировано (сура 7:46). Подобная тема раскрыта и в известной египетской «Книге мертвых». По всей видимости, концепция взвешивания на весах добрых и злых деяний представителей рода человеческого для определения их судеб в День Страшного суда основана на популярной легенде, записанной в различных апокрифических и мифологических трудах задолго до возникновения Корана.

И, наконец, необходимо упомянуть распространенное в Коране слово Рабб, означающее «Господин» и используемое как безличное имя Бога. В доисламские времена на арамейском языке словом рабб называли управляющих рынками, армейских командиров и комендантов военных лагерей. Использование же его в контексте божественного было достаточно редким. Иудейских лидеров, а более конкретно — религиозных учителей, обычно называли раббис. Это были люди, имеющие большое

влияние в своих общинах. Таково обычное значение слова рабб в еврейском и арамейском языках. Однако при Мухаммаде определение «величия» стали применять к Аллаху, и тогда возникло имя Рабб ал-аламин, Господь миров (сура 1:2).

Но Мухаммад, видимо, не зная изначального и истинного значения этого слова и услышав, как иудеи чтут своих раввинов, которых Коран называл ахбарухум (их священники), обвинил их в том, что они принимают своих лидеров за арбабов (господ), что унижает достоинство Аллаха (сура 9:31). Раббис — это множественная форма слова рабб. Мухаммад, очевидно, не знал, что первоначальным значением этого слова было «великий»: великий человек среди своего народа, учитель или вождь, глава. Много позже оно стало употребляться в качестве имени Бога. Совершенно запутавшись, он решил, что иудеи обожествляли своих священников, называя их раббис.

Существует огромное количество свидетельств присутствия иностранных элементов в Коране. Это подвергает сильному сомнению утверждение, что Коран — откровение Аллаха, ниспосланное на чистом арабском языке. Можно проследить абсолютно очевидные параллели между кораническими сказаниями и иудейскими и христианскими апокрифическими источниками, что может послужить лучшим доказательством того, что большая часть текста Корана основана на легендарном и мифическом материале известных задолго до появления Корана письменных источников.

ПРЕДАНИЯ ИУДЕЙСКОГО ФОЛЬКЛОРА В КОРАНЕ

История о Каине и погребении тела Авеля

Обширная часть Корана, о которой можно сказать, что она имеет доисламское происхождение, относится непосредственно к иудейскому фольклору и иным преданиям, обыгрывающим библейские события. Коран называли «кратким руководством талмудического иудаизма» из-за объемного материала, выхваченного из Мишны и Мидраша и воспроизведенного в нем. Хорошо известно, что Мухаммад не мог ни прочитать Священной Книги иудеев, ни толком узнать их фольклор, но он слышал древнееврейские легенды, пересказываемые на рыночных площадях и в иных общественных местах и, не будучи способным отделить факты от небылиц, заносил все подряд в свою Священную Книгу. Имеющиеся в большом количестве доказательства этого опровергают притязания Корана на то, что он сплошь состоит из откровений, переданных Мухаммаду свыше, и ничего нельзя противопоставить заключению о том, что в Коране содержится самый разнообразный материал, который пророк почерпнул из бесед с иудеями, жившими в Аравии.

Кораническое описание убийства Авеля его нечестивым братом Каином — типичная смесь элементов, заимствованных из Библии, Мидраша и Мишны. История, описанная в суре 5:30–35, начинается с того, что, когда оба брата принесли свои дары Богу, жертва только одного из них была принята Им. Пока что в Книге приводится библейский пересказ события (Быт. 4:4), но далее следует описание диалога братьев (имена которых не названы), рассказывается о том, как брат, чья жертва была отвергнута, угрожал убить другого. Его же добродетельный родственник говорит о своей вере в Бога и заявляет, что он не станет предпринимать ответных действий — не будет делать попыток убить своего брата (сура 5:30–32). В этой части рассказа нет смысловой параллели с Библией, но для Корана типично описывать беседы между неверующими людьми и людьми добродетельными, особенно когда первые угрожают вторым расправой (подобный опыт приобрел и сам Мухаммад в мекканский период своей жизни). Несмотря на смиренный ответ правоверного, порочный брат убивает его. Вслед за убийством следует случай, который также не имеет никаких параллелей с библейской историей:

И вот послал Бог ворона ему, который стал рыть землю, чтоб показать ему, как скрыть всю неприглядность (трупа) его брата.

(Сура 5:31)

Подобное изложение событий имеет аналогию с древними еврейскими преданиями и мифами известного богослова рабби Элизера, содержащимися в талмудическом писании Мидраше. Они существовали за много веков до возникновения Корана. В этой книге говорится о том, как Адам и Ева плакали, когда нашли тело Авеля, и не знали, что с ним делать, поскольку погребение было им еще неизвестно. Затем прилетел ворон и принес с собой тело своего умершего товарища. У них на глазах он взрыхлил землю и похоронил его. Адам решил поступить так же и похоронил тело Авеля в земле.

Единственная разница между описанным в Мидраше и Коране заключается в том, что в первом случае тело Авеля было похоронено Адамом, во втором — Каином. Небольшие вариации в записях человека, который был не в состоянии прочитать книги, пересказывавшиеся иудейскими рассказчиками, и вынужден был пользоваться вторичными источниками, т. е. тем, что услышит и запомнит, вполне типичны и ожидаемы. То, что описано Мухаммадом в Коране, совершенно очевидно заимствовано из иудейского фольклора.

Следующий стих также не оставляет сомнений в его происхождении. Здесь был использован талмудический материал, на этот раз из Мишны. Вот он:

И потому Мы предписали детям Израиля: тот, кто убьет живую душу не за душу, и не за нечесть на земле, тот как бы всех людей погубит. А тот, кто эту душу сохранит, он как бы всех людей уберезет от смерти.

(Сура 5:32)

Похоже, этот стих не имеет никакой связи с историей, предшествовавшей ему. Совершенно непонятно, почему жизнь или смерть одного человека должна являться спасением или уничтожением всего человеческого рода. В Мишне есть интересный отрывок, определяющий источник данного отрывка и указывающий на связь между ними:

Мы нашли это высказывание в описании убийства Каином своего брата: «...голос крови брата твоего вопиет ко Мне...» (Быт. 4:10). Слово «кровь» написано во множественном числе, имеется в виду его кровь и кровь его семени. Человек был создан единственно для того, чтобы показать, что тот, кто убьет одного человека, считается убившим целый народ, а тот, кто спасет жизнь одного человека, — спасшим целый народ.

(Мишна Санхедрин, 4:5)

Этот отрывок показывает, откуда в Коране появился принцип уничтожения или спасения целого народа через пролитую кровь одного из его представителей. Так как слово «кровь» в Книге Бытия 4:10 стоит во множественном числе, то изобретательный раввин выдвинул предположение, что все отпрыски Авеля были убиты вместе с ним, тем самым доказывая, что любое убийство или спасение жизни несет на себе печать мирового масштаба. Совершенно ясно, что Мухаммад понятия не имел об источнике этой теории, но, услышав ее пересказ, просто представил предположение раввина как повеление самого Аллаха.

Авраам и уничтожение идолов

История об Аврааме и идолах — это еще один рассказ Корана, берущий свое начало из иудейского предания, основанного на интерпретации каким-либо раввином библейского текста. Коран повествует, как однажды патриарх указал своему народу на то, что он ошибается, поклоняясь идолам. Но люди не послушали его. Авраам спросил, почему же они не едят свои подношения перед идолами и не могут вразумительно ответить ему на вопросы о них (сура 37:91–92). Затем Авраам разбил всех идолов, кроме самого большого. Когда же народ призвал его к ответу за это «богохульство», он заявил, что идолов разрушил самый большой из них. После этого патриарх предложил спросить у оставшегося «в живых» идола, кто разбил остальных. Возмущенные люди ответили Аврааму, что их идолы не могут говорить. И тогда он обвинил их в поклонении бессловесным образам, которые не могут ни причинить им вред, ни сделать добро. Люди пришли в бешенство и решили бросить Авраама в пылающий огонь (сура 21:62–68). Но Аллах сказал им:

И Мы сказали: «О, огонь! Будь хладен! Стань безопасным Ибрахиму!» Тогда задумали они против него коварные уловки, — но сделали Мы их понесшими урон великий.

(Сура 21:69–70)

Авраам благополучно вышел из огня. Рассказ этот не имеет аналогии с Библией, но он удивительно точно воспроизводит историю, обнаруженную в труде Мидраш рабба, и является еще одним примером иудейского фольклора в Коране. В этой книге, опередившей Коран на много столетий, описано идентичное происшествие. Фарра, отец Авраама, был мастером по изготовлению идолов, а Аврааму было поручено присматривать за ними. Однажды к нему пришла женщина с блюдом, полным пшеничной муки, и попросила поставить его перед идолами. Авраам взял посох, разбил всех идолов, кроме самого большого, и вложил посох ему в руку. Рассерженный отец потребовал от сына ответа. И тот рассказал, что поставил перед идолами блюдо с мукой, и каждый из них стал требовать права есть первым, после чего поднялся самый большой идол, взял посох и разбил их всех. Когда же Фарра возразил, что идолы не обладают разумом, Авраам спросил своего отца: «Твои уши слышат то, что говорит твой рот?»

Не нужно обладать богатым воображением, чтобы понять, что Мухаммад позаимствовал часть Корана не из божественных откровений, а из иудейского фольклора. На примере библейского текста можно показать, откуда берет начало это предание и насколько невежественно оно воспроизведено в Коране.

Иудейский переписчик Йонатан бен Уззиэль в книге Таргум допустил ошибку, цитируя отрывок из Книги Бытия 15:7, в котором говорится: «Я Господь, что вывел тебя из Ура Халдейского». Ур — вавилонское название города, из которого вышел Авраам. Это название упоминается еще раз в Книге Бытия 11:31. Слово «Ур» используется также для названия святого израильского города Иерусалима. Изначально он назывался Ур-Шалим, Город Мира. Однако переписчик спутал это название с еврейским словом ор, означающим «огонь», и теперь стих звучал так: «Я Господь, что вывел тебя из огня Халдейского». Комментируя этот стих, он объяснил, что случай этот произошел во время жизни Нимрода, когда Авраам был брошен в печь с пылающим огнем из-за того, что отказывался поклоняться идолам, но огонь не причинил Аврааму вреда.

Маловероятно, чтобы переписчик выдумал эту историю, — скорее всего, он просто повторил предание, которое в то время было очень популярным в иудейском фольклоре. Вряд ли можно предположить, чтобы иудеи взяли описание этой истории из Торы и превратили его в фольклорную легенду. Коран, обвиняя иудеев, заявляет, что их предания

являются божественными откровениями Аллаха (сура 2:79). Но их никак нельзя обвинить в переделке своей Священной Книги в фольклор! В данном случае, как уже было сказано, происхождение этой истории восходит к неверному переводу оригинального библейского текста. В очередной раз нельзя удержаться от заключения, что Коран на своих страницах воспроизводит легенды иудейского фольклора.

Доказательством того, что Мухаммад многократно ошибался, пересказывая иудейские истории, может послужить имя, которым Коран называет отца Авраама. Его настоящее имя — Фарра, а в Коране его называют Азар. Вероятно, его перепутали с именем эл-Азар — так звали в Библии слугу Авраама. Авраам, сетуя на отсутствие собственного сына, говорит, что его наследником будет слуга Елиезер (Быт. 15:2). Все эти примеры свидетельствуют о том, что пророк ислама часто путался в информации, получаемой из вторых рук, и не мог избежать исторических и иных ошибок при создании Корана.

Другие иудейские источники Корана

В тексте Корана можно найти огромное количество других древнееврейских легенд. Приведенный ниже стих обнаруживает отчетливые параллели с древнееврейской историей:

И если б сей Коран Мы низвели на гору, склонилась бы в смиренни она, и раскололась в страхе перед Богом...

(Сура 59:21)

В книге Таргум к Книге Судей 5:5 («...горы таяли от лица Господа, даже этот Синай от лица Господа Бога Израилева») древнееврейская легенда гласит, что гора Синай унизила себя, готовясь к получению Торы, в отличие от гор Фавор, Ермон и Кармил, которые были слишком надменны для этого. Предание повествует о том, что она была лишена своего места при получении Торы.

В Коране повторяется история о Моисее, который находился на горе в течение нескольких дней, а люди, терпеливо ждущие его у подножия, выковали золотого тельца и начали поклоняться ему. Аллах сказал Моисею:

(Господь) сказал: «В отшествие твое Мы испытали твой народ, и Самири их сбил с пути».

(Сура 20:85)

В следующих стихах говорится, что ас-Самири вытащил образ тельца из огня, когда поклонявшимся ему людям показалось, что он мычит, как живой. В том же самом упоминавшемся ранее источнике, Мидраше рабби Элиэзера, говорится, что израильтяне увидели мычавшего теленка. Рабби Иегуда утверждал, что, следуя преданию, Самаэль, иудейский Ангел смерти, вошел в теленка и мычал, дабы ввести людей в заблуждение. Совершенно очевидно, что история, изложенная в Коране, была основана на иудейской легенде. Но следует задать вопрос, почему же в Коране не упоминается Ангел смерти, а одного из людей называют ас-Самири, ведь использование артикля абсолютно ясно показывает, что это не собственное имя человека. Большинство мусульманских толкователей Корана переводили это слово как «самаритянин» и, как будет видно далее, они невольно оказались правы. Проблема заключается в том, что самаритяне выделились в самостоятельный народ спустя некоторое время после исхода евреев, когда и произошел случай с золотым тельцом.

Не вызывает сомнения факт, что путаница берет свое начало в те времена, когда Иеровоам увел некоторые израильские племена от поклонения истинному Богу Израиля в Иерусалиме, после того как Ровоам сменил Соломона. Иеровоам воздвиг двух золотых тельцов в Самарии — в Дане и Вефиле — для поклонения им в противоположность храмопоклонению в Иудее. Позже Бог высказался против этой практики через одного из своих пророков:

Оставил тебя телец твой, Самария! воспылал гнев Мой на них; доколе не могут они очиститься? Ибо и он — дело Израиля: художник сделал его, и потому он не бог; в куски обратится телец Самарийский!

(Ос. 8:5–6)

Вполне вероятно, что иудеи, которые во всех своих проблемах винили самаритян, преднамеренно спутали этот отрывок с историей о золотом тельце в пустыне и обвинили их в этом грехе. Или же Мухаммад слышал историю о золотых тельцах Самарии от иудеев, живших в Аравии, и спутал ее с историей о золотом тельце в пустыне, которого уничтожил Моисей. Он также мог спутать имя Ангела смерти Самаэля с ас-Самири, которым он назвал в Коране кузнеца, выковавшего идола. Он также не имел представления о том, что самаритяне стали самостоятельным народом лишь спустя много столетий после исхода евреев.

Еще одна хронологическая ошибка: Коран ссылается на Амана как на одного из начальников фараона, жившего во времена египетского рабства. На самом деле Аман жил несколькими столетиями позже и, будучи первым министром Артаксеркса, царя Персии, стремился уничтожить евреев (Есф. 3:1).

История о посещении царицей Савской Соломона преподнесена в Коране совершенно иначе, чем об этом говорит Библия. В Коране написано, что Соломон пригрозил жестоко наказать удода, не обнаружив его среди других своих птиц. Но удода, вернувшись к Соломону, объяснил ему свое отсутствие тем, что был вдалеке. Там он видел женщину, которая правит царством Сава: она восседает на великолепном троне, но поклоняется солнцу. Соломон послал к ней птицу с письмом. Прочитав письмо, царица приняла решение отправить Соломону подарок, а затем и посетить его (сура 27:20–42). Аналогичная история описана во Втором Таргуме к Книге Есфирь, в легендарной талмудической литературе. Единственное отличие заключается в том, что вместо коранического удода роль посланника исполнял петух. Наиболее существенным представляется то, что, несмотря на внушительных размеров предание, в Коране пропущена главная цель изложения этой истории:

...она приходила от пределов земли послушать мудрости Соломоновой...

(Лк. 11:31)

Приведенные выше свидетельства не оставляют сомнения в том, что Коран не может рассматриваться как божественное откровение, посланное Мухаммаду, — в нем слишком много заимствований из местного иудейского фольклора. Впрочем, этого стоило ожидать, если принять во внимание, что Мухаммад черпал материал для Книги из бесед и рассказов людей, окружавших его.

ХРИСТИАНСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КОРАН

Предание о Марии — матери Иисуса

Одна из уникальных особенностей Корана состоит в том, что он уделяет особое внимание Марии, матери Иисуса, которую мусульмане именуют Марйам. Девятнадцатая сура названа в ее честь. Марйам — единственная женщина в Коране, названная по имени. Она, как явствует из текста, была выбрана Аллахом, очищена и превознесена над всеми женщинами человечества (сура 3:42). В данном случае происходит то же самое, что и со многими иудейскими преданиями, внедренными в текст Корана, а именно: библейские истины смешиваются с апокрифическим христианским материалом и находят свое слабое отражение в Коране. Здесь мы вновь сталкиваемся с путаницей, внесенной Мухаммадом в повествование о жизни Марии и ее исторической роли, а также с вопиющими хронологическими ошибками.

В Библии нет ни слова о рождении Марии, Коран же приводит краткое описание этого события. Здесь есть и молитва, с которой мать Марии обратилась к Богу незадолго до ее рождения. Приведенный ниже стих описывает это событие:

И вспомните, когда жена Имрана к Богу обратилась: «О Господи! Тебе обетовала я, что у меня во чреве, — освобожденное (от дел мирских, лишь в услужение тебе), прими же от меня (обет мой), — ведь Ты все слышишь и все знаешь!»

(Сура 3:35)

Следующий стих повествует о том, как она была удивлена, разрешившись от бремени дочерью, и, назвав дочь Марией (Марйам), поблагодарила Бога за Его защиту. Мария была поручена заботам священника Захарии, и всякий раз, когда он входил в ее михраб (нишу в мечети, ориентированную на Мекку), он находил рядом с ней множество пищи. Захария спрашивал, откуда появлялась эта пища, и неизменно слышал в ответ: Аллах снабжает всем необходимым для жизни того, кого пожелает (сура 3:37). В случае с Марией нишей могла быть маленькая комнатка, которая находилась в самом центре иудейского храма (так, михраб в мечети испанского города Кордова сделан в форме маленькой комнатки). Как говорит Коран, Захария был единственным человеком, который мог войти к Марии.

Хотя мать Марии не упоминают по имени, в мусульманских комментариях ее называют Анной. Дело в том, что история, описанная в Коране, имеет параллель с «Протоевангелием Иакова Меньшего», апокрифическим христианским трудом, сочиненным некоторое время спустя после появления Нового Завета. В этой книге говорится о том, что Анна молилась Богу, обещая посвятить ему своего ребенка, неважно — мальчика или девочку, дабы он служил Господу всю свою жизнь. Когда родилась девочка, ее назвали Марией и оставили в храме. Пищу ей приносил ангел. Невозможно не обратить внимания на схожесть этой истории с кораническим преданием, происхождение которого теперь становится очевидным.

Историю о Марии находили и в других еретических трудах, таких как коптское «Сказание о Девственнице». В соответствии с ним Марию кормили в храме, как обычно кормят голубей, и пищу ей приносили ангелы. Она никогда не оставляла храма, а ангелы приносили ей плоды небесного Древа Жизни.

В коранической истории Марии очень много разного рода неточностей, что требует дальнейших исследований. Для начала следует заметить, что Марию спутали с пророком Илией, который затворился в одиночестве, и вороны приносили ему хлеб и мясо (1 Цар. 17:6). Тем не менее именно имя матери Марии Анны указывает на то, откуда первые

составители этой истории взяли исходный материал. Много веков назад Анна действительно молила Бога о ребенке, обещая посвятить его Богу (1 Цар. 1:11). Она была матерью Самуила, который после своего рождения был вверен Богу в служители (1 Цар. 1:28), и именно Самуил помазал царя Давида на царствование в Израиле. Понятно, откуда в Коране появилась эта история, но вот как возникли хронологические ошибки? Ответ можно найти в другом отрывке:

Тут была также Анна пророчица, дочь Фануилова, от колена Асирова, достигшая глубокой старости, прожив с мужем от детства своего семь лет, вдова лет восьмидесяти четырех, которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь.

(Лк. 2:36–37)

Теперь ясно и то, откуда взялась хронологическая ошибка. На сцене вновь появляется женщина с еврейским именем Анна, но это уже именно та женщина, которая не покидала храма, пребывая в молитве и посте день и ночь. Марию, очевидно, спутали не только с Илией и Анной, матерью Самуила, но также и с Анной пророчицей. Далее прослеживается еще одна аналогия — между восхвалениями Анны и Марии после того, как они были осчастливлены зачатием своих сыновей силой Бога. Оба восхваления начинаются выражениями прославления в адрес Бога, который низложил сильных с престола и вознес смиренных, алчущих исполнил благ, а богатающихся отпустил ни с чем (1 Цар. 2:1–5; Лк. 1:46–53). Проницательный читатель немедленно поймет, что Анна была моделью Марии, точно так же, как ее сын Самуил был моделью Иисуса Христа, сына Марии.

Однако некоторые менее внимательные умы перепутали две истории и соединили их в одну, смешав двух Анн из Ветхого и Нового Завета, добавив хронологическую ошибку из жизни Илии, тем самым создав удивительную историю исключительно апокрифического характера. Но самое интересное заключается в том, что ее основные положения нашли пристанище в Коране с претензией на истинность. Нет никаких сомнений в том, что Мухаммад зависел от легенд прошлого и не мог отличить библейскую истину от апокрифических мифов.

В Коране существует еще один хронологический ляпсус в истории с Марией. Ее спутали с Мириам, сестрой Моисея и Аарона! В суре, названной в ее честь, говорится, что когда Мария родила своего сына Иисуса вне законного брака, соседи сказали ей:

«...О Марйам! Ты сделала неслыханное дело. О сестра Харуна! Ни твой отец порочным не был, ни твоя мать блудницей не была».

(Сура 19:27–28)

В этом стихе ее называют ухту Харун (сестра Аарона). Моисей, который также является его братом, подтверждает свое родство с ним, называя Аарона Харун ахи (Харун, брат мой) (сура 20:30). Более того, Аарон — единственный Аарон, которого упоминает Коран, поэтому его личность как брата Моисея очевидна. Ошибка Мухаммада не имеет никакого отношения к апокрифическим письменам, как это было с Анной и Самуилом. На этот раз он сам все напутал. Интересно заметить, что Мириам, настоящую сестру Аарона и Моисея, в Библии действительно называют «сестрой Аарона» (Исх. 15:20). Имена этих двух женщин на еврейском языке звучат одинаково: Мириам (в арабском — Марйам).

При жизни Мухаммада некоторые христиане упрекали его за эту ошибку:

Мугира б. Шуба рассказывал: «Когда я прибыл в Наджран, они (христиане Наджрана) спрашивали меня: „Ты читал в Коране: ‘О, сестра Харуна (т. е. Хадрат Марйам)’ , тогда как Моисей родился задолго до Иисуса“. Когда я вернулся к посланнику Аллаха (да пребудет он с миром), я спросил его об этом, и он ответил: „Люди (в старину) обычно давали имена (своим детям) в честь апостолов и благочестивых людей, которые жили до них“».

(Ас-Сахих Муслима, том 3, с. 1169)

При всем уважении к пророку ислама вряд ли можно принять его объяснения. В Коране больше нет ни одного примера, чтобы кто-то еще носил такое же имя. В любом случае, слово ухтун, несколько раз встречающееся в Коране, использовалось всегда, когда речь шла о кровной сестре какого-либо человека (суры 4:12, 23, 176). Мусульманские толкователи в стремлении оправдать объяснения Мухаммада говорят, что выражение это означает «тот, кто связан родством с Аароном», но даже если это так, в их аргументах отсутствует смысл. Моисей и Аарон произошли от Левия (священнический род), Мария произошла от Иуды по линии Давида (Лк. 1:32). Следовательно, она вообще не имела родственных связей с Аароном, она даже не относилась к его роду. Интересно отметить, что в Библии прямо говорится, что Иисус (а следовательно, и его мать Мария) не относился к роду Левия. В Послании к Евреям сказано, что Иисус стал предвечным священником по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона, поскольку он принадлежал к иному колену, колену Иуды. Его священство было «не по закону заповеди плотской» (Евр. 7:11–16), поэтому родство с Моисеем и Аароном, придуманное для Марии, совершенно необоснованно.

То, что Мухаммад отождествил Марию с сестрой Аарона, явствует из имени, которым он назвал отца Марии. В Библии говорится, что Иохаведа «родила Аарона, Моисея и Мириам, сестру их» (Числ. 26:59). Отца матери Иисуса в Коране называют Имран, арабская форма Амрама (так же, как арабская форма имени Авраам — Ибрагим). Марию называют Марйамубнату Имран, что значит «Марйам, дочь Имрана» (сура 66:12). Итак, ее называют не только сестрой Аарона, но и дочерью Имрана. Это еще раз доказывает, что ее перепутали с Мириам, истинной сестрой Моисея и Аарона. Нет достаточных объяснений причины, по которой ее так называли, и процитированный отрывок из Послания к Евреям показывает, что это едва ли уместно.

Другие апокрифические христианские источники

В Коране также можно найти иные легенды и предания из еретических христианских письменных источников. В суре 18:9–26 рассказана странная история о нескольких юношах, истинно веровавших в Бога, скрывшихся от преследований в пещере, в которой они проспали несколько лет. Их называют асхабулкахфами (обитателями пещеры) (сура 18:9). В предании говорится, что после пробуждения они были чрезвычайно удивлены тем, что спали так долго. История эта имеет много параллелей с апокрифическими христианскими письменными источниками типа Acta Sanctorum. Он был составлен сирийским писателем Иаковом Саругским незадолго до его смерти в 521 году от Р. Х. Итак, самые ранние записи этой истории датируются не ранее чем четвертым столетием от Рождества Христова. О ней повествовали Теодосий и Дионисий из Тель Мара в сирийской работе пятого столетия. В народе она стала известна как история о «семи спящих», поскольку авторы настаивали, что их было семеро.

В предании говорится, что пещера эта находилась в окрестностях города Эфеса, а спящими юношами были семеро христиан, спасающихся от преследований в период царствования императора Деция, умершего в 251 году от Р. Х. После того как они

спрятались в пещере, она была опечатана, но в период царствования Теодосия Второго, приблизительно двести лет спустя, пещера была открыта, и один из беглецов проснулся и вышел в город, поражаясь великому торжеству христианства. Затем юноши рассказали императору, как Бог сохранил им жизнь. После этого они умерли. Источник происхождения истории неизвестен, но если она была создана как легенда, основанная на библейском материале, то происходить она могла только от Евангелия от Матфея 27:52–53.

Присутствие этого сюжета в Коране еще раз доказывает, что большинство учений Книги основано на мифическом материале. Это заключение подтверждается недостатком подробностей в кораническом изложении. Коран не говорит о том, где и когда происходили события, как и то, были ли юноши христианами. Мухаммад не знал, сколько юношей пряталось в пещере. Коран говорит, что, по утверждению некоторых, их было трое, других — пятеро, третьих — семеро, но сам он не делает никаких заключений по этому поводу (сура 18:22). Мухаммад не имел представления и о том, как долго они спали, — он считал, что это длилось триста лет и еще девять (сура 18:25). Эта неясность оборачивается против утверждения, что Коран был передан ал-Алимом, Всезнающим Господом, а подобные погрешности свидетельствуют, что, скорее, то была просто версия Мухаммада, особенно если принять во внимание тот факт, сколь ограниченными знаниями он обладал.

Существует еще одна легенда, происхождение которой тоже неясно. Последователи Иисуса, повествует Коран, сказали ему:

«О Иса, сын Марьям! Сумеет ли твой Бог с небес нам трапезу свести?»
(Сура 5:112)

После того как Иисус помолился о свершении этого чуда, гласит легенда, Аллах послал таблички с ужасными предупреждениями всем неверующим об их дальнейшей судьбе. Интерес вызывает факт, что слово, которым в Коране назван стол (маида), происходит от подобного эфиопского слова, используемого абиссинскими христианами для определения скрижалей Господних, главной святыни христианской церкви. Вероятно, этот сюжет берет свое начало в искаженном варианте истории о Тайной вечере, а просьбы о ниспослании с неба накрытого стола, наиболее вероятно, проистекают из просьб Израиля во время Исхода:

И говорили против Бога, и сказали: «может ли Бог приготовить трапезу в пустыне?»
(Пс. 77:19)

Точно так же, как образ Марии, матери Иисуса, был перепутан с образом Мириам, сестры Моисея, так и Иисус в этой легенде отождествлен с Моисеем, к которому изначально были обращены эти слова.

Мухаммад заимствовал огромную часть Корана из апокрифических христианских источников, несмотря на то, что они по природе своей вторичны и недостоверны. С самого начала своей миссии он беседовал с христианами. Так, у его первой жены Хадиджы был двоюродный брат христианин. Ниже приведен отрывок о нем:

Варака был обращен в христианство еще в доисламский период и привык писать на арабском языке, причем писать Евангелие на арабском языке так, как Аллах хотел, чтобы он писал.

(Ас-Сахих ал-Бухари, том 6, с. 452)

Вероятно, большая часть того, что написано Варакой, не являлась Новым Заветом — скорее, это были мистические работы, сохранившиеся в апокрифических христианских источниках, переходивших из рук в руки на территории Аравии. Мухаммад слишком часто использовал материал, идентичный этим рукописям. Большое количество совпадений в коранических писаниях и христианских апокрифах показывает, что Коран не являлся произведением всеведущего Бога, а, скорее, был творчеством человека с ограниченными источниками информации.

ЗОРОАСТРИЙСКИЕ И БУДДИЙСКИЕ ИСТОЧНИКИ В КОРАНЕ

Концепции, относящиеся к зороастрийской Авесте

Известно, что Мухаммад тесно общался со многими персами. Одним из них был обращенный им Салман, который пришел из деревни, расположенной в районе города Исфохана. Неудивительно, что большое количество коранических концепций совпадает с зороастрийскими концепциями, в частности с идеями Авесты, великолепным собранием древних легенд и практических знаний. Зороастризм был доминирующей религией Персии до завоевания страны мусульманами. Он и поныне бытует в отдаленных областях Ирана.

Девяносто девять имен Аллаха в исламе, большинство из которых запечатлено в Коране, очень похожи на имена (их семьдесят пять) Ахуры Мазды, вседержителя из Авесты (в разделе «Ормузд Йашт»). Например, как Аллаха, так и Ахуру Мазду в Коране и Авесте соответственно называют «Видящий» (Ал-Басир (сура 22:75), Ормузд Йашт 8, 12); Мудрый (Ал-Хаким (сура 4:158), Ормузд Йашт 15); Знающий (Ал-Алим (сура 15:25), Ормузд Йашт 12); Сильный (Ал-Кави (сура 22:40), Ормузд Йашт 7); Создатель (Ал-Халик (сура 6:102), Ормузд Йашт 8, 13); Достойный похвалы (Ал-Хамид (сура 34:6), Ормузд Йашт 12); Считающий (Ал-Хасиб (сура 5:5), Ормузд Йашт 8). Это только часть похожих титулов, найденных в обеих книгах, которые, судя по всему, перекочевали из Авесты в Коран.

Бисмиллахи — традиционная формула, с которой начинается каждая сура Корана (кроме девятой), — также имеет параллель с зороастрийским письменным источником «Дасатир и Асмани», насчитывающим пятнадцать трактатов. Во втором стихе каждого из них содержится эта формула: «Во имя Бога, Дающего, Прощающего, Милосердного, Справедливого». Подобное ей мы встречаем в разделе «Бундахишни»: «Во имя Ормузда, Создателя».

Слово сират встречается в Коране сорок пять раз и означает «путь» Аллаха. Оно часто связано со словом мустахим, означающим «верный путь» (сура 1:6). Слово сират не арабского происхождения. Мусульманские ученые, такие как ас-Суйути, полагают, что оно пришло из Греции и берет свое начало от латинского *sirata*. Оно может с таким же успехом иметь персидское происхождение от слова *чинват*, что значит «мост». Вероятность персидского происхождения увеличивается, если вспомнить популярное исламское предание, корни которого лежат в зороастрийских учениях. В хадисах описана легендарная история о Мосте (ас-Сират), который будет переброшен над пучинами ада в День Страшного суда и по которому должны будут пройти все люди без исключения. Только правочерные благополучно выдержат это испытание, а все неверующие упадут с моста в ад. Вот что об этом мосте гласит предание:

«И Мост будет проложен через (адский) Огонь». Посланник Аллаха (да пребудет покой Аллаха на нем) добавил: «Я первым пройду по этому Мосту. И зывания пророков в

этот День будут такими: Аллахумма Саллим, Саллим (О, Аллах, спаси нас, спаси нас!), а над Мостом будут шипы, похожие на шипы ас-саадана (колючего дерева)».
(Ас-Сахих ал-Бухари, том 8, с. 375)

Идея заимствована из веры в Чинват, огромный мост, по которому в конечном итоге придется пройти всем умершим. В Авесте он именуется Чинватоперетус («Мост того, кто подсчитывает (благодетельные и нечестивые поступки)»). В ней говорится, что он тянется от горы Албурз до Чакат Дейти над бездной ада. Добродетельные люди войдут по нему в рай, а нечестивцы упадут с него в ад.

В древней книге Динкарт рассказывается о молитве добродетельного человека, который просит Бога: «...Чтобы я не столкнулся с жестокими наказаниями ада, а мог пройти по мосту Чинват и достичь благословенного обиталища, наполненного благоуханием, радостью и всегда сверкающего» (ч. 2, гл. 81). В Авесте Ормузд обещает благочестивым мужчинам и женщинам: «Со благословением я проведу вас по мосту Чинват» (Авеста Ясна, 46:10). В древних персидских рукописях можно найти множество иных ссылок на мост, и именно отсюда происходит мусульманская концепция моста ас-Сират.

Еще одна кораническая концепция, имеющая поразительное сходство с идеей зороастрийских источников, относится к красивым большеглазым гуриям, или райским девам, которые будут улаживать правоверных на небесах:

И будут возлежать они на ложах, что стоят рядами. И им в напарницы дадим мы большеоких, лучезарных.

(Сура 52:20)

Кораническое описание рая местами очень похоже на многочисленные описания арабского гарема, где содержится большое число красивых темноглазых наложниц шейха, в чьи обязанности входит доставлять удовольствие шейху в любое время, когда бы он ни пожелал. Однако нет никаких сомнений в том, что эта идея берет начало в зороастрийских источниках. Интересно, что арабское слово хурун («черноглазые»), вероятно, происходит от древнеиранского слова хуруст, т. е. «красивый», используемого в литературе на языке пехлеви для описания красивых девиц, обитающих в раю (Арта Вираф, 4:18). В одной из книг это слово употребляется для описания изящных небесных дев, белоруких, с удивительными лицами и прекрасной формой груди (Хадост Наск, 2:23). Как верили зороастрийцы, эти девы представляли собой женских духов, живущих в воздухе и связанных со звездами и небесным светом.

Итак, мы видим, что большая часть Корана берет свое начало не только из иудейского фольклора и христианской апокрифической литературы, но также из многих зороастрийских легенд.

Буддийское происхождение некоторых коранических текстов об Иисусе

В Коране есть два отрывка, рассказывающих нечто конкретное об Иисусе. Они не имеют параллелей с Библией и происходят из буддийских источников. Первый из них повествует о рождении Иисуса. В Коране это событие описывается так:

И понесла она его, и сделалась беременной дитятей, и удалилась с ним в далекие места. А муки (при рождении дитя) ее к стволу (тенистой) пальмы привели, и молвила она: «О лучше б умереть мне раньше, — забытой и забвенной стать до этого всего!» И тут под нею раздался возглас: «Не скорби! Господь твой под тобой провел ручей. И

потряси ствол пальмы над собой, она к тебе уронит спелые и свежие плоды, — ешь, пей и прохлады глаза...»

(Сура 19:22–26)

В двенадцатой главе «Истории родов Марии», еще одной христианской апокрифической книги, можно прочитать легенду, очень похожую на это кораническое предание, за исключением того, что описываемые в апокрифе события происходили во время бегства Марии и Иосифа в Египет вместе с младенцем Иисусом. Мария была очень утомлена путешествием и предложила остановиться на некоторое время под пальмой. Увидев, что пальма увешана спелыми плодами, она сказала Иосифу, что поела бы немного, но он ответил ей, что они висят слишком высоко и их невозможно достать. Неожиданно младенец Иисус попросил пальму опустить свои ветви пониже, дабы Мария могла немного поесть ее плодов. Пальма немедленно склонила свою крону к ногам Марии, и та с радостью подкрепилась плодами. Затем Иисус приказал пальме приподнять корни и открыть ручей, скрытый под землей, чтобы беглецы могли утолить мучившую их жажду. И тут же корни пальмы приподнялись, и струи прохладной воды потекли из-под них. Путники возблагодарили Бога и тронулись дальше.

Необходимо немного вернуться назад, чтобы найти истоки этого предания, поскольку оно не имеет библейского аналога.

В буддийском каноне Пали существуют две истории, удивительным образом напоминающие предание о рождении Иисуса, описанное в Коране. Достоверно известно, что буддийские монахи приходили в Персию и на территорию, которая ныне зовется Афганистан (там до сих пор находят полуразрушенные статуи Будды*), поэтому не составляет труда объяснить проникновение этой истории в христианские апокрифические рукописи.

Впервые эта история всплывает в Ниданакатха Джатака (гл. 1, с. 50–53). Именно здесь говорится о том, что когда Майя, мать Гаутамы Будды, узнала о времени своих родов, которые были уже близки, она испросила у мужа разрешения поехать в дом своего отца. По дороге она вместе со своими служанками свернула в красивый лес. Там она увидела цветущее дерево и захотела сорвать с него несколько цветков. Неожиданно дерево склонилось к ней, цветы приблизились к ее рукам. В данном случае связь с кораническим преданием подтверждается тем, что, в отличие от библейского повествования о рождении ребенка по дороге в Египет, рождение Будды произошло под деревом. Хотя в Коране говорится о рождении Иисуса, а не Будды, тем не менее совершенно ясно, что в нем отождествлены эти две истории. В повествование о рождении Иисуса Мухаммад включил пальмовое дерево и ручей, который, по требованию Иисуса, забил из-под его корней, дабы облегчить страдания Богородицы.

Вторая история найдена в Карийя-Питака (гл. 1, поэма 9). В ней рассказывается, что в прошлой жизни Гаутама Будда был принцем, которого звали Вессантаро. Находясь в изгнании, он думал о том, где бы раздобыть пропитание для голодных детей, сопровождавших его. Как и в предыдущей истории, на помощь ему приходят деревья, которые склонились и предложили Вессантаро свои плоды. Вывод здесь таков: кораническое предание является смесью этих двух письменных источников древности.

В продолжение истории о рождении Иисуса в Коране появляется второй отрывок, также основанный на христианской апокрифической рукописи, которая, в свою очередь, берет свое начало в буддийских источниках.

Когда окружающие Марию люди выразили свое изумление по поводу того, что она родила ребенка, будучи незамужней, в ответ она указала на новорожденного Иисуса, лежащего в колыбели. Собеседники Марии спросили, как же они смогут говорить с тем, кто только-только родился, на что она заявила, чем вызвала немалое изумление, что он —

слуга Аллаха, призванный стать пророком, на которого налагаются молитвы и милосердие и который будет добр к своей матери (сура 19:29–32). В этом рассказе повторен случай, когда Иисус заговорил в колыбели, и Аллах сказал:

О Иса, сын Марйам! Ты вспомни о Моем благоволенье к тебе и к матери твоей, когда Я Духом укрепил тебя Святым, чтоб и младенцем в колыбели, и зрелым мужем ты к людям с речью обращался.

(Сура 5:110)

Непосредственный источник этой истории — «Арабское Евангелие детства», типичное христианское апокрифическое писание, известное только по арабскому тексту и имеющее, вероятно, коптское происхождение. В самом начале книги рассказывается, что Иисус говорил в колыбели о том, что Он — Сын Бога, которого Отец послал для спасения человечества. Хорошо известно, что Мухаммад получил в подарок от правителя Египта двух девочек, одна из которых, Мириам, стала ему ближайшим соратником, а впоследствии одной из его жен. Она родила ему сына Ибрагима, который умер в младенчестве. Эта связь с Египтом позволила Мухаммаду получить доступ к христианскому апокрифическому материалу.

Однако первичным источником этой истории является очень похожее предание о Будде, рассказанное в Будда Карита (кн. 1, отр. 34), а также Лалита Вистара. В предании говорится о том, что Будда сразу же после рождения сделал по семь шагов в направлении четырех сторон света и в конце каждого седьмого шага из-под его ступни распускался цветок лотоса. Глядя на каждый лотос, он восклицал: «Я главный во всем мире». В другой рукописи, китайского происхождения и написанной на санскрите, рассказывается подобная история о том, как немедленно после рождения Будда начал говорить. Предание гласит, что он, достигший последней ступени перевоплощений, был рожден в последний раз, дабы спасти человечество.

Существует огромное количество доказательств, что Священная Книга мусульман была основана на различных легендарных и мифических источниках, и этот факт серьезно подрывает претензию Корана на то, что он является откровением Бога, Его последним Словом, посланным всему человечеству.

Глава пятая **СОСТАВЛЕНИЕ ТЕКСТА КОРАНА** **Первоначальный вид Корана**

Первое собрание частей Корана под руководством Абу Бакра

Большинство книг пишется в полном, законченном виде от «корки до корки», с предисловием и заключением. Такие книги, как правило, хорошо планируются до начала работы над текстом. Коран же при жизни Мухаммада никогда не составлялся в книгу.

Пока был жив пророк, всегда существовала возможность получения нового откровения. Действительно, было бы неправильным, если бы кто-нибудь из его последователей попытался систематизировать незавершенный текст в единое целое. Более того, незадолго до кончины Мухаммада частота передачи ему новых отрывков значительно возросла, а следовательно, все попытки собрать текст воедино потерпели бы фиаско:

Аллах непрерывно и обильно посылал божественные откровения своему посланнику в период, предшествовавший его смерти, до тех пор, пока Он не взял его к Себе. Это было время огромного количества откровений, и посланник Аллаха умер после этого.

(Ас-Сахих ал-Бухари, том 6, с. 474)

В течение всей жизни Мухаммада Коран передавался ему порциями, и хотя окончательная форма Книги была определена еще до смерти пророка, никто не обладал единым собранием сур или их отрывков. Главным способом сохранить содержание Корана было заучивание его наизусть. Части Книги фиксировались на различных материалах: на кусках дерева, пальмовых листьях, плоских камнях и т. д.

Один из ведущих мусульманских толкователей Корана совершенно определенно заявлял, что текст Книги был полностью записан и сохранен, но только не скомплектован при жизни пророка (Ас-Суйути, Ал-Иткан, с. 96). Однако когда главный получатель божественного откровения скончался, стало совершенно необходимо собрать разрозненные записи в единый текст.

Исламское предание гласит, что при жизни Мухаммада весь текст Корана знали четыре человека, одним из которых был Зайд ибн Сабит (Ас-Сахих ал-Бухари, том 5, с. 97). Ему-то и пришлось заниматься составлением кодекса — старинной рукописи Священного Писания — в единый текст.

Вскоре после смерти пророка большое количество племен на территории Аравийского полуострова, недавно обращенных в ислам, опять вернулось к традиционному арабскому идолопоклонству и восстало против мусульманского правления. Преемник Мухаммада Абу Бакр снарядил армию для их усмирения, племена отчаянно сражались с мусульманскими силами, и в битве при Йамаме большинство соратников Мухаммада, слышавших Коран непосредственно от своего пророка, погибло. Другие последователи пророка, знавшие многие откровения наизусть, со временем стали стареть и умирать, а с ними безвозвратно уходили толкования Священной Книги:

Многие соратники посланника Аллаха имели свои толкования Корана, но они умерли, и их толкования исчезли вместе с ними.

(Ибн Аби Дауд, Китаб ал-Масахиф, с. 83)

Абу Бакр понимал, что со смертью лучших толкователей Корана его текст может быть безвозвратно утерян. Он сказал своему молодому ученику Зайду, которого хорошо знали как человека, удостоенного чести записывать отдельные отрывки Корана, о том, что наделяет его полномочиями разыскать все отрывки и собрать их в единый текст Священного Писания. Вначале Зайда испугала такая перспектива и он написал следующее:

Во имя Аллаха! Если бы они приказали мне сдвинуть с места гору, мне было бы легче сделать это, чем выполнить их приказ собрать воедино весь Коран. И я сказал Абу Бакру: «Как ты можешь сделать то, что посланник Аллаха сделать не смог?» Абу Бакр ответил: «Во имя Аллаха! Это хорошее дело».

(Ас-Сахих ал-Бухари, том 6, с. 477)

Второй халиф Умар настойчиво напоминал Зайду о срочности задачи и настоятельно просил его, не откладывая, приняться за ее выполнение. В конце концов он убедил Зайда начать работу. Это было исключительное по сложности и ответственности дело, поскольку весь Коран был рассеян среди многочисленных последователей Мухаммада, да и первоначальные сомнения Зайда указывают на трудоемкость задуманного. Он не верил, что либо он сам, либо кто-то еще из соратников пророка, хорошо знавших текст, смогут

просто собраться с мыслями и записать его по памяти. И все же Зайд предпринял тщательные поиски текста и описал ход и итог своих разысканий следующим образом:

Итак, я начал поиски Корана и его комплектацию (того, что было написано) из пальмовых листьев, плоских белых камней, а также сообщений людей, знавших его наизусть, до тех пор, пока не нашел последний стих Сураат ат-Тауба («Покаяние») у Аби Хузаймы ал-Ансари, и я не смог найти этот стих больше ни у кого, кроме него.

(Ас-Сахих ал-Бухари, том 6, с. 478)

Два источника информации, представляющих первостепенное значение, позже были определены как ар-рикаа (пергаменты) и судур ар-риджал (души людей). Это были не только тексты, продиктованные теми, кто помнил Коран, но и материал, на котором они были записаны и который Зайд смог найти (Ас-Суйути, Ал-Иткан, с. 137).

Надо сказать, что Зайд не был единственным последователем пророка, который начал систематизировать Коран в единую книгу (мусхаф), и, вероятно, он не был единственным, кто достиг цели в этом начинании. Приведенный ниже отрывок предания гласит, что существовал еще один человек из ранних чтецов (курра), который первым собрал и записал отрывки Корана:

Записано... со слов Ибн Бурайды, который говорил: «Первым из тех, кто собрал Коран в мусхаф (кодекс), был Салим, освобожденный раб Абу Хузайфы».

(Ас-Суйути, Ал-Иткан, с. 135)

Упомянутый Салим был одним из четырех человек, рекомендованных Мухаммадом в качестве лучших чтецов Корана, у которых следовало изучать его содержание (Ас-Сахих ал-Бухари, том 5, с. 96), и он был одним из курра, убитых в битве при Йамаме. Но ведь Зайд начал свои поиски по составлению Корана в единое целое только после вышеупомянутой битвы, а это значит, что собранный Салимом и записанный им текст Корана должен был предшествовать поискам Зайда. Следовательно, первая версия Корана уже существовала. Но, несмотря на это обстоятельство, в исламском мире все внимание уделяется именно кодексу Зайда — не только потому, что заниматься поисками и составлением Корана его призвал сам халиф, но и в силу иных причин, которые скоро станут ясными.

Перспективы составления Корана Зайдом

Мусульмане верят, что Коран в том виде, в котором он существует сегодня, является точной и оригинальной записью, что в его тексте не пропущено, не утеряно, не изменено и не заменено ни единой буквы. Эта уверенность относительно точности Книги, которая была составлена по частям из различных источников, рассеянных среди многочисленных последователей Мухаммада, довольно сомнительна. Более того, как показывают дальнейшие исследования, некоторые отрывки были утеряны, некоторые — отменены, а некоторые, систематизированные приблизительно в то же время, когда этим занимался Зайд, имели различные толкования, весьма сильно отличающиеся друг от друга. Однако необходимо сказать, что окончательный вариант, предложенный Зайдом, был результатом попытки честного человека собрать воедино Коран, насколько это было возможно. Поэтому нет никаких оснований подозревать его в отклонении от «оригинала».

Уже в тот период существовали свидетельства, что часть текста Корана была безнадежно утеряна вследствие гибели при Йамаме многих курра, которые держали в памяти большие фрагменты текста:

Многие (отрывки) Корана, ниспосланные свыше, были известны тем, кто умер в день Йамама... но они были неизвестны (тем, кто) выжил, они не были записаны, и ни Абу Бакр, ни Умар, ни Усман (в то время) не имели собранного воедино Корана, и он не был обнаружен ни единым (человеком) после них.

(Ибн Аби Дауд, Китаб ал-Масахиф, с. 23)

Вряд ли можно недооценить негативные последствия этой потери: лам йуалам — «не известны», лам йуктаб — «не записаны», лам йуджат — «не найдены» — таково тройное ударение на факте исчезновения частей Корана, которые канули в небытие вместе с погибшими курра.

В мусульманском предании существуют свидетельства того, что даже сам Мухаммад временами забывал некоторые части Корана. Один из известных хадисов приводит такой случай:

Айша говорила: «Некто встал (для молитвы) ночью, он читал Коран и, читая, возвысил голос. Когда пришло утро, посланник Аллаха сказал: „Да будет Аллах милосердным к такому-то! Прошлой ночью он напомнил мне некоторые стихи, о которых я забыл“».

(Китаб ас-сунан Абу Дауда, том 3, с. 1114)

Нет никаких свидетельств о том, что Зайд скомплектовал официальный, или стандартизованный, кодекс Корана, несмотря на то, что санкционировавший эту деятельность Абу Бакр был непосредственным преемником Мухаммада и после его смерти встал во главе мусульманской общины. Несомненно лишь то, что Зайд являлся первым владельцем полного письменного текста, который ему удалось собрать по частям. На протяжении последующих двадцати лет после окончания работы фактически ничего не говорилось об этом кодексе, за исключением того, что в период правления халифа Усмана он находился в личном владении Хафсы, дочери Умара, одной из жен Мухаммада, и хранился у нее под кроватью.

Очень важно, изучая текст Зайда, проанализировать комментарий, который он дал по поводу двух стихов Корана. Зайд долго искал их и нашел только у Абу Хузаймы. Полный текст его заключительного открытия звучит так:

Я нашел последний стих Сурат ат-Таубы («Покаяния») у Аби Хузаймы ал-Ансари и не смог найти его больше ни у кого. Стих таков: «Из вас самих пришел посланник к вам. Его тревожит то, что вы грешите. Он ревнует о вас, а к верным — милосерд и добр!.. (до конца (девятой) суры Бараа)».

(Ас-Сахих ал-Бухари, том 6, с. 478)

Отсюда следует, что Зайд основывался только на одном источнике для воссоздания двух последних стихов Сурат ат-Таубы. Существует еще одно предание, в котором говорится, что Зайд честно вел поиски точного текста пары стихов, которые он в конце концов воскресил из памяти, но так и не нашел их следов вне ее. В приведенном ниже отрывке повествуется о том, как Абу Хузайма привлек внимание составителей к тексту, который они пропустили:

Хузайма ибн Сабит сказал: «Я вижу, вы пропустили (два) стихи и не записали их». Они ответили: «И какие же они?» Он сказал: «Я получил их от самого посланника Аллаха (сура 9:128): „Из вас самих пришел посланник к вам. Его тревожит то, что вы грешите.

Он ревнует о вас, а к верным — милосерд и добр!.. (до конца суры)“». Усман сказал: «Я свидетельствую, что эти стихи от Аллаха».

(Ибн Аби Дауд, Китаб ал-Масахиф, с. 11)

Значимость содержания этого отрывка состоит в том, что Зайд и другие составители Корана вообще пропустили бы эти стихи, если б не Абу Хузайма. Он объяснил им, что получил их непосредственно (тилкайан) от пророка, видимо, имея в виду, что принял их из первых рук. Дальше в отрывке говорится, что у Абу Хузаймы спросили, в каком местописании Корана должны находиться эти стихи, и он предположил, что их необходимо поместить в самый конец последней части переданного Мухаммаду текста и ими должна заканчиваться Сура ат-Тауба (в тексте Корана — Бараа).

На протяжении многих лет не предпринималось никаких попыток редуцировать текст Корана и придать ему некую стандартизованную форму, приемлемую для всего мусульманского сообщества. Однако события, произошедшие в период правления халифа Усмана, вывели историю на новую ступень развития.

КРИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕСМОТР УСМАНОМ КОМПИЛЯЦИИ ЗАЙДА

Приказ уничтожить все остальные копии

Кодекс Зайда ибн Сабита, несомненно, имел огромную важность. Его сохранность в качестве основной версии при правлении халифов Абу Бакра и затем Умара свидетельствует о его ключевой значимости в период первоначальной кодификации Корана. Однако очевидно, что эта версия никогда не объявлялась официальной для всего мусульманского мира.

Помимо Зайда еще достаточно много других курра помнили содержание Корана. Мусульманское предание гласит, что к тому времени, когда спустя двенадцать лет после кончины пророка Усман стал халифом, во многих провинциях страны были в ходу различные копии Корана, составленные другими известными соратниками пророка, в частности Абдаллахом ибн Масудом и Убайей ибн Каабом. Вначале на эти версии официальная власть внимания не обращала, поскольку кодекс Зайда еще не был сочтен официальной копией Корана, да никто и не сомневался в познаниях этих людей. Их версии упоминались наряду с версиями двух других знатоков, которых сам Мухаммад при жизни называл главными авторитетами в вопросах Корана:

Масрук рассказывал: «Абдаллах бин Масуд упоминался перед Абдаллахом бин Амром, который говорил: „Это человек, которого я люблю, поскольку я слышал, как посланник (да пребудет он с миром) говорил: ‘Учитесь чтению Корана от четверых (человек): от Абдаллаха бин Масуда, — он начал с него, — от Салима, освобожденного раба Абу Хузайфы, от Муада бин Джабала и Убайи бин Кааба’“».

(Ас-Сахих ал-Бухари, том 5, с. 96)

Тот факт, что Мухаммад начал перечисление с Абдаллаха б. Масуда, говорит о том, что среди своих сподвижников пророк считал его одним из главных знатоков Корана. Фактически рукописи этого человека, да и других известных чтецов, были самыми знаменитыми в развивающемся мусульманском мире, в то время как кодекс Зайда прозябал в полной безвестности. Он находился в личном пользовании Хафсы, одной из вдов пророка, и о нем просто забыли (Ас-Сахих ал-Бухари, том 6, с. 478).

Спустя семь лет после того как Усман стал халифом, он столкнулся с кризисом, угрожающим разрушить религиозное единство мусульман. Кроме халифа в исламе были

другие неофициальные лидеры — высокочтимые соратники Мухаммада. Им по праву принадлежали уникальные знания в области Корана и слава, которую снискали их версии Священной Книги. Сложившиеся обстоятельства позволили Усмани сильно пошатнуть их авторитет. Халиф приказал уничтожить их версии Корана и привести текст Книги к некоему стандарту, которым должно будет пользоваться все мусульманское сообщество. Это случилось в тот момент, когда мусульманский командир Хузайфа ибн ал-Йаман, возглавлявший экспедицию мусульман из Сирии и Ирака, обнаружил, что люди там ведут друг с другом оживленные споры по поводу чтения Корана. Кодекс Абдаллаха б. Масуда являлся наиболее авторитетным текстом для мусульман Куфы, а кодекс Убаййи б. Кааба имел влияние в Дамаске. Хузайфа немедленно доложил об этом Усмани. О том, что произошло дальше, изложено в приведенном ниже отрывке:

Хузайфа испугался их (людей Шама и Ирака) различного чтения Корана, и он сказал Усмани: «О глава правоверных! Спаси этих людей, пока они не разошлись во мнениях по поводу Книги (Корана), как это случилось с христианами и иудеями». Усман отправил послание Хафсе, в котором говорилось: «Пришли нам рукопись Корана, дабы мы могли составить текст в совершенные копии и возвратить рукопись тебе». Хафса послал ее Усмани. Усман приказал Зайду ибн Сабиту, Абдаллаху бин аз-Зубайру, Саиду бин ал-Асу и Абдур-Рахману бин Харису бин Хишаму переписать рукопись и сделать совершенные копии. Усман сказал трем курайшитам: «Если вы не согласны с Зайдом бин Сабитом по какому-либо пункту Корана, напишите его на диалекте племени курайш, поскольку откровения Корана передавались на этом диалекте». Они сделали так, и когда ими было написано много копий, Усман вернул оригинал Хафсе. Усман послал в каждую мусульманскую провинцию по одной копии из тех, которые они написали, и приказал, чтобы весь остальной коранический материал, будь то фрагментарные записи или полный текст, был сожжен.

(Ас-Сахих ал-Бухари, том 6, с. 479)

Нет никаких свидетельств, что Усман считал другие копии недостоверными. Дело в том, что в мусульманском обществе началось брожение на почве возможных вариантов чтения Корана, что заставило халифа действовать решительно, поскольку он предвидел возможность раскола мусульманского мира на секты. Объединив людей одним текстом Корана, он предотвратил раскол. Приведенное ниже предание рисует полную картину сложившихся обстоятельств и объясняет, почему халиф выбрал кодекс Зайда в качестве стандартизованного текста Корана.

Али сказал Усмани: «Во имя Аллаха, он (Зайд) ничего не делал в отношении рукописей (масахиф), за исключением консультации с нами, поскольку он сказал: „Каково ваше мнение по вопросу кираа (чтения)? Мне доложили, что некоторые говорят: ‘Мое чтение превосходит твое’. Это искажение истины“». Мы спросили его: «Какова твоя точка зрения (на это)?» Он ответил: «Я думаю, мы должны объединить людей единым текстом (мусхаф вахид), и в дальнейшем больше не будет между ними разделения или несогласия». Мы воскликнули: «Какая замечательная идея!» Кто-то из собравшихся там спросил: «У кого самый чистый (арабский) язык среди людей и чье чтение (самое лучшее)?» Они сказали, что самый чистый (арабский) язык среди всех был у Саида ибн ал-Аса, а (самым лучшим) чтецом среди всех был Зайд ибн Сабит. Он (Усман) сказал: «Пусть один пишет, а другой диктует». Они выполнили свою задачу, и он объединил людей (единым) текстом.

(Ибн Аби Дауд, Китаб ал-Масахиф, с. 22)

В этом отрывке дважды делается акцент на идее движения мусульман к согласию, которое должно воцариться благодаря единому тексту Корана. Прежде если какой-то лидер, вовлеченный в процесс составления Корана, предполагал, что некие компиляции недостоверны или что компиляция Зайда не была совершенным до последней буквы собранием Корана, он мог просто приказать своим переписчикам переписать его. Решение избрать Зайда и Саида в качестве составителей и переписчиков благодаря их искусству в чтении Корана и знанию арабского языка показывает, что цель, стоявшая перед Усманом, заключалась в максимальном, насколько это возможно, приближении к «оригиналу».

Вполне закономерно возникает вопрос, почему халифы обратились именно к тексту Зайда и почему сделанные с него копии были разосланы в качестве официальных копий Корана в каждую провинцию, тогда как все остальные копии, находящиеся в обращении, подлежали уничтожению? Одна из причин уже называлась — это восстановление подорванной в мусульманских провинциях власти Усмана. Текст Зайда, находившийся под официальной опекой в Медине, был идеальным способом осуществить это начинание. Кроме того, он не использовался общиной, что сразу сводило на нет какие бы то ни было разногласия по поводу его содержания. Стандартизация мединского текста в зале заседаний правительства халифата позволяла халифу подавлять растущую популярность других чтенцов в тех провинциях, где сам он был не в чести. Членом своей семьи, потомком Омейи, активного борца против Мухаммада до завоевания Мекки, он поставил в более выгодную, главенствующую позицию по отношению к другим лидерам. Следовательно, выбор пал на текст Зайда не потому, что он был лучшим или более достоверным, нежели другие, а просто потому, что он как нельзя лучше отвечал главной цели Усмана, преследуемой им при стандартизации текста Корана.

Тот факт, что ни один из неканонизированных текстов не был сохранен, показывает, что они не находились в полном согласии друг с другом. Видимо, применение таких решительных мер было вызвано опасными разногласиями содержательного порядка между различными версиями Корана. Об этом свидетельствует приказ предать все тексты, за исключением одного, огню. И чего-то подобного, надо думать, ожидали, поскольку Коран не был скомплектован в единую Книгу ни при жизни, ни в первые годы после смерти Мухаммада. В то время части Книги были рассеяны среди огромного количества последователей ислама и в основном находились у них в памяти. Более ненадежного источника хранения информации невозможно себе и представить.

Зайд пересматривает собранный Коран

Мусульмане часто заявляют, что все, чего хотел достичь Усман, — это отменить многочисленные чтения Корана на разных диалектах. Задача заключалась, говорят они, исключительно в устранении различий в произношении. Выбранная линия аргументации приводит к возникновению гипотезы, которая заключается в том, что Коран в его письменной форме божественным образом сохранился неизменным, а следовательно, является совершенным текстом. Однако в текстах ранних собраний Корана отсутствовали буквы для гласных звуков, что, в свою очередь, вообще не могло диктовать никакого произношения. Усман мог приказать сжечь все остальные копии только в случае серьезных разногласий в самом тексте. Ниже будут приведены достаточные доказательства того, что в действительности так оно и было.

В самом деле, вскоре после вступления в силу постановления Усмана он задался вопросом, какие основания для недовольства им были у мусульман, если у них существовало такое противодействие любому недовольству, как единый текст Корана. Одним из пунктов обвинения в адрес Усмана являлось то, что он «уничтожил Книгу Аллаха» (Ибн Аби Дауд, Китаб ал-Масахиф, с. 36). Мусульмане не просто обвиняли его в

уничтожении масахифов (свитков), но в сожжении китабуллахи, самого Корана! Хотя действия Усмана способствовали стандартизации официального текста, некоторые мусульмане полагали, что он уничтожил подлинную рукопись Корана, составленную некоторыми ближайшими соратниками Мухаммада.

Существуют доказательства, что кодекс Зайда в то время не считался непогрешимой копией Корана. Усман приказал не только сделать копии с текста Зайда, но также попутно подвергнуть пересмотру сам текст. Назначив четырех редакторов, уже упоминавшихся выше, он выбрал трех других, так как они происходили из мекканского племени курайш, тогда как Зайд был родом из мединского племени ансар. Халиф сказал, что если они будут не согласны по какому-либо вопросу, касающемуся языка Корана, им следует считать недействительными записи Зайда и позволено делать записи на курайшитском диалекте, поскольку изначально откровения Корана передавались Мухаммаду именно на нем (Ас-Сахих ал-Бухари, том 4, с. 466).

Уже после того как были сделаны копии стандартизованного Корана, Зайд неожиданно вспомнил еще один отрывок текста, пропущенный в Коране:

Зайд сказал: «Я пропустил стих в Ал-Ахзабе (сура 33), когда мы переписывали мусхаф. Я слышал, как посланник Аллаха (да пребудет он с миром) читал его. Мы искали его и нашли у Хузаймы ибн Сабита ал-Ансари: „Среди верующих есть люди, которые преданны договору с Аллахом“ (сура 33:23). Поэтому мы вставили его в суру».

(Ас-Суйути, Ал-Иткан, с. 138)

Такую же запись об этом упущении можно найти и у ал-Бухари (том 6, с. 479). Данный факт указывает на то, что хотя оригинал Зайда и претендовал на полный кодекс, он не являлся таковым. Довольно интересно, особенно в свете приведенных доказательств, слышать, что мусульмане не только объявляют Коран, находящийся сегодня в их руках, точной, совершенной копией «оригинала», но и убеждены в божественном происхождении Книги. Однако факты говорят об обратном. Не Аллах систематизировал текст в его теперешнюю форму, а молодой человек по имени Зайд, причем благодаря своим выдающимся способностям. И не Мухаммад систематизировал текст для мусульманской уммы, а Усман, и сделано это было только после полного пересмотра одного кодекса за счет всех остальных. Коран, которым сегодня пользуются мусульмане, является пересмотренным изданием первоначальной компиляции Зайда.

Справедливости ради надо сказать, что не одно десятилетие после составления Корана возникали споры относительно его подлинности. Хорошим примером служит разночтение в суре 2:238, которое в Коране, стандартизованном Усманом, читается так: «Свои молитвы строго соблюдайте, особо (читите) Среднюю Молитву (ас-салатул-вуста) и благоговейно стойте перед Господом (в молитве)». Разночтение видно из этого фрагмента хадиса:

Айша приказала мне переписать Священный Коран и попросила дать ей знать, когда я дойду до стиха Хафизу ала-с-салавати вассалатил-вуста ва куму лиллахи канитина (2:238). Когда я добрался до этого стиха, я сообщил ей об этом, и она приказала: «Напиши его так: Хафизу ала-с-салавати вассалатил-вуста ва салатил-асри ва куму лиллахи канитина». Она добавила, что слышала его именно в таком виде от посланника Аллаха (да пребудет он с миром).

(Ал-Муватта Малика, с. 64)

Айша была выдающейся женщиной ислама. Будучи одной из вдов пророка, она вряд ли стала бы давать такие рекомендации не задумываясь. Она приказала переписчику

добавить слова ва салатил-аср, означающие «и послеобеденную молитву», сказанные самим Мухаммадом, что является прямым источником их подлинности в этом чтении. На той же странице Ал-Муватты Малика есть подобное этому предание, в котором Хафса, еще одна вдова Мухаммада, приказала своему переписчику Амру ибн Рафи сделать в своем кодексе точно такое же дополнение. Известно, что кроме кодекса Зайда, который находился в ее распоряжении, у нее был собственный кодекс. Ибн Аби Дауд обращается к нему как к отдельной рукописи, озаглавленной Мусхаф Хафса зауидж ан-Наби («Кодекс Хафсы, жены посланника»). Он специально записал то же происшествие как разночтение в ее кодексе:

В кодексе Хафсы, жены посланника (да пребудет он с миром), написано: «Следите за своими молитвами, особенно за полуденной и послеобеденной».

(Ибн Аби Дауд, Китаб ал-Масахиф, с. 87)

Здесь же, на той же странице, Ибн Аби Дауд утверждает, что данный вариант чтения был найден в рукописях Убайи ибн Кааба, Умм Саламы и Ибн Аббаса. Некоторые толкователи признавали, что добавление — особенно следить за полуденной и послеобеденной молитвами — действительно имело место, в то время как другие считали, что это просто уточнение к самому тексту и что салатул-вуста фактически то же самое, что и салатул-аср, как утверждает приведенное ниже предание:

Абу Убайд сказал в своей книге Фадаил ал-Куран («Совершенное из Корана»), что цель различного чтения (ал-кираа аш-шатта) — объяснить стандартизованное чтение (ал-кираа ал-машхура), а также проиллюстрировать его значение, как в (различном) чтении Айшы и Хафсы, вассалатил-вуста ва салатил-аср.

(Ас-Суйути, Ал-Иткан, с. 193)

Именно по причине разночтений кодекс Хафсы был уничтожен, когда спустя некоторое время после смерти Усмана Марван ибн ал-Хакам стал правителем Медины. Пока Хафса была жива, она наотрез отказывалась отдать свой кодекс, несмотря на огромное желание Марвана стереть его с лица земли (Ибн Аби Дауд, Китаб ал-Масахиф, с. 24), и только после ее кончины он заполучил эту рукопись и приказал уничтожить ее, в страхе, что если она станет широко известна, то вновь возникнут разночтения, с которыми боролся Усман.

Сегодня мусульманский мир смело исповедует единый текст Корана именно в том виде, который он приобрел при Усмани и в связи с которым халифа обвиняли, говоря, что Коран существовал во многих книгах, а он подверг сомнению все, кроме одной. Слишком высокая цена была заплачена за получение единого стандартизованного текста Корана.

РАЗНОЧТЕНИЯ В ДРУГИХ КОДЕКСАХ КОРАНА

Абдаллах ибн Масуд — авторитет в области Корана

Хотя Усман и преуспел в уничтожении всех кодексов Корана, кроме одного, он все же не смог утаить того факта, что его тексты были собраны в единую Книгу в нескольких вариантах. Он также не смог полностью устранить разночтения, существовавшие между уничтоженными книгами и книгой Зайда, поскольку люди в то время по-прежнему предпочитали исследовать Коран, заучивая его наизусть. Ему приходилось бороться потому, что многие из составителей уничтоженных книг были известными чтецами Корана.

Одним из курра был Абдаллах ибн Масуд. О нем писали, что он — «первый человек, читавший Коран вслух в Мекке после посланника» (Ибн Исхак, Сират расул Аллах, с. 141). В хадисах существует письменное упоминание о том, что Мухаммад не случайно начал свое перечисление с Абдаллаха как с заслуженного авторитета в области Корана. Более того, этот факт подтверждается в приведенном ниже предании, где сам Абдаллах выражает уверенность в своих знаниях Книги:

Нет такой суры, переданной в Книгу Аллаха, чтобы я не знал место, где она была передана; и нет ни одного стиха, переданного в Книгу Аллаха, чтобы я не знал, кому передан этот стих. И если я узнаю, что существует кто-то, кто знает Коран лучше меня, и если до него сможет дойти верблюд, я отправлюсь к нему.

(Ас-Сахих ал-Бухари, том 6, с. 488)

В очень похожем предании Абдаллах добавляет к вышесказанному, что однажды прочел в присутствии Мухаммада более семидесяти сур, и все окружающие поняли, что никто не знает Коран лучше него. Хакик, один из соратников Мухаммада, свидетель происшедшего, признал, что никто из присутствовавших не посмел спорить с ним и не нашел ни одной ошибки в его чтении (Ас-Сахих Муслима, том 4, с. 1312). Не вызывает сомнения и тот факт, что Абдаллах был одним из тех, кто собрал разрозненные записи воедино вскоре после смерти Мухаммада.

Ибн Аби Дауд посвятил в своей книге Китаб ал-Масахиф более девятнадцати страниц разночтениям, имеющим место между текстом Абдаллаха ибн Масуда и текстом, составленным Зайдом ибн Сабитом (с. 54–73). Достоверно известно, что Ибн Масуд с самого начала наотрез отказался отдать свой кодекс на уничтожение, и даже после того как в Куфе появилась одна из копий рукописи Зайда, многие мусульмане еще долгое время продолжали твердо придерживаться текста Ибн Масуда.

Существуют неопровержимые доказательства, что причиной сопротивления Ибн Масуда приказу Усмана было то, что Абдаллах считал свой кодекс значительно превосходящим текст Зайда, и прежде чем Хузайфа доложил халифу об имеющих место различных чтениях Корана, он имел с Абдаллахом острую и нелюбезную беседу.

Хузайфа сказал: «Жители Куфы говорят: чтение Абдаллаха (ибн Масуда), а жители Басры говорят: чтение Абу Мусы. Во имя Аллаха! Если я дойду до главы правоверных (Усмана), я потребую, чтобы они были утоплены». Абдаллах сказал ему: «Сделай так, и Аллах тоже утопит тебя, но не в воде».

(Ибн Аби Дауд, Китаб ал-Масахиф, с. 13)

Когда Хузайфа, оспаривая убежденность Ибн Масуда, сказал, что он послан к жителям Куфы в качестве их учителя и в конце концов заставит их подчиниться своему чтению Корана, Абдаллах ответил, что он не вводил людей в заблуждение, тем самым еще раз заявив, что никто не знает Коран лучше, чем он (Ибн Аби Дауд, Китаб ал-Масахиф, с. 14). В другой раз он говорил о своих знаниях Корана как превосходящих опытность Зайда:

Я получил семьдесят сур непосредственно от самого посланника Аллаха (да пребудет он с миром), когда Зайд был еще ребенком. Должен ли я отказаться от того, что получил от самого посланника Аллаха?

(Ибн Аби Дауд, Китаб ал-Масахиф, с. 15)

Существуют письменные свидетельства, что когда приказ Усмана об уничтожении всех компиляций Корана и использовании только кодекса Зайда в целях устранения

разночтений достиг Куфы, Ибн Масуд прочел хутбу (проповедь) по этому поводу и заявил мусульманам города:

Люди виновны во лжи при чтении Корана. Я буду читать Коран в соответствии с его (посланника) чтением, которого я люблю больше, чем этого Зайда ибн Сабита. От него, без которого нет Бога, я выучил более семидесяти сур — из губ посланника Аллаха, да благословит его Аллах, в то время, когда Зайд ибн Сабит был юнцом с двумя косичками, играющим с другими юнцами.

(Ибн Саад, Табакат, том 2, с. 444)

Из этого заявления явствует следующее: Ибн Масуд считал свой кодекс записью оригинального Корана, в отличие от компиляции Зайда, которую Усман стандартизировал как якобы единственно верный текст.

Мусульманские писатели, истолковывая эти свидетельства, объясняют, что только сентиментальная привязанность к своему кодексу заставляла Ибн Масуда так остро реагировать на приказ халифа, или же в очередной раз прибегают к испытанному объяснению факта уничтожения всех рукописей, кроме рукописи Зайда, стремлением Усмана к нивелированию разночтений как к способу устранения различий в произношении. Однако совершенно очевидно, что позиция Ибн Масуда была принципиальной и основывалась исключительно на его убеждении в том, что его кодекс совершеннее кодекса Зайда. Что же касается разночтений, то мы увидим, что их устранение имеет отношение не к произношению, а к содержанию написанного.

Разночтения в кодексах Корана

Интересно, что в кодексе Ибн Масуда совершенно отсутствовала вступительная глава — Суратул-Фатиха, так же, как и муаввизатани — две последние суры Корана. Формы этих глав имеют некоторые характерные особенности: первая — это молитва Аллаху, а две последние — заклинания против дьявольских сил. Во всех трех сурах именно человек выступает в роли говорящего, а не Аллах, как это происходит во всех остальных сурах. Ранних мусульманских историков всегда тревожила вероятность того, что Ибн Масуд сознательно отвергал ценность этих трех глав. Факхруддин ар-Рази, живший в шестом веке после возникновения ислама, автор комментариев к Корану, озаглавленных Мафатих ал-Гайб («Ключи Невидимого»), допускал, что эта вероятность имеет «смущающее значение» и приводит к неловким выводам о том, что Ибн Масуд, вероятно, вообще не слышал о том, чтобы пророк говорил о необходимости включения этих глав в Коран. Ибн Хазм, другой ученый, не предлагая никаких объяснений, просто обвинял Ибн Масуда во лжи. Однако Ибн Хаджар ал-Аскалани в своей знаменитой работе Фатх ал-Баари (обзор свода Ас-Сахих ал-Бухари) соглашался с тем, что доводы Ибн Масуда не лишены здравого смысла и что он пропустил эти суры, послушавшись пророка, который говорил о возможности их использования в качестве молитвы, а также заклинаний против дьявольских сил, но был против включения их в текст Корана (Ас-Суйути, Ал-Иткан, с. 186–187).

Что касается остального текста кодексов Ибн Масуда и Зайда, то между ними было огромное количество разночтений — сто одно из них имело место только в Суратул-Бакара. Обзор лишь некоторых разночтений покажет их природу.

Сура 2:275 в кодексе Зайда начинается со слов Аллазина йаакулунарриба ла йакумуна («И кто снедаем лихоимством, восстанет (в Судный день) подобно тем, кого поверг безумство Сатана»). Текст Ибн Масуда начинается с того же вступления, но в нем добавлены слова йаумал-кийамати («в день Страшного суда»). Этот вариант упоминается

в книге Абу Убайда Китаб Фадаил ал-Куран. Он также использован в кодексе Талхи ибн Мусаррифа. Этот кодекс, как утверждают, основывался на рукописи Ибн Масуда и был очень популярен в Куфе.

В суре 5:91 в стандартизованном тексте Корана читаем призыв: фасийаму саласати айамин («поститесь в течение трех дней»). В тексте Ибн Масуда добавлено прилагательное мутатабиатин, т. е. три «следующих один за другим» дня. Это различие происходит из известных комментариев ат-Табари, озаглавленных Джами ал-байан фи тафсир ал-Куран (7.19.11). Его упоминал Абу Убайд. Это различие было также найдено в книге Убайи ибн Кааба, в кодексах Ибн Аббаса и ученика Ибн Масуда ар-Раби б. Хусайма.

Сура 6:153 начинается так: Ва анна хаза сирати мустакиман — «Сие — Мой путь, ведущий прямо». В тексте Ибн Масуда написано: Ва хаза сирату раббикум — «Это путь вашего Господа». Различие опять берет начало в книге ат-Табари (8.60.16). У Убайи ибн Кааба мы встречаем такое же чтение, но вместо слова раббикум (вашего Господа) у него написано раббика (твоего Господа). Во втором кодексе ал-Аамаша, упоминаемом Ибн Аби Даудом в книге Китаб ал-Масахиф, мы опять находим ва хаза («это», «сие»), как в тексте Ибн Масуда и Убайи ибн Кааба. Ибн Аби Дауд говорил еще об одном примере различия, предположив, что Ибн Масуд в слове сират употреблял букву син, а не сад (Китаб ал-Масахиф, с. 61).

В суре 33:6 содержится изложение истории о взаимоотношениях жен Мухаммада с общиной мусульманских верующих: ва азваджуху уммахатухум («жены его — матери для них»). В тексте Ибн Масуда добавлены следующие слова: ва хува абун лахум («а он их отец»). Это различие записано и в книге ат-Табари (21.70.8), а также находится в кодексах Убайи ибн Кааба, Ибн Аббаса, Иkrimы и Муджахиды ибн Джабра. Три последних кодекса содержат несколько иной вариант: то, что Мухаммад является отцом мусульман, предшествует утверждению, что его жены — их матери. Однако в кодексах Ибн Масуда и соответственно ар-Раби ибн Хусайма это заявление помещено в конец предложения. Огромное количество указаний на это различие дает веские основания считать его действительным и свидетельствует против его отсутствия в кодексе Зайда ибн Сабита.

Многие примеры других различий имеют отношение к форме слов, которые слегка меняют их значение. Так, в суре 3:127, где у Ибн Масуда и Убайи ибн Кааба написано ва сабику («будьте впереди»), стандартизованный текст приводит это изречение следующим образом: ва сариу («будьте быстрыми»). Различие, как и прежде, взято из книги ат-Табари (4.109.15).

Следующие примеры демонстрируют, как добавление в текст некоторых одиночных слов не меняет его смысла. Например, в суре 6:16 Ибн Масуд и Убайи ибн Кааб сходятся на следующем чтении: йусрифуллаху («предотвращено Аллахом»), в стандартизованном же тексте читаем: йусраф («предотвращено»). Это различие записано в книге Маки Китаб ал-Касф.

Очень важно не забывать, что все вышперечисленные различия не бросали тень на уничтоженные кодексы, и не стоит полагать, будто текст, стандартизованный Усманом, был выше всех упреков и нареканий, в то время как все остальные были полны заблуждений. Кодекс Зайда был просто одним из ряда многих, составленных вскоре после смерти Мухаммада, и то, что его предпочли другим, объясняется исключительно политической выгодой. Необходимо помнить и о славе, в которой купался Ибн Масуд как лучший курра, и о его заявлениях, что он знает Коран лучше Зайда. Очень существенным является и тот факт, что Убайи ибн Кааб был признан одним из лучших чтецов Корана самим пророком:

Аффан ибн Муслим сказал нам... о достоверности сообщения Анаса ибн Малика, который слышал, как посланник, да благословит его Аллах, сказал: «Лучшим чтецом (Корана) среди моего народа является Убайй ибн Кааб».

(Ибн Саад, Табакат, том 2, с. 441)

В результате Убайй стал называться сайидул-курра, что значит «глава чтецов Корана». В другом предании говорится о том, что Умар сам подтверждал, что он был лучшим из мусульман в декламации Корана (Ас-Сахих ал-Бухари, том 6, с. 489). Интересно будет узнать, что между его текстом и текстом Зайда существовало огромное количество различий.

Например, в суре 2:204 у него написано: ва йаашхидуллаха, в тексте же Зайда — ва йушхидуллаха. Также у него пропущены слова ин хифтум в суре 4:101. Затем в суре 5:48, в стандартизованном чтении, — ва катабна алайхим фиха («и мы написали в этом месте для них (иудеев)»), у Убаййи читаем: ва анзалаллаху ала бани Исраила фиха («и Аллах послал в этом месте детям Израилевым»). Эти различия описаны в книге ат-Табари (6.153.24).

Все приведенные выше свидетельства показывают, что до того как Усман предпринял энергичные усилия в стандартизации кодекса с целью приведения текста Корана к единому чтению, среди наиболее известных курра существовало огромное количество различий. Для того чтобы Коран стал, наконец, единым текстом, потребовалось много времени, и, как будет видно дальше, несколько столетий спустя возникла необходимость во второй редакции, дабы после введения букв для гласных звуков вновь привести текст Корана к единому стандарту. Из всего сказанного вытекает совершенно очевидная вещь — заявления мусульман, что Коран в нынешнем чтении является точной копией «оригинала» времен Мухаммада, не имеют под собой никакого основания.

УТЕРЯННЫЕ ОТРЫВКИ ТЕКСТА КОРАНА

Мусхаф: неполная запись текста Корана

Как уже говорилось, вскоре после смерти Мухаммада произошла битва при Йамаме, в которой погибло множество курра, а с ними исчезли некоторые отрывки текста Корана. Составители Корана полагали, что больше нет людей, которые бы помнили их, а это означало, что они утеряны навсегда. Существует огромное количество письменных свидетельств того, что в стандартизованном тексте Корана пропущено много стихов, а порой и целых отрывков. Отсюда можно сделать вывод, что мусхаф Корана в том виде, в котором мусульмане читают его сегодня, является неполной записью «оригинала», переданного им Мухаммадом. По этому поводу еще на заре ислама высказывался Абдаллах ибн Умар:

Пусть никто из вас не говорит: «Я получил весь Коран». Откуда он может знать, что это весь Коран, когда значительная его часть исчезла? Пусть лучше он скажет: «Я получил то, что сохранилось».

(Ас-Суйути, Ал-Иткан, с. 524)

По вопросу неполноты Корана существует огромное количество авторитетных высказываний, которые можно цитировать бесконечно, но нам достаточно будет и малой их части. Например:

Религия Аллаха — это ал-Ханифийа (истинная вера в единого Аллаха (Ислам)), в отличие от религии иудеев или христиан, и тот, кто поступает правильно, не останется без награды.

(Ас-Суйути, Ал-Иткан, с. 525)

Говорят, что данное высказывание одно время являлось частью Суратул-Байина (сура 98). Это очень похоже на правду, поскольку оно органично вписывается в контекст этой короткой суры, в следующих стихах которой появляются некоторые слова из утерянного стиха, такие как дин («религия», стих 5), амл («поступать, вершить праведные действия», стих 7) и хунафа («истинный», стих 4). В ней тоже путь Аллаха сопоставляется с верованиями иудеев и христиан.

Интересно отметить и тот факт, что в стандартизованном тексте суры 3:19 сегодня мы читаем: инна-д-дина индаллахи-л-Исламу — «ислам — религия Аллаха». У Ибн Масуда вместо ал-Ислам написано ал-Ханифийа, т. е. «истинная вера» (религия (вера) истинно верующих в единого Бога). В самом начале пророческой миссии Мухаммада в Аравии жило множество людей, ушедших от поклонения идолам и называвших себя хунафами. Вероятно, таково было изначальное название ислама. Все это удостоверяет наличие в тексте Корана разночтений и факт утраты текста, который, как говорят, был его частью.

Существуют свидетельства, согласно которым в современном тексте Корана пропущены целые суры. Абу Муса ал-Ашари, соратник Мухаммада и один из ранних авторитетов в области Корана, сказал некоему курра в Басре:

Мы читали суру, схожую по длине и строгости с (сурой) Бараа. Однако я забыл ее, за исключением того, что помню из нее: «Если будут две долины, полные богатств, для сына Адама, он двинется в третью долину, и ничто не наполнит желудок сына Адама, кроме праха».

(Ас-Сахих Муслима, том 2, с. 501)

Абу Муса сказал, что может припомнить еще один стих, который пропущен в Коране, и продолжил:

Мы читали суру, подобную Мусаббихат, однако я уже не помню ее, но вот это я сохранил в памяти: «О вы, кто верует! Почему вы исповедуете то, чего не делаете в жизни? (и) что начертано на ваших шеях как свидетельство, и вы будете в том проверены в День Страшного суда».

(Ас-Суйути, Ал-Иткан, с. 526)

Мусаббихат — это те суры Корана (57, 59, 61, 62 и 64), которые начинаются со слов Саббаха (или Йусаббиху) лиллахи ма фиссамавати ва ма фил-ард — «Пусть все, что на небесах и на земле, восхваляет Аллаха». Прочитированное предание содержится в работе Ас-Сахих Муслима, где оно помещено после утверждения, что этот отрывок напоминает девятую суру и содержит стих о сыне Адама (том 2, с. 501). Мы привели выдержку из одного из самых авторитетных исламских источников, которая ясно показывает, что Коран в своей современной форме является неполным.

Стихи, утерянные из Корана

Очень многие хадисы говорят о том, что стих о «сыне Адама» был утерян из текста Корана. В предании сказано, что в основных своих деталях он был подлинно

кораническим. Ас-Суйути много писал об этом, показывая тем самым, насколько хорошо этот стих был известен. Вот одна из его записей:

Абу Вакид ал-Лаиси сказал: «Когда посланник Аллаха (да пребудет он с миром) получал откровение, мы приходили к нему и он учил нас тому, что было в этом откровении. (Я пришел) к нему, и он сказал: „Однажды я получил неожиданное сообщение. Истинно Аллах сказал: ‘Мы послали богатство, дабы поддержать молящихся и деяния сострадательные, и если сын Адама получит долину, он уйдет оттуда в поисках другой долины, похожей на эту, если он доберется до такой же долины, он продолжит поиски третьей, и ничто не удовлетворит желудок сына Адама, кроме праха, и Аллах смилостивится над теми, кто сам милостив’“».

(Ас-Суйути, Ал-Иткан, с. 525)

Вслед за этим преданием следует еще одно, записанное Убайей ибн Каабом. В нем представлен тот же стих, но только в данном случае последователь Мухаммада утверждает, что пророк цитировал эти слова как часть текста Корана. Существует предание Абу Мусы, очень похожее на утверждение Ас-Сахих Муслима, в котором говорится, что этот стих находился в суре, чрезвычайно напоминающей по длине Сурагул-Бараа. Но в данном случае Абу Муса не говорит о том, что он забыл ее, — скорее всего, впоследствии она была просто изъята (сумма рафаат — «затем ее убрали»). Остался только стих о жадности Адама (Ас-Суйути, Ал-Иткан, с. 525).

Этот стих записан в трактатах Абу Убайда Фадаил ал-Куран и Мухаммада ибн Хазма Китаб ан-Насих вал-Мансух. В обеих работах утверждается, что стих был частью суры, впоследствии отмененной и изъятой из текста Корана. И тем не менее она осталась в памяти многих чтецов Корана как часть его оригинального текста.

Еще один хорошо известный отрывок, по утверждениям — утерянный из текста Корана, имеет отношение к «стихам о побивании камнями». Впервые внимание растущей мусульманской общины к этим стихам было привлечено Умаром, вторым праведным халифом. В стихах говорилось, что всех людей, уличенных в супружеской измене, следовало забивать камнями насмерть, в противоположность утверждению суры 24:2 о том, что они должны быть подвергнуты порке — не менее сотни ударов кнутом. Предание гласит, что Умар обратил внимание мусульманской общины на этот отрывок с мимбара (кафедры) мечети в Медине на закате своей жизни. Сущность проблемы он высказал перед собравшимися на проповедь людьми так:

Аллах послал Мухаммада, снабдив его Истиной, и в откровениях передал ему Священную Книгу. И среди всего прочего, что передавал Аллах, был стих Раджам (о «побивании камнями» людей, состоящих в браке, мужчин или женщин, которые уличены в супружеской неверности), и мы читали этот стих, и поняли его, и запомнили. Посланник Аллаха (да пребудет он с миром) выполнял это наказание, и мы делали то же самое за ним. Я боюсь, что пройдет много времени и кто-нибудь скажет: «Во имя Аллаха, мы не нашли стиха Раджам в Книге Аллаха», и тем самым люди будут уведены с истинного пути, не выполняя обязательства, которое было в откровении Аллаха.

(Ас-Сахих ал-Бухари, том 8, с. 539)

Умар был уверен, что этот стих изначально являлся неотъемлемой частью Корана и был передан Мухаммаду. Он был озабочен тем, что спустя какое-то время стих будет забыт последующими поколениями мусульман. В другом изложении говорилось, что Умар добавил: «Истинно, побивать камнями людей в Книге Аллаха — это наказание, накладываемое на мужчин и женщин, состоящих в браке, которые совершили

супружескую измену, если факт был доказан, или налицо беременность, или сделано признание» (Ибн Исхак, Сират расул Аллах, с. 684). В этих письменных свидетельствах говорится о том, что Умар вспоминал и другой утерянный стих, составляющий часть китабуллаха (т. е. Корана), который декламировали первые последователи Мухаммада: «О, люди! Не претендуйте быть чьими-либо потомками, кроме своих отцов, ибо с вашей стороны будет считаться неверием являться чьими-либо потомками, кроме ваших настоящих отцов» (Ас-Сахих ал-Бухари, том 8, с. 540). В хадисах существует множество других свидетельств, что Мухаммад настоятельно требовал побивать камнями за измену в супружестве:

Ибн Шихаб рассказывал, что человек во времена посланника Аллаха (да пребудет он с миром) совершил супружескую измену и признался в этом четырежды. Посланник Аллаха (да пребудет он с миром) приказал, чтобы этого человека побили камнями.

(Ал-Муватта Малика, с. 350)

Различие между этим преданием и кораническим текстом о наказании неверных супругов сотней ударов кнута привело к многочисленным дискуссиям среди мусульманских толкователей. В первое время ученые яростно сопротивлялись обращению во время споров к различным преданиям, в которых говорилось об утрате определенных отрывков Корана. В данном же случае они пришли к заключению, что этот стих являлся частью оригинального текста (тем более что Умар так много говорил о его утрате), но затем, вероятно, был из него изъят. И тем не менее предполагалось, что учения и предписания, содержащиеся в этом стихе, остаются обязательными как часть сунны (примера) пророка. Спорящие решили, что побивание камнями неверных супругов являлось наказанием для женатых мужчин и замужних женщин, а наказание ста ударами кнута накладывалось на холостого человека, сожительствующего с состоящим в браке.

И тем не менее Умар совершенно не был убежден в том, что приказ побивать камнями виновных в супружеской измене действительно являлся частью оригинального текста Корана, что видно из приведенного ниже предания:

Вижу, что вы не забыли стиха о побивании камнями, и говорю: «Вы не найдете его в Книге Аллаха; посланник Аллаха (да пребудет он с миром) приказывал побивать камнями изменивших в браке, и мы поступали так, как он велел. Во имя Господа, который владеет моей жизнью, если бы люди не обвиняли меня в том, что я делаю добавления в Книгу Аллаха, я бы переписал это место: Аш-шайху ва-ш-шайхату иза занайа фарджуму хума. Мы читали этот стих».

(Ал-Муватта, Малика, с. 352)

Приведенные выше хадисы, наряду со всеми другими преданиями подобного рода, дают полное представление о том, что Коран после составления его в единый текст был неполным. Большое количество коранических отрывков, несмотря на то, что их помнили ближайшие последователи пророка, было удалено из текста Книги и больше не являлось его частью. И хотя сегодня эти фрагменты не входят в текст Корана, они совершенно очевидно свидетельствуют против его абсолютной полноты.

САБААТ-И-АХРУФ: СЕМЬ СПОСОБОВ ЧТЕНИЯ

Сабаат-и-ахруф в хадисах

Усман преуспел в стандартизации письменного текста Корана, тем не менее Коран продолжали читать по-разному, поскольку в нем не регламентировалось произношение слов. В то время в арабском письме не существовало букв для обозначения гласных звуков, а использовались только буквы, отображающие звуки согласные (так пишутся многие арабские труды и сегодня), — гласные были добавлены в текст Корана много лет спустя. Однако, как повествуют предания, сам пророк утверждал, что Коран передавался не в одной форме чтения:

Коран передавался так, чтобы его можно было читать семью различными способами, следовательно, читайте его таким способом, который для вас проще.

(Ас-Сахих ал-Бухари, том 6, с. 510)

Данное утверждение непосредственно связано с описанным в предании случаем. Умар однажды услышал, что Хишам ибн Хаким читает Суратул-Фуркан совершенно иначе, чем он сам. С присущей ему импульсивностью Умар был готов прервать его, но взял себя в руки и дождался, пока Ибн Хаким закончит чтение. Затем халиф обрушился на него с упреками и даже обозвал лжецом, после того как Ибн Хаким сообщил, что слышал такое чтение непосредственно от Мухаммада. Когда они пришли к пророку за правосудием, он одобрил оба их чтения, добавив в заключение, что откровения Корана передавались ему ала сабати ахруф (семью способами чтения). Ниже цитируется еще одно предание, в котором говорится, что изначально Коран передавался в семи различных формах:

Ибн Аббас рассказывал, что посланник Аллаха (да пребудет он с миром) говорил: «Джибрил научил меня читать в одном стиле. Я постоянно обращался к нему с просьбами дать больше (стилей), пока он не дал мне семь способов (чтения)». Ибн Шихаб сказал: «Мне представляется, что все эти семь способов в сущности являются одним: они не входят в противоречие с тем, что разрешено, и с тем, что запрещено».

(Ас-Сахих Муслима, том 2, с. 390)

По другому преданию, Убайй ибн Кааб вспомнил случай, когда Мухаммад поделился с ним воспоминанием, как Джибрил однажды сказал ему: «Аллах повелел читать Коран только на одном диалекте». Но Мухаммад ответил, что его народ не может сделать этого. После переговоров с Аллахом архангел сообщил, что тот позволил мусульманам читать Коран семью различными способами и что каждый из них будет правильным (Ас-Сахих Муслима, том 2, с. 391).

Предания не содержат никаких свидетельств, которые бы точно определяли, что представляли собой эти семь способов чтения. В хадисах говорится лишь, что все они сводились к различиям в диалектном произношении. Однако появилось бесчисленное количество описаний этих способов. Некоторые ученые выражали мнение, что это отражение семи наиболее распространенных диалектов арабских племен, другие говорили, что это семь различных форм Корана, привезенных в исламские центры признанными чтецами во втором столетии существования ислама. В преданиях говорится, что Абу Амр отвез один из вариантов в Басру, другой был увезен Ибн Амиром в Дамаск и т. д. (Китаб ас-сунаан Абу Дауда, том 3, с. 1113, примеч. 3365). Но, вероятно, по этому вопросу никто не может сказать ничего определенного.

Важно отметить, что все семь способов так или иначе являются разночтениями, с которыми боролся Усман. В его записях, как мы уже знаем, говорилось о реальных различиях в словах, предложениях и в самом тексте. Однако в случае сабаат-и-ахруф проблема сводилась к существованию различных типов произношения. Усман был хорошо осведомлен об этих различиях и хотел свести их к нулю. Для того чтобы уничтожить смысловые различия, он просто выбрал кодекс Зайда и приказал сжечь все остальные. Для устранения диалектных разночтений он приказал Саиду ибн ал-Асу и двум его товарищам из племени курайш исправлять текст Зайда по мере необходимости, дабы привести его в соответствие с их диалектом. Приведенный ниже отрывок достаточно показателен:

Усман переписал тексты (сухуф) в единый кодекс (мусхаф вахид), он привел в соответствие суры и привел произношение в соответствие со своим родным (луга) диалектом племени курайш, заявляя, что он (Коран) был передан на курайшитском диалекте.

(Ас-Суйути, Ал-Иткан, с. 140)

Однако Усман не был в состоянии истребить различия, возникающие при воспроизведении Книги вслух, поскольку нормы произношения не могут быть обозначены в письменном тексте, в котором отсутствуют гласные. Современные мусульманские толкователи зачастую стараются приуменьшить важность проблемы унификации чтения, заявляя, что произношение никак не влияет на содержание и сам пророк ислама изначально одобрил сабаат-и-ахруф. И хотя первостепенной задачей халифа действительно было устранение серьезных смысловых различий в тексте Корана, он тем не менее добивался (и фактически не мог добиться) сколько-нибудь значительных успехов и в истреблении диалектных различий, которые на первый взгляд кажутся ничтожными по сравнению со смысловыми.

Абу Дауд в своей книге Китаб ал-Хуруф ва ал-Кираа приводит многочисленные примеры, демонстрирующие, как различия в произношении влияют на смысл текста. Ниже представлены три отрывка из другой его работы:

Шахр б. Хавшаб сказал: «Я спросил Умм Саламу: „Как посланник Аллаха (да пребудет он с миром) читал этот стих: ‘Поскольку его поведение нечестиво (иннаха амалун гайру салих)’? “ Она ответила: „Он читал его так: ‘Он действовал нечестиво (иннаха амила гайра салих)’“».

(Китаб ас-сунан Абу Дауда, том 3, с. 1116)

Ибн ал-Мусаййаб сказал: «Посланник (да пребудет он с миром), Абу Бакр, Умар и Усман обычно читали так: Малики йауми-д-дин („Господин Дня Страшного суда“). Первым, кто начал читать Малики йавмил дин, был Марван».

(Китаб ас-сунан Абу Дауда, том 3, с. 1119)

Шакик сказал: «Ибн Масуд читал стих: „Теперь иди ты (хайта лака)“». Затем Шакик сказал: «Мы читаем его так: „Меня подготовили для тебя (хиту лака)“». Ибн Масуд сказал: «Я читаю так, как меня учили, мне это ближе».

(Китаб ас-сунан Абу Дауда, том 3, с. 1120)

Во всех приведенных выше отрывках разночтения касаются исключительно гласных и не имеют никакого отношения к согласным звукам текста, записанного Усманом. Совершенно очевидно, что этот тип разночтений отчасти влияет на содержание самого

текста. А происходили описанные выше события всего за несколько столетий до того, как начали уделять пристальное внимание сабаат-и-ахруф, семи способам чтения.

Период ихтийар до вмешательства Ибн Муджахид

Три столетия после смерти Усмана Коран читался со значительными вариациями. Это происходило в результате неспособности халифа устранить в тексте Писания саму возможность различного его прочтения. Это был период ихтийар, время выбора, когда мусульмане были вольны читать Коран на любом диалекте, который они выбирали согласно традиции, устанавливающей семь способов чтения Корана. В этот период, до 934 года от Р. Х., толкователи Корана согласились, что все семь способов чтения законны, хотя никто из них не мог определить, что это за семь способов. Да и сама попытка дать такое определение могла бы их только разъединить.

В 934 году авторитет в вопросах Корана Ибн Муджахид в Багдаде взял на себя ответственность за решение этой проблемы. Он имел значительное влияние на Ибн Ису и Ибн Муклаха, двух визирей (министров) в правительстве аббасидов. Именно с их помощью он добился официальных ограничений на допустимые способы чтения Корана. Он написал книгу Ал-Кираа ас-Сабаа («Семь чтений»), в которой установил семь конкретных способов чтения, бытующих в мусульманском мире, а все остальные объявил шазз (неправильными, изъятими). Он не привел никаких аргументов, которыми руководствовался, принимая такое решение, и, по всей видимости, это был исключительно субъективный выбор.

Семь способов чтения, теперь санкционированных, представляли собой следующее: Нафи (Медина), Ибн Касир (Мекка), Ибн Амир (Дамаск), Абу Амр (Басра), Асим, Хамза и ал-Кисай (Куфа). По всем семи канонам были назначены общепризнанные корректоры, каждый из которых выполнил пересмотр (ривайа) своего способа чтения, и два чтения — Варш (пересмотренное чтение Нафи) и Хафс (пересмотренное чтение Асим) — в конечном счете получили доминирующее влияние, тогда как все остальные стали маргинальными. Пересмотренным изданием (ривайа) способа Варш долгое время пользовались в Магрибе (западная часть Африки, находившаяся под управлением мусульман, в основном Марокко, Алжир и т. д.), главным образом из-за его тесной связи с юридической маликитской школой. Но, несмотря на это, именно ривайа Хафс постепенно приобрело почти «вселенское» употребление во всем мусульманском мире. Это положение сохранялось до тех пор, пока печатание Корана не стало обычным делом.

Решимость канонизировать семь способов чтения в то время всячески поддерживалась судебной системой аббасидов. Вскоре после обнародования постановления Ибн Муджахид ученый по имени Ибн Миксам публично отверг точку зрения большинства, в соответствии с которой любое чтение текста Корана, основанное на согласных, приемлемо вследствие правильной арабской грамматики и истинного смысла. Период ихтийар завершился благодаря действиям Ибн Муджахид. Он ввел в текст буквы для обозначения гласных звуков точно так же, как в свое время Усман привел разрозненные записи Корана к единому стандарту. Точно так же, как халиф много веков назад уничтожил различие в кодексах, этот ученый объявил незаконными все бытовавшие диалектные чтения, кроме семи канонических. И точно так же, как текст, канонизированный Усманом, не мог считаться совершенной копией Корана, оставшейся именно в том виде, в котором он передавался Мухаммаду (поскольку он представлял из себя стандартизованный текст редактора, назначенного исключительно волей халифа), так и семь способов чтения, канонизированные Ибн Муджахидом, не могут быть приняты как точное отражение сабаат-и-ахруф, поскольку они были произвольно выбраны неким редактором в соответствии с его собственными предпочтениями.

Никто, каким бы авторитетом он ни обладал, не может однозначно сказать, что именно подразумевалось в хадисах под разночтениями. Очень хорошим примером путаницы, вызываемой этим вопросом в головах последующих поколений, могут служить приводимые ниже слова, принадлежащие Абу ал-Хайру ибн ал-Джазари, который произнес их еще до Ибн Муджахиды:

Каждое чтение в соответствии с арабским языком, если даже очень отдаленно, и в соответствии с одним из кодексов Усмана, даже если только вероятно но в согласии с мнением авторитетов является подлинным чтением, на которое невозможно не обратить внимания и которое невозможно отвергнуть, если при этом оно принадлежит ал-ахруф ас-сабаа (к семи способам чтения), в которых был послан Коран. Люди обязаны принять это чтение Корана вне зависимости от того, исходит ли оно от семи признанных имамов, или от десяти, но если оно не поддерживается в полной мере этими тремя (условиями), его следует отклонить как даифа (слабое, неубедительное) или шазза (неправильное, изъятое) — неважно, происходит ли оно от семи способов или от одного, но более древнего.

(Ас-Суйути, Ал-Иткан, с. 176)

Данное утверждение еще раз показывает, что невозможно было точно определить пресловутые семь способов чтения. Любое хорошее чтение автоматически рассматривалось как одно из них, и не потому, что оно могло быть одобрено как принадлежащее им, а в силу иных факторов — его иснада (связи с передающими хадисами), его согласованностью с текстом Усмана или его соответствием правильной арабской грамматике. Заключение основывалось лишь на свободе выбора.

Вопреки часто упоминаемой убежденности мусульман относительно того, что Коран в том виде, в котором он пребывает сегодня, является точной копией записанного на скрижалях, совершенно очевидно, что Книга прошла долгий путь, в течение которого были устранены различия как на содержательном, так и на диалектном уровнях. Коран был стандартизован в основном благодаря деятельности Усмана, а затем Ибн Муджахиды. Известные мусульмане раннего периода развития ислама поставили перед собой цель и добились ее, собрав воедино отрывки Корана и канонизировав единый текст, который объединил весь мусульманский мир. Однако объективные свидетельства показывают, что целые отрывки из некоторых сур были утеряны, в оригинальных кодексах имелось огромное количество разночтений и множество диалектных различий выжило и существовало на протяжении трех столетий после канонизации Усмана — до тех пор, пока их количество не было сокращено до семи официальных. И только печатные издания Корана в конце концов дали мусульманскому миру неизменный текст.

Существуют свидетельства, что спустя некоторое время после стандартизации Усманом мусхафа, письменного текста Корана, были внесены некоторые изменения в текст Зайда. В главе Баб: Ма гайяра ал-Хаджджадж фи Мусхаф Усман («Что было изменено ал-Хаджджаджем в „тексте Усмана“») Ибн Аби Дауд перечислил одиннадцать изменений, внесенных наместником Ирака в период правления халифа Абд ал-Малика спустя много десятилетий после смерти Усмана. История Ибн Аби Дауда начинается так:

В целом ал-Хаджджадж ибн Йусуф внес одиннадцать изменений в чтение текста Усмана. <...> В ал-Бакаре (сура 2:259) изначальное Лам йатасанна ванзур было изменено на Лам йатассанах... В суре ал-Маида (сура 5:48) шарйатан ва минхаджан было изменено на ширатан ва минхаджан.

(Ибн Аби Дауд, Китаб ал-Масахиф, с. 117)

Ибн Аби Дауд посвятил целый раздел своей книги перечислению изменений, сделанных правителем Ирака, что в принципе можно счесть за незначительное редактирование или критический пересмотр текста Корана. Интересно отметить, что каждое из исправленных чтений было изначально чтением Убайи ибн Кааба.

И все же не стоит сомневаться, что в целом Коран выжил неповрежденным и что его нынешний текст — относительно подлинное воспроизведение Книги в том виде, в котором она была передана Мухаммаду. Однако догма мусульман, что в тексте Корана ничего — вплоть до последнего штриха и точки — не было изменено и что ни одна из его частей не была утеряна или изъята, несостоятельна.

РАННИЕ СОХРАНИВШИЕСЯ РУКОПИСИ КОРАНА

Начальное развитие текста

Сохранилось немало ранних рукописей Корана (созданных приблизительно через сто пятьдесят лет после смерти Мухаммада), но ни одну из них нельзя считать законченной по форме. Некоторое число списков дошло до нас в неповрежденном виде, но если рассматривать корпус рукописей в целом, то придется признать, что большая их часть представлена лишь фрагментами. Предполагается, и с этим положением соглашаются сегодня все, что арабский язык был настолько хорошо знаком говорящим на нем, что необходимость введения гласных в тексты рукописей отсутствовала. Многие буквы из соответствующих согласным звукам были похожи друг на друга, и только семнадцать из них широко использовалось в самых ранних текстах. Однако время шло, и похожие согласные буквы были разделены с помощью диакритических знаков, которые ставились над или под ними, а вскоре стали применяться и гласные для того, чтобы четко определить чтение каждого текста. Сегодня практически все без исключения печатные копии Корана содержат гласные буквы.

Ни одна из ранних рукописей Корана не была атрибутирована, поэтому о времени и месте ее написания в основном приходится догадываться. И только в более поздние столетия имя каллиграфа стали вписывать в колофон (обычно в конце книги), а вместе с ним дату и место создания того или иного кодекса. К сожалению, некоторые колофоны в ранних рукописях сфальсифицированы, поэтому точная их идентификация невозможна.

Даже после введения в текст Корана гласных букв порой он переписывался в соответствии с ранними образцами. Хорошим примером может послужить великолепный текст, написанный золотым шрифтом на голубом пергаменте, который дошел до нас практически неповрежденным из Туниса, где он был создан в конце девятого или начале десятого столетия от Р. Х. Предполагается, что переписчик ставил перед собой цель продемонстрировать прекрасную работу, которая останется как память, а не будет использована для всеобщего чтения. Этот Коран намеревались преподнести в дар халифу аббасидов ал-Мамуну для могилы его отца Гарун ар-Рашида в Масхаде (Персия). В силу каких-то причин эта рукопись никогда не покидала Туниса и сегодня хранится в Тунисской Национальной библиотеке. Много отдельных ее листов находится в частных коллекциях.

Однако лучшим показателем оригинальности ранних рукописей является шрифт. В старину использовались различные стили письма, с течением времени они проходили различные стадии развития. Этот фактор позволяет доказать возможную подлинность некоторых текстов.

До прихода ислама был известен только один шрифт, который назывался Джазм. Он отличался правильной формой, симметричным, с острыми углами начертанием букв. Именно от него происходят другие ранние шрифты. Однако неизвестно ни одного

фрагмента Корана, написанного этим шрифтом. Самый ранний коранический шрифт, разработанный в Аравии, называется ал-Маил. Впервые он был применен в Медине, и его новаторство заключается в использовании вертикальных букв, написанных под небольшим углом. Название шрифта переводится как «наклонный», но именно его вертикальная форма породила вытянутый сверху вниз формат листа, подобный тому, который используется в большинстве книг всего мира и по сей день. Известно лишь несколько сохранившихся страниц с фрагментами Корана, в ряде случаев довольно пространными, о которых можно с уверенностью сказать, что они самые древние из существующих. Они были написаны приблизительно через сто пятьдесят лет после смерти Мухаммада. Признаком их раннего происхождения служит полное отсутствие в тексте гласных букв и диакритических знаков, а также заглавий сур.

Вторым ранним шрифтом, происходящим из Медины, был Масх, «растянутый» стиль, который использовался на протяжении нескольких столетий. Он отличался горизонтальной формой, в нем использовался курсив, и он был до некоторой степени свободным стилем. Однако наиболее распространенным ранним шрифтом был Куфи, более известный как ал-Хатт ал-Куфи. Его название ничего не говорит о форме, оно определяет место его происхождения, а именно город Куфу в Ираке, где так высоко ценился кодекс Ибн Масуда до тех пор, пока по приказу Усмана он не был сожжен. Потребовалось некоторое время, чтобы шрифт Куфи завоевал себе место под солнцем, но после того, как это свершилось, он стал основным шрифтом на протяжении трех столетий, и много прекрасных текстов, написанных им, дошло до наших дней. Подобно шрифту Масх, он имеет растянутое горизонтальное начертание, в результате чего многие кодексы, написанные им, имеют вытянутую по горизонтали форму. Со временем в него ввели гласные буквы и диакритические знаки. Не известно ни одной копии Корана, написанного куфическим шрифтом в Мекке и Медине в первые два столетия распространения ислама, когда широко использовались шрифты ал-Маил и Масх. И тем не менее большинство сохранившихся ранних текстов Корана написано шрифтом Куфи.

Еще один шрифт, происходивший из Хиджаза в Аравии, называется Насх — «вдохновенный». Прежде чем он получил широкое признание, прошло некоторое время, но после повсеместного его принятия он полностью заменил все существующие шрифты, даже Куфи, и стал считаться стандартным шрифтом при переписывании Корана. Он остается таковым и поныне, и все напечатанные или написанные от руки тексты Корана начиная с одиннадцатого столетия выполнены этим шрифтом. Он легко читается, а также позволяет применять художественную каллиграфию. Одной из самых ранних копий Корана, написанных этим шрифтом и сохранившихся с неповрежденным текстом, является известная рукопись, написанная Ибн ал-Баввабом в Багдаде в 1001 году от

Р. Х. Сейчас эта рукопись хранится в Честерской библиотеке Дублина (Ирландия).

Одним из типов шрифта Насх, наряду с несколькими другими, был шрифт Магриби («западный»), который, как показывает его название, появился в отдаленных западных областях мусульманского мира. Впервые его использовали в Марокко и Мавританской Испании, он до сих пор используется в этих регионах. Этот шрифт очень похож на курсив, и людям, плохо знающим арабский язык, достаточно трудно его читать, но он очень привлекателен, когда выполнен в художественной манере.

Кодексы Топкани и Самарканда

Несмотря на имеющиеся доказательства того, что ни одну рукопись Корана невозможно надежно датировать вплоть до конца восьмого столетия, в мусульманском мире бытует популярная легенда о том, что рукописные экземпляры Корана Зайда, которые Усман рассылал по мусульманским провинциям, дошли до наших дней

сохраненными в первозданном виде. Мотивом этой популярной точки зрения опять-таки является огромное желание доказать с помощью существующих текстов, что Коран переписывается в своем первоначальном виде начиная с самых первых кодексов вплоть до существующих ныне копий.

Но достоверно известно, что оригинал рукописи Зайда, который вначале находился во владении Абу Бакра, а затем перешел к Умару и Хафсе, попал в руки Марвана, которому он был послан Абдаллахом ибн Умаром. Также известно, что эта рукопись была впоследствии уничтожена им (Ибн Аби Дауд, *Китаб ал-Масахиф*, с. 21). Две сохранившиеся до наших дней ранние куфические рукописи с отсутствующими гласными демонстрируются как оригинальные копии кодекса Зайда. Одна из них сохранилась в государственной библиотеке в Ташкенте (Узбекистан). Она широко известна как «Самаркандский кодекс», поскольку, как полагают, вначале она была привезена именно в этот город в 1485 году от Р. Х., где и оставалась до 1868 года. Затем ее перевезли в Санкт-Петербург, и в 1905 году неким доктором Писаревым по повелению царя Николая II с нее было сделано пятьдесят факсимильных копий под названием *Coran Coufique de Samarcand*, причем каждая копия была отправлена отдельному получателю. В 1917 году кодекс привезли в Ташкент, где он и находится по сей день.

Эта рукопись сохранилась лишь наполовину. Она начинается с семидесятого стиха Суратул-Бакара, полностью исчез текст суры 43:10. То, что осталось от кодекса, показывает, что это была, несомненно, великолепная древняя рукопись. Будучи абсолютно лишенным гласных букв, ее текст тем не менее содержит диакритические знаки. Он написан куфическим шрифтом, что немедленно уводит его происхождение за пределы Аравии и датирует его написание периодом не ранее чем конец восьмого столетия. Ни одному объективному исследователю не удалось проследить историю этого текста до Медины седьмого столетия.

Кроме всего прочего, шрифт, которым написан «Самаркандский кодекс», очень разнороден. Некоторые страницы выполнены четко, ясно и ровно, некоторые — неаккуратно. На некоторых страницах шрифт распределен достаточно равномерно, на других он стиснут, сжат. Временами буква каф написана единообразно с остальным текстом, иногда она становится чрезмерно вытянутой и не соответствует по размеру другим буквам. Рукопись вполне могла быть составлена из фрагментов различных оригинальных кодексов, или же для ее написания были задействованы различные переписчики. В ней присутствует художественное оформление в виде цветных медальонов между отдельными сурами. Сам шрифт не дает никаких шансов датировать рукопись периодом ранее чем сто пятьдесят лет после кончины Мухаммада. Местом ее происхождения могла быть любая страна, кроме Аравии.

Существует еще одна знаменитая рукопись, известная как «Кодекс Топкапи», поскольку она была сохранена в музее Топкапи в Стамбуле (Турция). Текст ее тоже написан шрифтом Куфи, что, в свою очередь, определяет дату его создания периодом не ранее конца восьмого столетия. Как и «Самаркандский кодекс», он написан на пергаменте, совершенно лишен гласных букв и снабжен художественным орнаментом, расположенным между некоторыми сурами. Он также является одним из старейших текстов, дошедших до нашего времени, но нельзя серьезно полагать, что это один из оригиналов Усмана.

Сравнение, проведенное между этими двумя кодексами, показывает, что в любом случае они не были написаны в одном и том же месте и в одно и то же время. На странице «Кодекса Топкапи» расположено восемнадцать строк, тогда как на странице «Самаркандского кодекса» — от восьми до двенадцати. Весь текст «Кодекса Топкапи» написан однородно, с четким соблюдением межбуквенных и межстрочных интервалов, тогда как текст «Самаркандского кодекса», как уже говорилось, написан с большими

погрешностями — он неряшлив и искажен. Оба эти кодекса являются древнейшими рукописями Корана из числа дошедших до наших дней, но их происхождение никак нельзя отнести ранее чем к восьмому столетию вероисповедания ислама.

Самые старые тексты Корана, неважно — фрагменты это или полные тексты, датируются периодом не ранее чем сто пятьдесят лет после смерти пророка Мухаммада.

БИБЛИОГРАФИЯ

Коран - Священная Книга мусульман

Ahmad, Syed Barakat. Introduction to Qur'anic Script. Curzon Press, London, UK. 1984 (Ахмад Сиед Баракат. Введение в Коран).

Bakhsh, Haji Rahim. Excellence of the Holy Qur'an. Dar-ul-Ehsan Publications, Faisalabad, Pakistan. 1984 (Бахш Хаджи Рахим. Великолепие Священного Корана).

Baljon, J. M. S. Modern Muslim Koran Interpretation. E. J. Brill, Leiden, Holland. 1968 (Балджон Дж. М. С. Современная мусульманская интерпретация Корана).

Bell, Richard. A Commentary on the Qur'an (2 volumes). University of Manchester, Manchester, UK. 1991 (Белл Ричард. Комментарии к Корану).

Binark, Ismet & Eren, Halit. World Bibliography of Translations of the Meanings of the Holy Qur'an. IRCICA, Istanbul, Turkey. 1986 (Бинарк Исет и Эрен Халит. Всемирная библиография переводов значений Священного Корана).

Burton, John. The Collection of the Qur'an. Cambridge University Press, Cambridge, UK. 1977 (Бертон Джон. Коллекция Корана).

Cragg, Kenneth. The Event of the Qur'an. George Allen and Unwin, London, UK. 1971 (Крэг Кеннет. Явление Корана).

Idem. The Mind of the Qur'an. George Allen and Unwin, London, UK. 1973 (Он же. Мышление Корана).

Flugel, Gustav. Concordance of the Koran. Rahim Brothers, Karachi, Pakistan. 1979 (1898) (Здесь и далее в скобки заключена дата выхода в свет первого издания. — Примеч. ред.) (Флюгель Густав. Указатель терминов Корана).

Gdtje, Helmut. The Qur'an and its Exegesis. Routledge and Kegan Paul, London, UK. 1976 (Гэтть Гельмут. Коран и его толкования).

Gilchrist, John. Jam' al-Qur'an: The Codification of the Qur'an Text. Jesus to the Muslims, Benoni, South Africa. 1989 (Гилкрест Джон. Джем ал-Коран: Кодификация текста Корана).

Haeri, Shaykh Fadhlalla. Man in Qur'an and the Meaning of Furqan. Zahra Publications, Blanco, Texas, USA. 1982 (Хаери шейх Фадлалла. Человек в Коране и значение понятия Фуркан).

Izutsu, Toshihiko. God and Man in the Koran. Books of Libraries, New York, USA. 1980 (1964) (Изутсу Тошихико. Бог и человек в Коране).

Jeffery, Arthur. Materials for the History of the Text of the Qur'an. AMS Press, New York, USA. 1975 (1937) (Джеффри Артур. Материалы к истории текста Корана).

Idem. The Foreign Vocabulary of the Qur'an. Al-Biruni, Lahore, Pakistan. 1977 (1938) (Он же. Словарь иностранных слов Корана).

Idem. The Qur'an as Scripture. Books of Libraries, New York, USA. 1980 (1952) (Он же. Коран как Священная Книга).

Kassis, Hanna E. A Concordance of the Qur'an. University of California Press, Los Angeles, USA. 1983 (Кассис Ханна Е. Указатель терминов к Корану).

Mahmud, Hazrat Mirza Bashir-ud-Din. Introduction to the Study of the Holy Qur'an. The London Mosque, London, UK. 1985 (Махмуд Хазрат Мирза Башир-ад-Дин. Введение в изучение Священного Корана).

McClain, Ernest G. Meditations Through the Qur'an. Nicolas Hays Inc., York Beach, USA. 1981 (МакКлайн Эрнст Г. Размышляя с помощью Корана).

- Muhtar-Katircioglu, Mahmud. *The Wisdom of the Qur'an*. Oxford University Press, London, UK. 1935 (Мухтар-Катиркиоглу Махмуд. *Мудрость Корана*).
- Muir, Sir William. *The Coran: Its Composition and Teaching and the Testimony it Bears to the Holy Scriptures*. Society for Promoting Christian Knowledge, London, UK. 1903 (Муир, сэр Уильям. *Коран: Его композиция, учение и свидетельства, которые он вносит в Священные Писания*).
- Nöldeke, Theodor. *Geschichte des Qorans*. Georg Olms, Hildesheim, Germany. 1981 (1909) (Нелдеке Теодор. *История Корана*).
- Penrice, John. *A Dictionary and Glossary of the Koran*. Curzon Press, London, UK. 1979 (1873) (Пенрис Джон. *Словарь и глоссарий к Корану*).
- Roberts, Robert. *The Social Laws of the Qorvn*. Williams and Norgate Ltd., London, UK. 1925 (Робертс Роберт. *Социальные законы Корана*).
- Sale, George. *Preliminary Discourse to the Koran*. Frederick Warne & Co. Ltd., London, UK. N. d. (Сейл Джордж. *Вступительное слово к Корану*).
- Idem. with Wherry, E. M. *A Comprehensive Commentary on the Koran (4 volumes)*. AMS Press, New York, USA. 1975 (1896) (Он же в соавторстве с Уэрри Е. М. *Всеобъемлющие комментарии к Корану*).
- Seale, M. S. *Qur'an and Bible: Studies in Interpretation and Dialogue*. Croom Helm Ltd., London, UK. 1978 (Сил М. С. *Коран и Библия: Разыскания в области толкования и диалога*).
- Sell, Canon. *The Historical Development of the Qur'an*. Simpkin, Marshall, Hamilton, Kent & Co. Ltd., London, UK. 1923 (Селл Кенон. *Историческое развитие Корана*).
- Shah, Rev. Ahmad. *Miftah-ul-Qur'an (2 volumes)*. The Book House, Lahore, Pakistan. N. d. (Шах Рев. Ахмад. *Мифта-ул-Коран*).
- Al-Sha'rawi, Shaykh Muhammad Mitwalli. *The Miracles of the Qur'an*. Dar al Taqwa Ltd., London, UK. N. d. (Ал-Шарави шейх Мухаммад Митвалли. *Чудеса Корана*).
- Siddiqi, Mazheruddin. *The Qur'anic Concept of History*. Central Institute of Islamic Research, Karachi, Pakistan. 1965 (Сиддики Мажеруддин. *Кораническая концепция истории*).
- Stanton, H. U. Weitbrecht. *The Teaching of the Qur'an*. Biblo & Tannen, New York, USA. 1969 (1919) (Стантон Г. У. Уайтбрехт. *Учения Корана*).
- As-Suyuti, Jalaluddin al-Khudairi ash-Shafi'i. *Al-Itqan fii 'Ulum al-Qur'an*. Biblio Verlag, Osnabrück, Germany. 1980 (Ас-Суйути Джалалуддин ал-Худафри аш-Шафии. *Ал-Иткан фи Улум ал-Куран*).
- Al-Tabari, Abu Jafar Muhammad. *Jami' al-Bayan 'an Ta'wil ay al-Qur'an (15 volumes)*. Dar al-Fikr, Beirut, Lebanon. 1988 (Ал-Табари Абу Джафар Мухаммад. *Джами ал-Байан ан Тавил ай ал-Коран*).
- Idem. *The Commentary on the Qur'an (Volume One)*. Oxford University Press, Oxford, UK. 1987 (Он же. *Комментарии к Корану*).
- Tabataba'i, Allamah Sayyid M. H. *The Qur'an in Islam*. Zahra Publications, London, UK. 1987 (Табатабаи Аллама Сайид М. Х. *Коран в исламе*).
- Versteegh, C. H. M. *Arabic Grammar and Qur'anic Exegesis in Early Islam*. E. J. Brill, Leiden, Holland. 1993 (Верстиг К. Х. М. *Арабская грамматика и толкование Корана в раннем исламе*).
- Von Denffer, Ahmad. *'Ulum al-Qur'an: An Introduction to the Science of the Qur'an*. The Islamic Foundation, Leicester, UK. 1983 (Ван Денфер Ахмад. *Улум ал-Коран: Введение в науку Корана*).
- Wansbrough, J. *Quranic Studies: Sources and Methods of Scriptural Interpretation*. Oxford University Press, Oxford and London, UK. 1977 (Вансброу Д. *Изучение Корана: Источники и методы толкования Писания*).

Watt, W. Montgomery. Bell's Introduction to the Qur'an. Edinburgh University Press, Edinburgh, UK. 1970 (Уатт У. Монтгомери. Введение Белла в Коран).
Idem. Companion to the Qur'an. George Allen & Unwin Ltd., London, UK. 1917 (Он же. Спутник Корана).

Источники Корана

Bell, Richard. The Origin of Islam in its Christian Environment. Frank Cass & Co. Ltd., London, UK. 1968 (1926) (Белл Ричард. Происхождение ислама в христианском окружении).
Blair, Rev. John C. The Sources of Islam. The Christian Literature Society for India, Madras, India. 1925 (Блейр Рев. Джон К. Источники ислама).
Bravmann, M. M. The Spiritual Background of Early Islam. E. J. Brill, Leiden, Holland. 1972 (Бравманн М. М. Духовная основа раннего ислама).
Danby, Herbert. The Mishnah. Oxford University Press, London, UK. 1974 (1933) (Денби Герберт. Мишна).
Geiger, Abraham. Judaism and Islam. KTAV Publishing House Inc., New York, USA. 1970 (1898) (Гейгер Авраам. Иудаизм и ислам).
Katsh, Abraham I. Judaism in Islam. New York University Press, New York, USA. 1954 (Кац Авраам И. Иудаизм в исламе).
Rosenthal, Erwin I. J. Judaism and Islam. Thomas Yoseloff, London, UK. 1961 (Розенталь Ирвин И. Дж. Иудаизм и ислам).
Tisdall, W. St. Clair. The Original Sources of the Qur'an. Society for Promoting Christian Knowledge, London, UK. 1905 (Тисдалл У. Ст. Клейр. Подлинные источники Корана).
Idem. The Sources of Islam. T. & T. Clark, Edinburgh, Scotland, UK. 1901 (Он же. Источники ислама).
Torrey, Charles Cutler. The Jewish Foundation of Islam. KTAV Publishing House Inc., New York, USA. 1967 (1933) (Торрей Чарлз Катлер. Иудейские основы ислама).